

Обозреватель - Observer

№ 12(191)
2005

ИЗДАТЕЛЬ
ООО
“РАУ-Университет”

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ШТОЛЬ В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный директор
редакции)

НОВИКОВ Ю.Д.

(заместитель главного редактора)

АБАШИДЗЕ А.Х.

БЕРКОВ А.А.

ДЕРЯБИН Ю.С.

ЗИМЕНКОВ А.Л.

ИЗВЕКОВ Н.Н.

КОМАРОВ И.К.

КОТИЛЕВСКИЙ М.Д.

ЛЕБЕДЕВ Ю.В.

ЛУНЬКОВ А.Г.

МЧЕДЛОВ М.П.

ОРЛОВ А.А.

ПЕТРАКОВ Н.Я.

РЕПКИН Ю.М.

ЯХЬЯЕВ Т.Г.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АРИСТОВ В.В.

ГАБАРАЕВ Б.А.

ГАЛОГАНОВ А.П.

ДЕЛЯГИН М.Г.

ЕФИМОВ Б.Е.

ЖУРКИН В.В.

ЗОРИН В.С.

ИВАШОВ Л.Г.

ИВЛИЕВ Г.П.

КАШЛЕВ Ю.Б.

КРЕМЕНЮК В.А.

ЛАДЫГИН Ф.И.

ЛАПТЕВ П.А.

Статьи

- Ядерная энергетика в России и США: “две страны – две судьбы”. Б.Габараев, В.Ершов
- Быть ли России на Каспии? А.Максимов
- Военно-политическая интеграция в ОДКБ. В.Николаенко
- Угроза территориальной целостности России. В.Галицкий
- Терроризм в XXI веке. И.Николаев
- Россия – Центральная Азия – перспективы отношений. Л.Гусев
- Социальная политика Европейского союза: уроки для России. О.Дамаскин
- Китай: иностранные компании в сфере высоких технологий. А.Мамаев, З.Муромцева
- Реальный механизм урегулирования корейского ядерного кризиса. В.Денисов
- Инволюция ценностей или возрождения духовности? В.Идиатулин
- Инвестиционные модели на мировых рынках капитала. В.Котова, А.Джумов
- Человек “ближнего круга”. А.Берков

Рецензии

- Власть и политика на российском фоне. Н.Косухин
- Понять Америку – понять Россию. А.Задохин
- Человек, который сделал сам себя. О.Пересыпкин

ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-аналитический
журнал
«Обозреватель–Observer»
издается с 1992 г.

Оригинал-макет подготовлен редакцией информационно-аналитического журнала “ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
- OBSERVER”.

Адаптирован для WEB [службой поддержки](#).

ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В РОССИИ И США: “ДВЕ СТРАНЫ – ДВЕ СУДЬБЫ”*

Б.Габараев,

доктор технических наук,
Заслуженный энергетик РФ,
Генеральный директор ФГУП
“Научно-исследовательский и конструкторский
институт энерготехники им. Н.А. Доллежала”

В.Ершов,

первый заместитель Генерального директора ФГУП
“Научно-исследовательский и конструкторский
институт энерготехники им. Н.А. Доллежала”

Эволюцию человечества было бы справедливо рассматривать не только и не столько через призму хронологии зарождения, развития и исчезновения различных цивилизаций, но и через динамику освоения все новых форм и масштабов энергии**. Первый опыт освоения энергии в форме огня, скорее всего, был счастливой, но неизбежной случайностью для первобытных племен. Затем последовало более осознанное освоение энергии ветра и воды, а уже сегодня не просто даже перечислить все формы энергии, активно используемые человечеством.

Энергетика, под которой подразумевается вся совокупность средств для реализации процессов превращения одних форм энергии в другие, необходимые человеку в тех или иных целях, стала важнейшим атрибутом любого современного государства, своего рода мерилем мощи страны и благосостояния ее народа. Наиболее востребованные на сегодняшний день энергетические ресурсы, а именно нефть и природный газ, уран и уголь, сконцентрированы в одних странах мира, а используются, главным образом, в других.

По данным¹, в тройку богатейших стран по доказанным запасам нефти входят Саудовская Аравия (23%), Иран (11%) и Ирак (10%).

По природному газу эту тройку составляют Россия (27%), Иран (15%) и Катар (15%).

По потреблению нефти лидируют США (27%), Западная Европа (22%) и Япония (8,5%).

В лидирующую тройку по импорту природного газа входят США (16%), Германия (14%) и Япония (13%).

Ясно, что проблемы и перспективы энергетики уже приобрели транснациональный характер. Поэтому было бы полезно вначале взглянуть на общую перспективу развития мировой энергетики, а уже затем обратиться к российской энергетике.

Сценарий развития мировой энергетики

Сценарий развития мировой энергетики определяется, главным образом, динамикой численности населения и среднедушевого потребления энергии в странах мира.

Прогнозированию изменения этих факторов посвящено множество исследований, результаты

которых, естественно, не совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, обобщенные результаты этих работ свидетельствуют о том, что к 2050 г. наиболее вероятно увеличение численности населения Земли в полтора раза (на ~50%), суммарной потребности в первичной энергии вдвое (на 100%) и электроэнергии втрое (на 200%).

Потребность в электроэнергии. Как нетрудно видеть, потребление электроэнергии опережает по темпам роста потребление первичной энергии и, тем более, численность населения планеты. Это объясняется тем, что из всех современных видов энергии именно электрическая энергия является наиболее удобной формой для практического использования. Даже такому энергоемкому направлению, как транспорт, уготован со временем переход на электрическую тягу. Недаром электрификация была признана Национальной инженерной академией США основным техническим достижением XX в.

Для составления общего представления следует обратиться к сценарию развития масштабов потребности в электрической энергии.

Одним из наиболее авторитетных источников по данному вопросу является междисциплинарное исследование², выполненное коллективом американских ученых в Массачусетском институте (МТИ) США.

Анализ результатов этой работы представляет определенный интерес.

Ее авторы прогнозируют к 2050 г. увеличение численности населения Земли на 48% (с 5,8 до 8,7 млрд. чел.) при росте суммарного спроса на электроэнергию на 185% (с 13600 до 38700 млрд. кВт-ч) и среднедушевой потребности на ~92% с 2300 до 4500 кВт-ч/чел.

Однако по странам мира эта динамика распределена далеко неравномерно.

В частности, население развитых стран увеличится к 2050 г. всего на 9% (с 0,92 до 1,01 млрд. чел.) при росте суммарного спроса на электроэнергию на 93% и среднедушевой потребности на ~76% (с 8900 до 15700 кВт-ч/чел.).

Население развивающихся стран (без республик бывшего СССР) увеличится на 60% (с 4,6 до 7,4 млрд. чел.) при росте суммарного спроса на электроэнергию на 400% и среднедушевой потребности на 200% (с 920 до 2900 кВт-ч/чел.).

На фоне этой картины невозможно не обратить внимание на то, что по прогнозам МТИ в странах бывшего СССР численность населения к 2050 г. не только не увеличится, а уменьшится на 15%.

Наиболее драматична ситуация в России – снижение на 30% (с 145 до 104 млн. чел.) и в Украине – на 40% (с 50 до 30 млн. чел.).

За этот же период население Индии увеличится более, чем в полтора раза с 1,0 до 1,6 млрд. чел.

Еще более поразительно смотрится прогноз изменения численности населения США – увеличение на 40% (с 280 до 400 млн. чел.) на фоне стабильной численности населения остальных развитых стран.

Основные игроки мирового рынка потребности в электроэнергии. По состоянию на начало XXI в. наиболее крупным потребителем электроэнергии в мире являются США.

На долю Соединенных Штатов приходится 27% общемирового потребления при 4,8% мирового населения.

Суммарная доля остальных развитых стран мира по потреблению электроэнергии составляет 34% при 11% мирового населения.

Вместе с тем, доля Китая составляет всего лишь 8,8% при 22% мирового населения, а Индия – 3,7% при населении 17% от мирового.

Доля России по потребляемой электроэнергии составляет 5,6%, а по населению 2,4%.

Прогноз МТИ² на середину XXI в. дает несколько иную картину.

США сохраняют лидерство, но вместо 27% на их долю уже ожидается 22% при почти нынешней доле населения (4,8%).

На все остальные развитые страны мира прогнозируется 19% потребления электроэнергии при 7% мирового населения.

Сильно изменилась доля Китая, поднявшись до 15% от мирового потребления при 17% населения Земли.

Еще более разительны изменения в Индии, увеличение доли которой в потребности в электроэнергии прогнозируется с 3,7% до 13% при 18% от мирового населения.

Доля России снижается до 2,3% по потребности в электроэнергии и 1,2% по населению, то есть уменьшается более чем вдвое.

Таким образом, к 2050 г. из всех стран основными игроками мирового рынка потребности в электроэнергии ожидаются США (22%), Китай (15%) и Индия (13%), а суммарная доля всех развитых стран за вычетом США составляет всего лишь 19%.

Проблемы реализации ожидаемого сценария развития мировой электроэнергетики. По прогнозу МТИ2 ежегодное потребление электроэнергии в странах мира к 2050 г. возрастет с 13600 до 38700 млрд. кВт-ч, то есть на 25100 млрд. кВт-ч.

Основными вкладчиками в этот прирост являются США (19%), Китай (19%) и Индия (18%). Суммарная доля развитых стран мира за вычетом США составляет 30%, а на все остальные страны мира приходится 14%, в том числе доля России составляет всего лишь 0,5%.

Какие проблемы может вызвать реализация такого прироста ежегодного производства электроэнергии в случае доминирующего вклада тепловых станций?

В первую очередь, это угроза истощения мировых запасов наиболее удобных энергоресурсов для электростанций, а именно нефти и природного газа. Большинство прогнозов указывает на то, что при ожидаемых темпах потребления человечеству едва ли хватит ресурсов нефти и природного газа даже на ближайшие 80–100 лет.

Во-вторых, это так называемый “парниковый эффект” от продуктов сжигания углеводородного топлива, с которым многие ученые мира связывают глобальное потепление земной атмосферы и сопутствующие катаклизмы, в том числе ураганов типа “Катрин”, практически уничтожившего Новый Орлеан.

В настоящее время мировое производство электроэнергии обеспечивается, в основном, за счет сжигания органического топлива, доля которого составляет 60–65%.

Одних только окислов углерода выбрасывается при этом ежегодно в атмосферу 23 млрд. т в пересчете на углекислый газ CO₂, то есть приблизительно по 4 т парникового газа на каждого жителя нашей планеты. Ожидаемое утроение производства электроэнергии к 2050 г. увеличит нагрузку на атмосферу до 69 млрд. т в пересчете на CO₂.

По некоторым данным, потепление на 6–8°C может привести к последующему необратимому росту температуры атмосферы Земли до 150–180°C, пока не установится новое равновесие между поглощенным и отраженным излучением Солнца. Наша планета наподобие своей близкой соседки Венеры будет окутана водяным паром, поскольку при такой температуре испарится вся вода. Вследствие сворачивания белка погибнет вся органическая жизнь, включая и самих виновников катастрофы. Среди ученых имеются и противники теории “парникового эффекта”, которые рассматривают современное глобальное потепление как естественное следствие неких циклических процессов, происходящих на Солнце, либо в самой Земле. Человечеству необходимо, тем не менее, считаться с этой угрозой до тех пор, пока не будет неопровержимо доказано обратное, так как цена риска – само существование органической жизни, в том числе и человечества – слишком велика.

Таким образом, ресурсные ограничения по нефти и газу как топливу для электростанций и угроза глобального потепления земной атмосферы, в том числе при сжигании угля с его богатыми ресурсами, заставляют мировое сообщество рассматривать другие способы получения электроэнергии. Экологи нередко обращаются к так называемым возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), таким как, например, энергия больших и малых рек, солнечная энергия, геотермальная энергия, энергия биомассы, энергия приливов, волновая энергия и энергия, вызванная перепадом температур воды по глубине океана.

Некоторые, но далеко не все, страны располагают возможностью строить гидроэлектростанции на крупных реках, однако их потенциальный вклад в будущем не превысит 10%, причем ГЭС наносят существенный ущерб экологии окружающей среды (отчуждение больших территорий, исчезновение “проходных” пород рыбы и т.д.) и их фактическая мощность сильно колеблется сезонно и в зависимости от годового количества осадков. Кроме того, в таких регионах, как, например, Средняя Азия режимы водопотребления гидроэлектростанций и сельского хозяйства напрямую конфликтуют между собой. Когда хлопководству Узбекистана требуется максимум воды для орошения, то именно в это же время расположенным выше по течению рек гидроэлектростанциям Киргизии наиболее удобно придерживать сброс воды, чтобы накопить в своих водохранилищах необходимый для зимнего сезона запас.

Ещё меньшим потенциалом, чем гидроэлектростанции, обладает ветроэнергетика. Помимо хрестоматийно знаменитой Голландии с ее “ветряками” можно упомянуть в качестве стран с заметным использованием энергии ветра Данию, Германию и США, однако современные ветроэнергетические установки, производя более дорогую электроэнергию, далеко небезвредны в экологическом отношении (гибель птиц, шум, вибрация в почве и т.п.), а по отпускаемой мощности

сильно зависят от ветрового режима.

Возможности экономически конкурентоспособного производства электроэнергии с использованием других ВИЭ (солнечная энергия, энергия биомассы, геотермальная энергия, энергия малых рек, энергия приливов, волновая энергия, энергия перепада температур по глубине океана) еще более ограничены.

В целом по миру без учета крупных гидроэлектростанций доля возобновляемых источников энергии составляет всего лишь 1,6%, хотя в ряде стран она выше: Дания более 12%; Италия – 2,8%; Испания, Германия и Чили по 2,7%; США – 2,2%.

Как нетрудно видеть, для того, чтобы ВИЭ покрыли хотя бы половину требуемого прироста электроэнергии, необходимо увеличение их мощностей к 2050 г. в $100/1,6 = 63$ раза. За 50 лет такой рост невозможно реализовать, поэтому даже наиболее оптимистично настроенные специалисты рассматривают в качестве верхней “планки” уровень 5–6% от суммарной выработки электроэнергии в мире. Однако и этот уровень требует к 2050 г. увеличения мощностей ВИЭ в 10–12 раз, что также представляется не очень простой задачей.

Мировое сообщество возлагает большие надежды на освоение энергии слияния ядер, потенциал которой многократно превышает энергию деления ядер. Как известно, на площадке ядерного центра Кадараш во Франции в рамках проекта, реализуемого с участием Евросоюза, России, США, Японии, Китая и Кореи, вскоре начнут строить Международный термоядерный экспериментальный реактор (ИТЭР). Однако оценки большинства экспертов сходятся на том, что нас отделяет не менее столетия от того времени, когда термоядерные реакторы начнут вносить реальный вклад в мировое производство электроэнергии.

Таким образом, из возможных претендентов на ключевую роль в обеспечении человечества электроэнергией в первой половине XXI в. и далее нам осталось рассмотреть ядерную энергетику.

В настоящее время доля АЭС в мировой электроэнергетике составляет 15%. Вклад, казалось бы, достаточно скромный, но ядерная энергетика имеет меньше ресурсных и экологических ограничений, чем тепловая, использующая нефть, природный газ или уголь. Тем не менее, ядерная энергетика будущего должна отвечать целому ряду требований, чтобы взять на себя значительную (если не основную) часть прироста мирового производства электроэнергии³.

Требования крупномасштабной ядерной энергетики

Часть требований крупномасштабной ядерной энергетики характерна для любой крупномасштабной энергетике, тогда как некоторые требования связаны с её спецификой. К первой группе требований относятся:

- экономическая конкурентоспособность может быть достигнута за счет низкой стоимости и расширенного воспроизводства ядерного топлива, решения проблем безопасности АЭС без усложнения и удорожания их конструкций и без предъявления экстремальных требований к оборудованию и персоналу;

- обеспеченность топливными ресурсами может быть достигнута за счет использования плутония из отработавшего ядерного топлива, эффективного использования природного урана, а в дальнейшем и тория. При этом обеспечивается высокая степень топливной независимости страны;

- экологическая безопасность производства энергии и утилизации отходов может быть достигнута за счет замыкания топливного цикла со сжиганием в реакторе долгоживущих актиноидов и радиоактивных продуктов деления и радиационно-эквивалентным захоронением радиоактивных отходов (РАО) без нарушения природного радиационного баланса Земли.

Что касается специфики ядерной энергетики, то с ней тесно связаны такие требования, как:

- гарантированное при любых отказах оборудования, ошибках персонала и внешних воздействиях (за исключением ядерной атаки, падения астероида и т.п.) исключение тяжелых аварий с радиационными выбросами, требующими эвакуации населения. Это может быть достигнуто, главным образом, за счет присущих ядерным реакторам и их компонентам природных качеств и закономерностей (естественная безопасность);

- укрепление режима нераспространения ядерного оружия при использовании ядерной энергетики. Может быть достигнуто за счет исключения технологий обогащения урана и извлечения плутония из отработавшего ядерного топлива, а также за счет обеспечения физической защиты ядерного топлива от краж.

Ведущиеся в России более 20 лет поиски, а в последние 12 лет исследования и разработки показывают, что эти требования можно выполнить, не слишком отклоняясь от существующей

технологии, разработанной в рамках военных и гражданских программ, если последовательно реализовывать в реакторах принципы естественной (внутренне присущей) безопасности.

Это демонстрирует развитая в последние 10–15 лет институтами Минатома РФ концепция быстрого реактора БРЕСТ (быстрый реактор с естественной циркуляцией свинцового теплоносителя) с плотным уран-плутониевым нитридным топливом и охлаждением жидким свинцом, которая уже далеко продвинута по линии технического проекта⁴.

Концепцию отличает впервые примененный комплексный подход, когда предметом исследований и разработок является не только собственно реакторная установка, но и пристанционный ядерно-топливный цикл, включая изготовление и переработку ядерного топлива, обращение с радиоактивными отходами. Этой инновационной ядерной энерготехнологии отведено значительное место в действующей стратегии развития ядерной энергетики России.

Стратегия развития и особая роль ядерной энергетики России

Для России, в отличие от остальных стран мира за исключением, разве лишь, США, ядерная энергетика является не только средством удовлетворения собственной потребности в электроэнергии. Ядерная энергетика играет особую роль в жизни российского государства как одного из мировых лидеров, к тому же обладающего богатыми запасами нефти и природного газа. Поэтому целесообразно рассмотреть не только стратегию развития российской ядерной энергетики, но и ее особую роль для страны.

Стратегия развития ядерной энергетической России. Россия стала первой страной в мире, разработавшей официальную стратегию развития своей ядерной энергетики^{5,6}, которая предусматривает ряд мероприятий.

Так, до 2010 г.:

- повышение коэффициента установленной мощности действующих энергоблоков до проектного уровня ~75–81%;
- снижение эксплуатационной составляющей стоимости электроэнергии;
- продление срока эксплуатации энергоблоков, выработавших проектный ресурс;
- достройка и ввод в действие энергоблоков высокой и средней готовности;
- доведение проектов энергоблоков 3-го поколения до коммерческой реализации;
- сооружение референтных блоков 3-го поколения;
- разработка комплекса по утилизации и окончательному захоронению радиоактивных отходов;
- сооружение АЭС с быстрым реактором БН-800 на натриевом теплоносителе;
- сооружение демонстрационного блока АЭС с естественной безопасностью.

До 2030 г.:

- вывод из эксплуатации и утилизация энергоблоков 1-го и 2-го поколения и замещение энергоблоками 3-го поколения;
- развитие радиохимического производства по переработке топлива;
- разработка и сооружение головного промышленного образца быстрого реактора с естественной безопасностью;
- разработка теплового реактора с торий-урановым циклом с естественной безопасностью;
- сооружение объектов малой энергетики, включая стационарные и плавучие энергетические и опреснительные установки.

До 2050 г.:

- создание структуры крупномасштабной энергетики, ориентированной на покрытие возрастающих потребностей в производстве и экспорте электроэнергии;
- сооружение демонстрационного блока АЭС с тепловым реактором в торий-урановом цикле и его опытная демонстрация.

Как мы видим, “Стратегия” предусматривает:

- полное использование потенциала действующих энергоблоков 1-го и 2-го поколения с последующим их замещением энергоблоками 3-го поколения, также оснащенными реакторами на тепловых нейтронах;
- одновременное осуществление разработки экономически конкурентоспособных реакторов на быстрых нейтронах, которые позволяют снять или ослабить ограничения по ресурсу топлива, экологии и т.д.;
- подготовку к моменту, когда в качестве топлива для ядерных реакторов придется помимо

урана использовать торий.

Не остались без внимания вопросы малой энергетики, которая может быть востребована как в России, так и за ее пределами. Отмечена необходимость организации и расширения экспорта электроэнергии российских АЭС.

Уже из этого беглого взгляда на стратегию развития ядерной энергетики России можно видеть, что не только “поэт в России больше, чем поэт”, но и “ядерная энергетика в России больше, чем ядерная энергетика”.

Особая роль ядерной энергетики России. На мысли об особой роли ядерной энергетики России наводит попытка ответить на невольное напрашивающийся вопрос “А зачем, вообще, России ядерная энергетика, если она так богата органическим топливом, а именно нефтью, природным газом, углем?”.

Ответ на этот короткий вопрос получается довольно пространный.

Во-первых, российские запасы нефти и природного газа не так уж неисчерпаемы и при нынешних темпах потребления могут иссякнуть уже к концу XXI в. Каменного угля хватит на существенно больший срок, но его использование связано с множеством экологических проблем и огромными транспортными издержками.

Во-вторых, причина не только в грядущем дефиците органического топлива, но и в необходимости снижения угрозы глобального потепления, обусловленной парниковым эффектом газообразных продуктов сгорания органики.

В-третьих, не следует забывать о необходимости сохранения невозполняемых ресурсов для будущих поколений, особенно с учетом того, что нефть и природный газ используется не только в энергетике, но и в других областях, где они просто незаменимы.

В-четвертых, ядерная энергетика открывает перспективу экономически эффективного получения водорода – экологически чистого топлива. Водород можно использовать как традиционным путем сжигания в двигателях, так и путем прямого получения электроэнергии из топливных элементов. В любом случае, конечным продуктом является вода, а не “парниковый” газ.

Мы видим, что замещение тепловых электростанций атомными приносит России множество выгод. Особенно хотелось остановиться на экспортной составляющей:

Во-первых, потенциальным предметом экспорта являются сами АЭС, как например, строящиеся Россией энергоблоки в Китае, Индии и Иране, ядерное топливо для этих энергоблоков и разрабатываемые в настоящее время стационарные и плавучие ядерные установки для получения электроэнергии и опреснения воды. Во-вторых, крупномасштабное развитие российской ядерной энергетики сможет обеспечить увеличение как экспорта собственно электроэнергии, так и экспорта нефти и природного газа, что немаловажно в условиях стремительного роста мировых цен на органику.

К сожалению, эту простую истину не понимают в Минпромэнерго России, где искренне полагают, что новые АЭС объективно не нужны, так как в стране переизбыток электрогенерирующих мощностей: 150% по отношению к текущей потребности.

При этом не принимается в расчет, что многие из упомянутых мощностей остались существовать только на бумаге и в воображении специалистов Минпромэнерго ввиду их неприемлемого технического и морального износа, а текущая потребность в электроэнергии, как минимум, удвоится одновременно с решением задачи по удвоению ВВП, поставленной Президентом В.В.Путиным. В силу своей инерционности электроэнергетика не будет поспевать за потребностями промышленности, ведь завод можно построить за 2–3 года, а цикл создания электростанции составляет, как минимум, 5–6 лет.

Россия является, как известно, самой холодной страной в мире. Применение атомных теплоэлектростанций и малых ядерных энергетических установок позволит обеспечить теплом и электричеством как города, так и небольшие населенные пункты с соответствующей инфраструктурой и производством.

Сравнительно дешёвая электроэнергия российских АЭС позволяет российскому правительству проводить щадящую тарифную политику в отношении цен на электричество для населения страны и, тем самым, избегать неприемлемого нарастания социальной напряженности.

Таким образом, при должном развитии ядерная энергетика в России не только станет существенным способом удовлетворения собственных потребностей в электроэнергии, но и позволит увеличить экспортный потенциал страны, продлить сроки исчерпания запасов нефти и природного газа, решить проблему обеспечения теплом, избежать нарастания социальной напряженности в стране.

Вполне резонно задаться вопросом “А что необходимо для ядерной энергетики России, чтобы реализовать все эти заманчивые перспективы?”.

Талантами Россия, как и природными ресурсами, богата как немногие другие страны, но для российской ядерной энергетики наступил момент, когда усилий одних только талантов ученых, конструкторов и инженеров уже не хватает.

Требуется государственная поддержка, подкрепленная политической волей руководства страны.

Необходимость государственной поддержки ядерной энергетики

Тезис о необходимости государственной поддержки ядерной энергетики отнюдь не является чисто российской спецификой. Во многом он характерен и для США, наряду с которыми СССР стал пионером освоения энергии деления атомного ядра и до сих пор делит (уже в виде Российской Федерации) лидерские позиции в этой области. Для США тоже ядерная энергетика не только способ удовлетворения собственных потребностей в электроэнергии, но и средство для завоевания мирового рынка и соответствующего роста своего влияния в мире. Интересно сравнить подходы в России и США к развитию своей ядерной энергетики.

Ядерная энергетика в США и России: две страны – две судьбы

Сравнение США и России в подходах государства к развитию ядерной энергетики представляет интерес не только потому, что обе страны были пионерами ядерной энергетики, являются ее лидерами и могут в перспективе иметь множество выгод от ее крупномасштабного развития. В настоящее время США являются самой рыночной страной в мире, тогда как Россию можно, в лучшем случае, рассматривать как страну на пороге рынка. В России сегодня скорее имеет место базар, чем настоящий рынок. Тем удивительнее выглядят результаты сравнения этих двух стран. Однако прежде обратимся к более детальному рассмотрению ситуации в каждой из них.

США: государство и ядерная энергетика. В июле 2002 г. директора 6 национальных лабораторий США направили министру энергетики письмо о необходимости “задействовать всеобъемлющий и интегрированный план по дальнейшему развитию ядерной энергетики и обращения с ядерными материалами”. По поручению министра энергетики позднее эти директора представили в апреле 2003 г. “План действий”, преследующий 3 цели:

- сократить загрязнение воздуха и глобальный климатический риск и улучшить энергетическую безопасность США и всего мира за счет безопасных и экономичных решений в области ядерной энергетики;
- снизить к 2005 г. на 90% объем радиоактивных отходов, требующих хранилищ для окончательного захоронения;
- обеспечить снижение угрозы распространения ядерного оружия в условиях все более широкого использования ядерной энергетики в мире.

Директора национальных лабораторий отметили, что достижение этих целей потребует от США увеличения капитальных вложений в разработку технологий ядерной энергетики. Отмечена была необходимость ускорить выполнение текущих американских программ по научным исследованиям и проектам. Директора рекомендовали государству четыре конкретных действия на ближайшее будущее:

- обеспечить значительные стимулы для сооружения новых американских АЭС, для чего необходимо снизить финансовый риск нового строительства;
- разработать и продемонстрировать в первой половине XXI в. реактор 4-го поколения, способный обеспечить значительную долю необходимого прироста в производстве электроэнергии и получение водорода в качестве топлива для транспорта;
- разработать и продемонстрировать технологии замкнутого ядерного топливного цикла, чтобы иметь в будущем экономичный социально-направленный и политически устойчивый топливный цикл;
- продемонстрировать технологию, которая бы установила международный стандарт на предотвращение распространения ядерного оружия.

По мнению директоров национальных лабораторий США, государство должно делать

устойчивые и существенные капиталовложения в инфраструктуру ядерных исследований и разработок по четырем направлениям:

- университетское ядерное образование и программы;
- ресурсы национальных лабораторий США;
- базовые ядерные технологии, особенно в области исследовательских программ;
- сохранение информации для сохранения технологий, разработанных в прошлом, и их использования в текущих программах.

Для осуществления долгосрочных целей “Плана действий” необходимо устойчивое правительственное обязательство на общую сумму не менее 10 млрд. долл. США.

При этом директора национальных лабораторий США напоминают, что “история является превосходным гидом в этом отношении – общие капиталовложения правительства США в коммерческие ядерные исследования и разработки за последние 50 лет приблизительно равны государственным доходам от вырабатываемой ядерной электроэнергии в США за 1 год”.

Следует отметить, что призывы директоров 6 национальных лабораторий США не повисли в воздухе, а претворяются в жизнь. Президент США Дж.Буш-мл., выполняя свои предвыборные обещания, добился отмены законодательных запретов на разработки в области быстрых реакторов и замкнутого ядерного топливного цикла. Недавно вступило в силу новое энергетическое законодательство, призванное помочь строительству новых электростанций, включая АЭС.

Законодательство предусматривает защиту инвестиций для первых шести реакторов (которые могут быть построены в ближайшем будущем), чтобы снизить риск, связанный с задержками федерального финансирования, на которые отрасль повлиять не может.

Обращает на себя внимание декларируемое директорами 6 национальных лабораторий США представление: “Устойчивый мир, процветание и качество окружающей среды обеспечиваются путем установления немедленного лидерства США в глобальной экспансии ядерных энергетических систем”.

Иными словами, налицо агрессивно-наступательная позиция с ясным осознанием жизненно полезной цели для страны и уверенностью в наличии необходимой ресурсной и политической поддержки со стороны государства. США могут гордиться директорами своих национальных ядерных лабораторий.

Россия: государство и ядерная энергетика. В России имеются своего рода национальные ядерные лаборатории, такие как, например, всемирно известный РНЦ “Курчатовский институт” в Москве, “Физико-энергетический институт им. А.И.Лейпунского” в Обнинске, “ВНИИ неорганических материалов им. академика А.А.Бочвара”, “Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники им. Н.А.Доллежала” в Москве, ОКБ “Гидропресс” в Подольске, ОКБМ им. И.И.Африкантова в Нижнем Новгороде и т.д. Директора российских национальных лабораторий являются не меньшими энтузиастами и знатоками ядерной энергетики, чем директора американских лабораторий.

В июле 2004 г. под эгидой МАГАТЭ в Вене состоялся форум директоров национальных ядерных лабораторий США и России “Вперед к глобальному ядерному будущему”. В результирующем “Совместном документе директоров” отмечено:

- имеет место дилемма: Россия, США и другие ядерные державы могут либо поощрять и содействовать мирному использованию ядерных ресурсов, либо вечно нести ответственность за их существование;
- для разрешения этой дилеммы ядерным державам следует объединиться для разработки нового подхода к ядерной энергетике, позволяющего обеспечить для всех стран мира открытый доступ к ядерным энергоисточникам и, вместе с тем, предотвращающего распространение ядерного оружия;
- выступая в качестве инициаторов разработки новых ядерных энерготехнологий, удовлетворяющих этому подходу, Россия и США вновь выйдут “на ядерную передовую” и станут лидерами грядущей новой ядерной эры.

О необходимости развития ядерной энергетики говорится и в историческом выступлении Президента России Федерации Путина В.В. на Саммите Тысячелетия в ООН 6 сентября 2000 г.⁷, где отмечена необходимость перекрыть пути расползания ядерного оружия, исключив использование в мирной ядерной энергетике обогащенного урана и чистого плутония, подчеркнута значимость возможности сжигать плутоний и другие радиоактивные элементы в реакторах и предложено от имени России разработать и реализовать при участии МАГАТЭ соответствующий международный проект.

Генеральный директор Эль-Барадеи поддержал инициативу Президента России и с 2001 г. под эгидой МАГАТЭ реализуется международный проект ИНПРО, в котором число участвующих государств и международных организаций недавно перевалило за 20.

Участники ИНПРО уже разработали методологию оценки различных ядерных энерготехнологий и с ее помощью группы экспертов анализируют несколько специально выбранных технологий.

Казалось бы, в России ситуация с развитием ядерной энергетики должна быть благополучной. Налицо поддержка Президента, организован соответствующий международный проект, активную позицию занимают директора ключевых институтов и КБ.

Никто не оспаривает потенциальные выгоды от крупномасштабного развития ядерной энергетики. Россия первая в мире разработала стратегию развития ядерной энергетики, прописанную даже в двух серьезных государственных документах^{5, 6}.

Между тем, даже за короткий период, прошедший с момента принятия “Стратегии”, мы стали свидетелями пробуксовывания в развитии российской ядерной энергетики.

Фактическая линия развития нашей ядерной энергетики уже сейчас проходит все ниже и ниже минимального варианта, не говоря уже о максимальном варианте.

Например, предполагалось достроить к 2010 г. 5 энергоблоков суммарной мощностью 5000 МВт, фактически этот срок уже “уходит” к 2015 г., так как за 6 лет достроены только 2 энергоблока, а именно первый блок Волгодонской АЭС и третий блок Калининской АЭС.

По энерговыработке российских АЭС тоже обозначилось и углубляется со временем отставание от минимального варианта.

Еще хуже обстоит дело с разработкой эволюционных и инновационных реакторных энерготехнологий.

Вследствие недостаточного финансирования отстает разработка реактора 3-го поколения ВВЭР-1500, который в 1,5 раза мощнее нынешнего ВВЭР-1000 и предназначен для замещения действующих реакторов 1-го и 2-го поколений РБМК-1000 и ВВЭР-1000.

Практически прекращено финансирование инновационной ядерной энерготехнологии с реакторной установкой БРЕСТ, которую американские эксперты из созданной по поручению президентов США и России российско-американской группы признали “вершиной российских разработок” и готовы были рекомендовать для совместного проекта при условии решения некоторых политических моментов (видимо, связанных с Ираном).

Искать в самой отрасли причины возникновения такой ситуации представляется напрасной потерей времени. Она назло недругам России сохраняет корпоративный дух на всех этапах управления, а иначе дела могли обстоять еще хуже. Ядерная отрасль еще сохраняет необходимый потенциал для реализации поставленных перед ней задач, но задыхается из-за отсутствия государственной поддержки.

Несмотря на инициативу Президента России В.В.Путина о поддержке развития ядерной энергетики, правительство России с упорством, достойным лучшего применения, проводит линию на её “вымирание”.

Даже проект быстрого реактора БН-800, нашедший солидную поддержку в Госдуме, финансируется такими темпами, что его построят через 30–35 лет.

Так, в чем же все-таки причина столь драматического развития российской ядерной энергетики, почему она не получает необходимого объема финансирования?

Дело в том, что текущая государственная политика фактически определила в качестве единственного финансового источника развития ядерной энергетики инвестиционную составляющую тарифа на электроэнергию. Российская ядерная энергетика поставлена в условия самокупаемости.

С точки зрения “рыночных” министров российского правительства это абсолютно оправданный подход. Однако инвестиционной составляющей тарифа на электроэнергию едва хватает на обеспечение безопасной эксплуатации и достройку незавершенных энергоблоков, причем со “все большим опозданием от принятых в стратегии” сроков. Увеличение этого источника приведет к удорожанию электроэнергии, что может вызвать социальный протест. В нашей стране тариф на электроэнергию еще долго будет определяться “рыночными механизмами”, а не вынужденной социальной политикой Президента и правительства.

Нельзя сказать, что правительство России не ищет выхода. Оно предпринимает меры к тому, чтобы привлечь в ядерную энергетику частный капитал. С этой целью готовятся соответствующие законы, проводится подготовка к акционированию концерна “Росэнергоатом”, в состав которого

входят все российские АЭС. Трудно согласиться, что изменение формы собственности спасет ситуацию.

Например, сравнительно долго уже существует РАО «ЕЭС», однако это пока не привело к мощному притоку частных инвестиций.

Давно известно, что эффективность предприятия зависит не от формы собственности, а от эффективности его управления и налогового режима. По поводу налогового режима также можно отметить, что в отношении предприятий отрасли правительство его только ужесточает, причем с завидной последовательностью.

Сторонники акционирования концерна «Росэнергоатом» заверяют, что изменение формы собственности сделает ядерную энергетику России привлекательной для частного капитала. Однако пример РАО «ЕЭС» говорит о том, что эти ожидания напрасны ввиду длительности срока окупаемости (10–15 лет) и высокой вероятности экономического риска. В случае инновационных ядерных энерготехнологий срок окупаемости может достигать 25–30 лет, а какой «капиталист» согласится заморозить несколько миллиардов долларов на такой срок, каким бы патриотом России он не был.

Только государство может себе это позволить в понимании экономической, социальной и политической роли ядерной энергетики для России. Однако такое возможно лишь при условии, что «рыночные» министры будут руководствоваться не только сиюминутными соображениями.

Деньги непомерно раздутого Стабилизационного фонда России вложены в зарубежные банки, развивая экономику других стран. Понадобилось вмешательство Президента, чтобы обеспечить из Стабфонда финансирование хотя бы нескольких социальных программ.

К сожалению, ядерная энергетика пока обречена на все большее отставание от принятой стратегии.

Заключение

Для России и США ядерная энергетика играет особую роль, являясь не только средством удовлетворения собственных потребностей в электроэнергии и экологически чистом водородном топливе, но и возможностью экспорта высокотехнологичной продукции, а также политическим инструментом усиления своей роли в мировой иерархии.

Президенты обеих стран В.В.Путин и Дж.Буш-мл. публично признают роль ядерной энергетики своих стран и декларируют поддержку ее развития, в том числе и путем международного сотрудничества. В США позиция президента нашла реальное воплощение в виде принятия соответствующих законов, выделения миллиардов долларов государственных бюджетных средств на развитие ядерной энергетики. И это в самой рыночной стране мира, где все АЭС являются частной собственностью. Открыто декларируется важность ядерной энергетики для сохранения и укрепления лидерства США в мире.

В России же инициатива Президента В.В.Путина фактически повисла в воздухе. «Рыночные» министры самой «нерыночной» страны Большой восьмерки поставили российскую ядерную энергетику в условия полной самоокупаемости. Единственным источником финансирования нашей ядерной энергетики является инвестиционная составляющая тарифа на электроэнергию. Этого источника едва хватает на то, чтобы со все большим отставанием достраивать ядерные энергоблоки высокой степени готовности. О реальном объеме финансирования эволюционных и инновационных ядерных энерготехнологий говорить не приходится.

Увеличение тарифа на электроэнергию может привести к резкому обострению социальной напряженности в стране. Акционирование концерна «Росэнергоатом», объединяющего все российские АЭС, вряд ли приведет к массовому притоку отечественного и иностранного частного капитала, учитывая сроки окупаемости 25–30 лет и высокий уровень экономического риска. Только массивная финансовая и законодательная поддержка государства позволит сохранить и укрепить пока еще имеющееся мировое лидерство России в области разработок быстрых реакторов и замкнутого ядерного топливного цикла. К сожалению, текущая политика правительства России не позволяет на это рассчитывать, а через несколько лет уже будет поздно ввиду необратимой потери потенциала отрасли.

Осталось только еще раз подчеркнуть: «Ядерная энергетика в России и США: две страны – две судьбы!»

Примечания

* Данная статья отражает только личную позицию авторов.

** “Энергия (от греч. *Energeia* – действие, деятельность) – общая количественная мера движения и взаимодействия всех видов материи. Энергия в природе не возникает из ничего и не исчезает; она только может переходить из одной формы в другую (см. Энергии сохранения закон). Понятие энергия связывает воедино все явления природы” – такое определение приведено в 30-м томе “Большой советской энциклопедии” (3-е изд. 1978 г.) для одного из наиболее фундаментальных понятий в жизни человечества.

¹ BP Statistical Review of World Energy. June. 2004.

² An Interdisciplinary MIT Study // The Future of Nuclear Power. Massachuset, USA, 2003.

³ Белая книга ядерной энергетики. Под ред. проф. Е.О.Адамова. М.: Минатом России, 2001.

⁴ Быстрый реактор естественной безопасности со свинцовым теплоносителем для крупномасштабной ядерной энергетики. Под. ред. Е.О.Адамова, В.В.Орлова. М.: Минатом России, 2002.

⁵ Стратегия развития атомной энергетики России в первой половине XXI века. М.: Минатом России, 2000.

⁶ ТЭК России: Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. М., 2003.

⁷ Президент Российской Федерации Путин В.В. Выступление в ООН 6 сентября 2000 г. на Саммите Тысячелетия. Нью-Йорк, США, 2000.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

БЫТЬ ЛИ РОССИИ НА КАСПИИ?*

А.Максимов,
Заслуженный метеоролог РФ

Фундаментальный смысл великого наставления красноармейца Сухова “Восток – дело тонкое” не понят и забыт властью новой России.

Историческое сознание народов Кавказа и Средней Азии в течение столетий было и продолжает быть связанным с Россией, которая всегда изучала и искренне помогала выживанию и становлению народов Востока, обеспечивая тем самым и свой статус великой евразийской державы.

Еще Н.М.Карамзин с восхищением удивлялся евразийскому подвигу русского народа, “который смелостью и мужеством снискал господство над девятою частью мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внеся их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейства, употребленные другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего”.

Это высказывание справедливо применительно и к советскому периоду российской истории.

В начале 90-х годов стало очевидно, что углубляющаяся кризисная, политическая, социально-экономическая, экологическая и ресурсная ситуация в Каспийском регионе, представляет серьезную угрозу национальной безопасности России и её интересам.

Негативное развитие обстановки требует коренного пересмотра проводимой Россией хаотичной, инертной и недалёковидной политики в регионе.

Необходима разработка взаимоувязанных, отвечающих фундаментальным интересам страны направлений, осуществления обоснованных практических мер, направленных на решение главной стратегической задачи России в новых условиях: сохранения мира и стабильности в регионе, укрепления сотрудничества между прикаспийскими странами.

Многие в России хорошо понимают роль Каспия в судьбе страны и поэтому предлагают основы государственной политики на Каспии в новых геополитических условиях.

В частности, в 90-х годах российскими организациями, в рамках Миннауки России и РАН при лидирующей роли СОПС, было выполнено фундаментальное научное исследование: “Проблема Каспийского региона: разработка предложений по выбору ресурсной политики и обеспечению эколого-экономической безопасности Российской Федерации”.

В нем были предложены основы политики, учитывающие коренные интересы России в Каспийском регионе в новых исторических условиях, а также интересы других прикаспийских стран.

Такая политика предполагает ориентацию на сбалансированное рациональное использование природных и других ресурсов региона, на сохранение уникальной природной системы Каспия.

На базе материалов этого исследования в Госдуме РФ 2 февраля 1999 г. Комитет по безопасности, Комитет по экологии и Комитет по международным делам организовали парламентские слушания с участием ведущих специалистов по каспийской тематике.

Подготовленные по итогам слушаний рекомендации могли бы составить хорошую основу для практических действий России в Каспийском регионе.

На слушаниях в Госдуме была подтверждена необходимость при осуществлении политики на Каспии исходить из следующих базовых принципов и приоритетов:

1. Любые решения по политике и действиям России в этом регионе следовало бы принимать на основе поиска оптимального для нее баланса прикладных, общерегиональных и геополитических интересов в их долгосрочной перспективе.

2. Необходимо противодействовать реальным угрозам интересам России, и активно сотрудничать в сферах и направлениях, отвечающих интересам страны.

3. Генеральная линия российской дипломатии должна базироваться на двух основополагающих позициях:

- судьбу Каспия, этого замкнутого внутриконтинентального водоема, могут и должны решать только прикаспийские государства;
- при поиске путей регулирования режима использования Каспийского моря исходить из соответствующих положений, предусмотренных договорной системой 1921 и 1940 гг.

4. В рамках геополитических и военно-стратегических интересов России в Каспийском регионе перспективным направлением является активизация оборонного и военно-технического сотрудничества с прикаспийскими государствами.

5. Особую важность приобретает развитие взаимовыгодного торгового, научно-технического, экономического и природоохранного сотрудничества с Ираном, занимающим выгодное геополитическое положение в регионе.

6. Заслуживает особого внимания реализация неотложных мер по восстановлению и развитию внешнеэкономических и торговых связей с использованием для этих целей воднотранспортных путей Европейской России, Каспийского моря, а также территории Ирана.

7. В природоресурсной политике России следует исходить из принципа сбалансированного использования нефте- газовых и возобновляемых ресурсов, уделяя особое внимание уникальным биологическим ресурсам моря.

При этом не следует поддерживать стремление нефтяного сектора прикаспийских стран форсировать разработку минеральных ресурсов Каспия.

Такой подход диктуется в настоящее время ограниченными возможностями нашей страны на принятие решений (в том числе и по проблемам статуса Каспийского моря), отвечающих коренным интересам страны в регионе.

8. Россия должна проявлять инициативу в решении природоохранных проблем Каспия, так как:

- во-первых, после разрушения СССР основной научно-технический и информационный потенциал по природоохранной тематике остался в РФ, а также учитывая тот факт, что 83% баланса вод Каспия формирует Волга;
- во-вторых, учитывая трансграничные и причинно-следственные особенности природоохранной сферы, лидерство в этой области позволит оказывать значительное воздействие и на другие аспекты природопользования, социально-экономического развития и на межгосударственные отношения.

В 2000 г. 8 всемирно известных ученых-академиков РАН обратились к своим коллегам в других прикаспийских странах с призывом объединить усилия и предпринять срочные меры для предотвращения социальной и экологической катастрофы в Каспийском регионе.

В отечественных исследованиях¹ российской науки содержатся предостережения о том, что в текущем веке Каспий может стать орудием взлома внутренней экономической, социальной и политической ситуации в России. Дело в том, что подходы и средства решения всего комплекса проблем Каспия могут открыть дорогу внешним силам к любым ресурсам России даже при номинальном сохранении и укреплении политического суверенитета страны.

На Каспии приобретают мощную политическую нагрузку проблемы качества среды. Экологическая обстановка в регионе близка к катастрофе. В сочетании с нищетой и локальными конфликтами она может перерасти в фактор политической нестабильности во всем регионе, включая Россию.

Из всех ресурсов Каспийского региона для России важнее всего рыба. Её экспортная ценность соизмерима с возможным поступлением средств от экспорта каспийской нефти, а сам рыбный экспорт технически проще и дешевле. Причем, в отличие от нефти, рыбные запасы способны восполняться.

Также существенны перспективы Каспийского региона как узла коммуникаций, способного связать между собой Европу с растущими экономиками Китая, Индии и Центральной Азии. Для этого регион должен быть приведен в определенное правовое состояние, стабилен и безопасен, в том числе экологически.

Другие ресурсы региона, включая нефть и газ, при всем их значении, занимают в экономике и экспорте России подчиненное место. Примерно то же можно сказать и про Иран.

Однако именно углеводородные ресурсы региона стали главным, едва ли не единственным, источником средств у новых прикаспийских стран. Фактически, эти государства заняли позицию: вначале развитие, потом экология. Доставшиеся ресурсы оказались для них жизненно важными. Однако основные рынки не испытывают нужды в каспийской нефти, а странам региона нужны средства, поэтому внешние инвестиции могут последовать только в обмен на внеэкономические интересы, в частности для нажима на Россию.

Каспий сегодня делят не как море как таковое, а его недра. Делят так, как будто в Каспии нет воды, а в воде – жизни. И такой подход неизбежно увеличивает риски для экологии Каспия, а тем самым – и для национальной безопасности России. Кроме того, концентрация исключительно на проблеме и процедуре раздела Каспия вне связи с проблемой сохранения его экосистемы в целом, как центральной задачи, опасна из-за угрозы разрастания общей конфликтности в регионе, что безусловно, откроет регион для небескорыстных влияний извне.

Уникальному морю необходимо уникальное политическое решение, суть которого в том, что делить надо не столько море, сколько ответственность за его сохранение и использование.

“Каспийский кондоминиум” – совместное владение морем, распоряжение его ресурсами, при солидарной ответственности за наступающие экологические последствия всех прикаспийских государств – вот подход, способный спасти Каспий и его экосистему, стать моделью международного и регионального эколого-экономического сотрудничества в XXI в.

Всякий раздел необходимо принимать только в пакете с конкретными обязательствами сторон и заинтересованных субъектов (прежде всего, ТНК) по всем видам будущей их ответственности за сохранение каспийской экосистемы.

К сожалению, российская исполнительная власть не прислушалась к этим рекомендациям. Вместо продолжения традиционной, исторически оправдавшей себя политики в Каспийском регионе, в настоящее время фактически реализуется иной курс. Его стержнем является соперничество с западными нефтяными компаниями в вычерпывании каспийской нефти. Российские нефтяные компании, поддерживаемые правительством и президентом, стали такими же мародерами нефтяных богатств Каспия, как и многочисленные западные ТНК, вторгшиеся в регион после развала СССР.

Можно констатировать, что результатом проводимой сейчас политики России на Каспии, наряду с возможной экологической катастрофой, может стать окончательное разрушение геополитических позиций страны в этом регионе, ликвидация её обширных прав, определенных договорной системой 1921 и 1940-х гг.

Невосполнимый ущерб интересам России на Каспии был нанесен в сентябре–ноябре 1993 г., когда ОАО “ЛУКОЙЛ” при поддержке руководителя Минтопэнерго Ю.Шафраника, грубо нарушив российское законодательство, присоединилось к консорциуму (в который входит 8 западных транснациональных нефтяных компаний, ТНК) по совместной разработке нефтяных месторождений на юге Каспия.

Именно тогда “ЛУКОЙЛ” и Минтопэнерго пошли на поводу у американской дипломатии, которая в интересах своих ТНК настаивала (и добилась) фактического раздела Каспия на сектора.

Противоправные действия “ЛУКОЙЛа” и Минтопэнерго осуществлялись вопреки позиции тогдашнего МИД России, который заканчивал согласование инициированных Ираном и поддержанных Казахстаном и Туркменистаном договоренностей о консенсусе всех прикаспийских государств при решении вопросов разработки природных ресурсов Каспия.

Проведение политики в узкокорыстных интересах российского нефтяного сектора и претензии на сохранение максимума прав России, определенных договорной системой 1921 и 1940 гг. – вещи несовместимые. МИД РФ должен был понимать изначальную бесперспективность такой прямолинейной политики, так как она невыгодна для прикаспийских соседей.

Нетрудно было предположить, что после развала Советского Союза правительства прикаспийских стран, прежде всего Азербайджана и Казахстана, будут действовать не менее эгоистично, чем Россия. Подталкиваемые западными странами, ТНК и собственными проблемами, Азербайджан и Казахстан также взяли курс на неограниченную эксплуатацию нефтегазовых ресурсов Каспия в ущерб его уникальным биологическим ресурсам и окружающей среде. Здесь для них Россия – не союзник, а конкурент. При этом они бесцеремонно нарушают нормы международного права, относящиеся к договорной системе 1921 и 1940 гг., признанные мировым сообществом. Но у России нет оснований обвинять их в этом – её нефтяной сектор также был

участником этих внеправовых действий.

В соревновании с западными ТНК Россия проигрывает.

По информации самой активной на Каспии российской ТНК – “ЛУКОЙЛ”², ее инвестиции в Каспийском регионе к 2020 г. составят около 13 млрд. долл.

Западные страны и ТНК значительно более активны. По некоторым данным в последние 5 лет инвестиции США в регионе Средней Азии выросли на 20 млрд. долл.³. Только одна ТНК – “Бритиш Петролеум” планирует вложить (в основном, в Азербайджане) около 12 млрд. долл. в течение ближайших 8 лет. Уже сейчас США и Англия контролируют 27% каспийской нефти и 40% природного газа.

Как видно, ситуация не в пользу России. Экологическая катастрофа на Каспии, которая весьма вероятно в результате деятельности нефтегазовых ТНК ударит по всем другим прикаспийским странам. Во властных структурах прикаспийских стран об этом мало думают. А что касается ТНК, то их прибыли от такого развития событий никак не пострадают. При этом позиция ТНК сводится к следующему: “В своей деятельности на Каспии мы строго следуем национальному законодательству прикаспийских стран”. А если законы несовершенны или даже преступны по отношению к окружающей среде Каспия? А если нефтяной сектор в прикаспийских странах воздействует на формирование выгодного для себя национального законодательства?

В этих условиях со стороны России нужны были неординарные решения. Общегосударственным интересам страны отвечала не откровенная гонка в вычерпывании каспийской нефти, а разработка и широкая пропаганда подхода, где во главу угла поставлено сбалансированное использование всех ресурсов Каспия, включая пространственные, биологические, нефтегазовые, а также жесткие меры по охране природы Каспия.

Акцент в такой региональной деятельности должен быть сделан на обоснование и доведение этого подхода до правительств прикаспийских стран, до широкой мировой общественности. Именно такая позиция, а не откровенное лоббирование российских нефтяных компаний, на современном этапе могла бы отвечать исторической миссии России в регионе. Для отстаивания этой позиции у России имеется необходимый политический, экономический и интеллектуальный потенциал.

Показательна реакция исполнительной власти России на призывы ученых и Госдумы. МИД России, выполняя поручение правительства о мерах по реализации итогов парламентских слушаний 1999 г., направил в Госдуму “дежурный” ответ⁴, в котором содержится только констатация позиции и текущей деятельности различных органов исполнительной власти в Каспийском регионе. (О позиции и мерах МПР России вообще не упоминалось). Отсутствовало главное – конструктивная реакция на рекомендации Госдумы по разработке перспективной и сбалансированной ресурсной и природоохранной политики России на Каспии, отвечающей ее коренным интересам.

На сегодняшний день главным практическим итогом политики России на Каспии являются подписанные соглашения с Казахстаном и Азербайджаном о разделе дна Каспия. Они узаконивают деятельность западных ТНК на Каспии, являются очередным значительным шагом в потере там российских позиций и создают реальную угрозу экологической катастрофы.

Вершиной бездарности современной российской политики на Каспии следует считать провал состоявшейся в Ашхабаде (апрель 2002 г.) встречи президентов всех пяти прикаспийских стран по выработке общего подхода к статусу Каспийского моря. Дошло даже до скандальной ситуации, когда президент Ирана досрочно покинул встречу. Провал этой встречи лежит, прежде всего, “на совести” России.

Встреча могла бы стать результативной. Хотя её инициатором выступил президент Туркменистана, но главным действующим лицом встречи должен был быть Президент России. К этому его обязывала вся её прошлая история. В.Путин должен был предельно откровенно и компетентно обосновать, что политика, проводимая на Каспии в последнее десятилетие всеми прикаспийскими странами, включая Россию, эгоистична и недальновидна: она превратит Каспий в “мертвое море”.

Но чтобы так сказать должна быть проведена значительная подготовительная работа по формированию и практической реализации национальной и региональной политики, которая не была бы ориентирована только на нефть.

Недавно проблемой Каспия “озаботился” Совет Федерации России, который организовал “круглый стол” (17 февраля 2005 г.) на тему: “Проблемы реализации единой системы коллективной безопасности Каспийского моря”.

К сожалению, Совет Федерации и исполнительная власть России проигнорировали рекомендацию слушаний в Госдуме (2 февраля 1999 г.) “Об обращении к парламентам прикаспийских государств с инициативой создания Межгосударственного экспертного совета Каспийского региона по проблемам природопользования и безопасности”. Совет Федерации также никак не прореагировал на вывод парламентских слушаний в Госдуме о том, что “... учитывая важность Каспийского региона, с точки зрения безопасности и фундаментальных интересов России, на федеральные органы представительной власти России (Государственная Дума и Совет Федерации) целесообразно возложить выработку предложений по основным и ключевым направлениям государственной политики страны в этом регионе”.

Исполнительная власть вообще посчитала, что “вряд ли следует рассматривать вопрос о заключении договора о коллективной безопасности с прикаспийскими государствами”⁴.

Обсуждение, состоявшееся на “круглом столе” в Совете Федерации, свидетельствует о формальном и акцентированном исключительно на нефть отношении к этой жизненно важной для России проблеме. Несколько рекомендаций, принятых на “круглом столе”, носят общий, неконкретный и несущественный характер.

Перед Советом Федерации можно было бы поставить более масштабную задачу. Совет Федерации при подготовке рекомендаций мог бы опереться на внесенные 5 лет назад предложения Госдумы по данной проблеме. Не откладывать на неопределенное время, а выступить с совместной (Совет Федерации и Госдума) инициативой о создании Межпарламентской каспийской ассамблеи. Предложить создать в ее рамках (как предлагает Госдума) Межгосударственный экспертный совет Каспийского региона по проблемам безопасности, природопользования и охраны окружающей среды.

К сожалению, указанные предложения, внесенные участниками “круглого стола”, были проигнорированы его организаторами.

Рекомендации “круглого стола” в Совете Федерации не включают главный вопрос проблемы обеспечения общегосударственных интересов и безопасности России в Волго-Каспийском регионе, а именно: формирование и реализацию общегосударственной политики в области рационального природопользования, безопасности и охраны окружающей среды в регионе, а также предложений по региональной политике. Главная и практически единственная рекомендация “круглого стола”: создание системы коллективной безопасности в регионе для “обеспечения своих политических и экономических интересов, поддержания в регионе стабильности и безопасности, при наличии новых угроз и вызовов...”.

Является весьма вероятным, что эта идея окажется нежизнеспособной. Во-первых, потому, что она, как следует из материалов “круглого стола”, направлена, прежде всего, на “обеспечение интересов” нефтяного сектора. Во-вторых – из-за противоборства на Каспии многочисленных региональных и внерегиональных ТНК, поддерживаемых “своими” странами. Эта идея может быть реализована только в том случае, если будет сформулирована и согласована между прикаспийскими странами региональная политика, отвечающая их долгосрочным интересам.

В связи с рассмотрением “круглым столом” Совета Федерации рекомендации о создании “системы коллективной безопасности в регионе” возникает принципиальный вопрос о провалах во взаимодействии различных ветвей власти России в решении жизненно важных для страны вопросов. Эти провалы совершенно недопустимы, поскольку от обеспечения безопасности и общегосударственных интересов России в Волго-Каспийском регионе зависит, по сути, выживание страны в целом.

Поэтому на всех уровнях решения этой проблемы должно быть обеспечено взаимодействие и объединение усилий в достижении поставленных общегосударственных целей.

Например, было предложено, чтобы в рекомендациях “круглого стола” были отражены разработанные научным сообществом России исходные принципы и приоритеты при формировании государственной политики России в Каспийском регионе (в том числе и в сфере безопасности). Это могло стать хорошим отправным пунктом для выработки совместной позиции Госдумы и Совета Федерации по этому вопросу.

Во время дискуссии РАН внесла исключительно важное предложение о “замораживании” на какое-то время природоресурсной (прежде всего, в области нефти и газа) деятельности на Каспии, учитывая неблагоприятное для прикаспийских стран развитие геополитической, экономической и экологической ситуации в регионе. Это предложение выглядит достаточно радикальным в современных условиях, но его учет в рамках формирования и реализации сбалансированной природоресурсной и природоохранной политики отвечал бы фундаментальным интересам и

безопасности России и других прикаспийских стран.

К сожалению, представители МИД России, нефтяного бизнеса и руководство “круглого стола” выступили против этих предложений, и они не нашли отражения в окончательном документе.

Принимая рекомендацию “круглого стола”: “Обеспечить скоординированность действий федеральных министерств и ведомств, органов власти субъектов Российской Федерации, отечественных деловых кругов и национально ориентированного бизнеса в Каспийском направлении”, нужно было проанализировать имеющийся 13-летний опыт координации этой деятельности в России.

В 1992 г. была образована Правительственная комиссия по проблемам Каспийского моря, деятельность которой была абсолютно неэффективной. Причина – Комиссия функционировала на общественных началах, фактически ничего не анализируя, никого ни к чему не обязывая и не контролируя.

МПР России, ответственное в прошлом за эти провалы, не сделало из этого никаких выводов. Оно продолжает настаивать на “общественном” характере координационного механизма на Каспии⁵.

Опыт нашей страны, как и мировой опыт показывают, что решение вопросов политики, планирования и управления сложными природно-экономическими комплексами требует создания действующих на постоянной основе государственных координационных механизмов, наделенных необходимыми полномочиями и обеспеченных соответствующим финансированием. Отнюдь не случайно США, Всемирный Банк и Евросоюз, осуществляя экспансию в Волго-Каспийском регионе через природоохранную сферу, во главу угла поставили создание и функционирование под своим контролем разветвленной организационной структуры. В ее компетенцию входят любые вопросы не только социально-экономического развития и охраны природы, но и вопросы безопасности, статуса Каспийского моря, политики и практики использования минеральных и биологических ресурсов и т.д. На функционирование этой структуры внерегиональные структуры использовали практически все средства внешней помощи.

С точки зрения обеспечения фундаментальных интересов и безопасности России требуется реально действующий, эффективный механизм как для анализа и выработки решений, так и координации практической деятельности в рамках выработанной национальной политики управления Волго-Каспийским регионом.

Указанный механизм мог бы включать два ключевых уровня. Один из них – уровень исполнительной власти – для выполнения практических работ по координации деятельности всех участков хозяйственной и природоохранной деятельности в Волго-Каспийском регионе. Активное участие российского парламента также могло стать важной составной частью данного механизма.

За основу могла быть принята следующая рекомендация парламентских слушаний в Госдуме (2 февраля 1999 г.): “Учитывая важность Каспийского региона с точки зрения безопасности и фундаментальных интересов России, на федеральные органы представительной власти России (Государственная Дума и Совет Федерации) целесообразно возложить выработку предложений по основам и ключевым направлениям государственной политики страны в этом регионе с последующим рассмотрением правовых актов, устанавливающих эту политику, и принятием по ним решений, что обеспечит баланс федеральных, региональных и межотраслевых интересов при реализации этой политики. Указанные органы представительной власти России также должны рассматривать и принимать решения по предложениям исполнительных органов, связанных с выполнением крупных проектов и программ по внешнеполитическому и внешнеэкономическому, экологическому, природоресурсному и другим направлениям политики России в Каспийском регионе”.

Эта рекомендация Госдумы была отвергнута при обсуждении на “круглом столе” в Совете Федерации, как нарушающая Конституцию России.

Однако в соответствии со ст. 71 и 72 Конституции РФ, Совет Федерации и Государственная Дума имеют право вырабатывать предложения по основам и ключевым направлениям государственной политики страны (в том числе, по вопросам безопасности, природопользования и охраны окружающей среды).

Волго-Каспийский регион имеет жизненное значение для России, поэтому предложение об активном и непосредственном участии обеих палат Парламента России в формировании государственной политики в этом регионе является обоснованным.

В мировой практике формирование законодательной основы и выработка основ политики

государства в указанных областях относятся к компетенции органов его представительной власти. Именно на этом уровне утверждаются концептуальные предложения правительства по политике и программам развития ресурсов в регионах, санкционируются проекты разработки месторождений и любых крупных объектов, рассматриваются такие политико-экономические, социально-экономические и экологические вопросы, как например:

- перспективы отраслевого развития (инфраструктура, влияние на национальный доход, рентабельность и налоги (предварительная подготовка вопросов по налогообложению входит в компетенцию правительства), новые рабочие места, новые технологии);
- воздействие отраслей на положение в социально-политической области (охрана труда, техника безопасности, социальное положение занятых, военно-стратегический потенциал);
- воздействие отраслей на экологию района;
- перспективы научно-технического и торгово-экономического сотрудничества с другими странами, целесообразность иностранного участия;
- потребность и размеры финансирования, а также ряд других вопросов, затрагивающих национальные интересы.

Финалом всей совокупности вышеуказанной деятельности, как показывает международный опыт, является разработка и принятие конкретных законодательных актов и императивных нормативных документов.

Указанный зарубежный опыт может быть с большой пользой применен и в условиях всего Волго-Каспийского региона.

Специфика региона, состоящая в неразрывной связи компонентов природопользования с экологическими, социально-экономическими и международно-правовыми компонентами, диктует необходимость такой политики, стержнем которой является разработка и реализация единой региональной программы развития Волго-Каспийского региона.

Целью участия Совета Федерации и Госдумы в формировании и реализации ресурсной и природоохранной политики в Волго-Каспийском регионе должно быть:

- обеспечение безопасного и сбалансированного природопользования в регионе;
- недопущение экспансии других государств;
- обеспечение экологической безопасности в регионе;
- повышение притока региональных налогов в федеральный бюджет;
- снижение дотаций в бюджеты прикаспийских субъектов Федерации.

Важнейшим аспектом общегосударственных интересов является обеспечение федерального контроля над добычей, транспортировкой и реализацией углеводородного сырья (в том числе транзитного), а также использованием, охраной, воспроизводством биоресурсов и охраной окружающей среды.

Роль Совета Федерации и Государственной Думы в достижении этой цели могла бы состоять в разработке и принятии законодательных актов, создающих основу для реализации указанной политики на Каспии, а также в разработке законодательных инициатив по реализации единой региональной программы развития Каспийского региона.

Ряд предложений по таким законодательным актам и региональным инициативам был сформирован в рамках проведенных в России исследований, а также на парламентских слушаниях в Госдуме (2 февраля 1999 г.).

Совет Федерации и Государственная Дума для выполнения этой работы могли бы создать национальный экспертный совет с несколькими рабочими группами, который бы обеспечивал участие этих органов власти в Межпарламентской каспийской ассамблее и Межгосударственном экспертном совете Каспийского региона, как это предложено Государственной Думой.

Деятельность зарубежных представительных органов власти в разработке и реализации ресурсной и природоохранной политики конкретных территорий и морских акваторий осуществляется в тесном взаимодействии с органами исполнительной власти. При таком взаимодействии правительственный уровень управления обеспечивает:

- проработку наиболее крупных экономических вопросов в сфере своей компетенции;
- выдает лицензии на разведку и добычу ресурсов;
- отвечает за доходность бюджета от освоения ресурсов;

- контролирует проведение коммерческих и внешнеторговых операций по видам ресурсов, а также правильность расчетов с бюджетом;
- формирует и контролирует состояние стратегических запасов;
- издает разнообразные информационно-статистические материалы, и т.д.

Зарубежный опыт (например, Норвегии), свидетельствует о том, что еще на этапе разработки и согласования между представительной и исполнительной ветвями власти концептуальных документов по политике и программам развития в функции исполнительной власти закладывается ее ответственность за защиту интересов государства в части ресурсной базы, материальных и финансовых затрат, защиту ноу-хау, реализацию мероприятий по решению экологических проблем.

Важным направлением деятельности правительственных органов является подготовка альтернативных вариантов на случай возможной корректировки принятых решений и обеспечение баланса интересов фирм – отраслей – регионов – населения, с одной стороны, и с другой – интересов государства.

Наряду с государственными органами, в разработке концептуальных документов по указанным программам развития участвуют заинтересованные частные фирмы. Они вносят рекомендации законодательной и исполнительной власти, чтобы в концепции были отражены:

- четкие ориентиры перспектив развития той или иной отрасли в долгосрочном плане;
- равные условия функционирования для предприятий всех форм собственности и отраслевой принадлежности;
- опережающий и высокий уровень развития производственной инфраструктуры;
- стабильность ставок налогов и штрафов, и т.д.

Указанное взаимодействие государственных органов и бизнеса за рубежом в корне отличается от того, что существует в российской практике на Каспии.

Если в других странах разработка концептуальных документов по комплексному развитию ресурсного потенциала территорий и морских акваторий осуществляется представительной и исполнительной ветвями власти, где устанавливаются ориентиры и для частного сектора, то в Волго-Каспийском регионе это делается самим частным сектором при отсутствии реальных программ комплексного регионального развития.

Высокая эффективность зарубежной политики и программ развития территорий и морских акваторий, правильность подходов к их выбору и формированию в значительной мере связаны с широким привлечением к этой деятельности (на концептуальной и внедренческой стадиях) научных организаций, ученых и специалистов различного профиля.

Законодательные органы, помимо соответствующих комитетов, на стадии формирования законодательной основы и выработки концептуальных документов, часто формируют специальные экспертные группы для выполнения научных исследований по различным важным производственным, экономическим и экологическим характеристикам планируемой деятельности.

Исполнительные органы государственной власти также привлекают науку для выработки альтернативных решений, которые после детального обсуждения и корректировки направляются на рассмотрение и утверждение законодательных органов и органов управления.

Таким образом, если ориентироваться на передовой мировой опыт реализации единой общегосударственной политики в сферах безопасности, ресурсов, природоохраны и социально-экономического развития, то для разработки и реализации такой политики в Волго-Каспийском регионе необходимо формирование в России двухуровневого механизма, включающего законодательную и исполнительную ветви власти. Поэтому представляется ошибкой исключение из окончательного документа “круглого стола” в Совете Федерации рекомендации Правительству РФ о разработке механизма формирования и реализации политики России в Волго-Каспийском регионе.

Что касается роли Государственной Думы и Совета Федерации, представляется важным, чтобы была реализована рекомендация парламентских слушаний в Госдуме (2 февраля 1999 г.).

Как и во время “первой волны” экспансии Запада на Каспии (внедрение западных ТНК в начале и середине 90-х годов), Россия проводит инертную и недальновидную политику по отношению к внерегиональным субъектам – в природоохранной сфере. Иницилируемые США, Всемирным Банком, Евросоюзом, НАТО с 1995–1997 гг. природоохранные программы и проекты являются элементом геополитической стратегии, направленной на их проникновение и закрепление в Волго-Каспийском регионе, а не на решение природоохранных проблем в регионе.

В этой ситуации прикаспийские страны, естественно, заботясь о своих интересах, в целом занимают выжидательную позицию в отношении Каспийской экологической программы (КЭП). Они охотно подключились к региональной геополитической игре, хорошо понимая антироссийские цели КЭП и, просчитывая, какие выгоды они могут получить. Наши каспийские соседи прагматично настроены по отношению к КЭП, с готовностью принимая ту небольшую помощь, которая им перепадает (например, через систему “малых грантов”), с удовольствием участвуют в многочисленных мероприятиях (совещания, семинары, морские круизы, и т.д.), организуемых за счет КЭП для сбора информации по Каспию. Такое участие их особенно устраивает, потому что не только внерегиональные субъекты, но и они сами плохо знают Каспий: так сложилось исторически, что изучение Каспия, в основном, было прерогативой России.

Они лояльно настроены к многочисленным западным инициативам в КЭП, опротестив считая засилье внерегиональных представителей в КЭП стартовым этапом для последующих западных инвестиций как в охрану природы, так и в другие сферы.

У некоторых стран (Иран) явно прослеживается стремление через активное участие в КЭП играть ту роль на Каспии, которую раньше играл СССР. В рамках КЭП США положительно относятся к переносу в Иран центра тяжести природоохранной деятельности на Каспии, уходя от политики обструкции и давления на него. Это может объясняться тем, что, во-первых, таким образом принижается роль России в важнейшей сфере жизни Каспийского региона, а во-вторых, иранское общество неоднородно, в нем имеются и проамериканские настроения.

Другая страна – Азербайджан, фактически полностью находящийся в фарватере политики США, НАТО и Евросоюза на Каспии не прочь использовать КЭП (явно с корыстной подачи “Бритиш Петролеум” – истинного хозяина страны) как трибуну для критики советского прошлого и современной России как виновников экологических бед Каспия.

Вместе с тем наши прикаспийские соседи настороженно и с недоверием относятся к тем инициативам западного руководства КЭП, где они чувствуют конкретное ущемление своих выгод. Например, их негативное отношение к идее Всемирного Банка по созданию Каспийского экологического фонда, где внерегиональные представители играли бы ключевую роль.

Прикаспийские страны, хотя и подписали, но осторожно относятся к инициативе и подготовленной в рамках КЭП Рамочной конвенции по сохранению природной среды Каспийского моря, не зная, каким содержанием Запад ее наполнит.

В связанных с экологией программах и проектах на Каспии они могли бы поддерживать предложения России, которые им понятны, выгодны и посильны. Вся беда заключается в том, что таких инициатив у России мало.

После развала Советского Союза значительно уменьшился вклад России в решение экологических проблем всего Каспия.

Например, сейчас трудно рассчитывать на принятие российских инициатив по согласованным региональным действиям в области рыбного хозяйства (в частности, согласовать и подписать соответствующее соглашение, инициированное Россией), в то время как в России с начала 90-х годов основной вылов осетровых осуществляется браконьерами.

Аналогично и в области мониторинга окружающей среды Каспийского моря.

Ранее на Каспии действовала мощная система получения и распространения данных и информации о состоянии и загрязнении окружающей среды, которые играли важную роль в принятии ключевых управленческих решений в регионе.

Сейчас же функционируют только ее индивидуальные “осколки”. Подготовленный Россией проект Межправительственного соглашения по воссозданию единой системы едва ли может быть претворен в жизнь в значительной мере из-за того, что реальный российский вклад в ее воссоздание в настоящее время очень мал.

В то же время другие прикаспийские страны (Азербайджан и Казахстан), под влиянием и при поддержке ТНК создают альтернативные системы в интересах, прежде всего, нефтяного сектора.

Можно с уверенностью сказать, что объединить усилия всех прикаспийских стран в этой сфере было бы значительно легче в случае активизации Россией на Каспии океанографических, аэрокосмических, аэрологических и др. наблюдений.

И уж совсем не способствует, а наоборот, противодействует развитию регионального природоохранного сотрудничества узкокорыстная ориентация России на максимальную эксплуатацию нефтегазовых ресурсов Каспия в ущерб биологическим ресурсам и охране природы.

Естественно, все эти факторы негативно сказались и на возможности России оказывать политическое воздействие на принятие отвечающих ее интересам и безопасности решений по

экологическим вопросам. Это и есть главная причина того, что до настоящего времени не заключены несколько инициированных Россией природоохранных соглашений.

Такое положение дел в значительной мере определяет позицию других прикаспийских стран и в рамках КЭП.

Они хорошо понимают нынешнюю слабость России, используют в своих интересах направленные против нее действия внерегиональных руководителей КЭП.

Об этом свидетельствует их отношение к созданию оргструктур КЭП под контролем западных представителей, переносу центра деятельности по вопросам биологических ресурсов и биоразнообразия в Тегеран и Баку, вопросов колебания уровня моря в Алма-Ату, вопросов регионального загрязнения Каспия в Тегеран и Баку и т.д.

Наши прикаспийские соседи прекрасно осведомлены о потенциале России, о ее огромном вкладе в прошлом в природоохрану Каспия. Поэтому они маневрируют и ждут реакции России, адекватной ее потенциалу, на давление извне, понимая, что такая ситуация фактического “отсутствия” России в КЭП неестественна и не может продолжаться вечно.

Эту ситуацию хорошо понимают и используют в своих целях западные руководители КЭП.

До настоящего времени позиция России в КЭП абсолютно не соответствовала ее потенциалу и весу в каспийских делах.

Как должностное преступление следует рассматривать одобрение российской стороной концепции КЭП, подрывающей фундаментальные интересы и безопасность России в Каспийском регионе. Этот документ не только не был рассмотрен в России в установленном порядке (в частности, не было никакой его юридической экспертизы), но в нарушение ФЗ “О международных договорах РФ” был от имени России одобрен (2 мая 1998 г.) на совещании в Рамсаре (Иран) российской делегацией, возглавлявшейся чиновником средней руки Госкомэкологии России. При этом у делегации отсутствовали обязательные в таком случае полномочия на такое одобрение.

Несмотря на категорически отрицательное экспертное заключение по утвержденной концепции КЭП, сделанное Миннауки России⁷ и Институтом мировой экономики и международных отношений РАН, игнорируя поручение Правительства России (№ ВЦ-П1-”20952 ГД от 28 июня 1999 г.), руководитель Госкомэкологии России В.Данилов-Данильян отказался включить вопрос о концепции КЭП в повестку заседания Правительственной комиссии по проблемам Каспийского моря (24 ноября 1999 г.). По его указанию на заседание Комиссии не были допущены ученые и специалисты, мнение которых о содержании КЭП отличалось от мнения Госкомэкологии России. В связи с этим председатель Комитета Госдумы по безопасности В.Илюхин, депутат Госдумы А.Грешневиков и заместитель председателя высшего экологического совета при Комитете Госдумы по экологии М.Лемешев направили протест в адрес Заместителя Председателя Правительства РФ В.Щербака (письмо № 708-12 от 3 декабря 1999 г.).

Однако дело было уже сделано: правительство России дало “зеленый свет” участию России в КЭП на основании решения принятого в результате манипуляций.

Ущерб от участия России в КЭП огромен. Он может быть сравним с ущербом, нанесенным стране ОАО “ЛУКОЙЛ” и Минтопэнерго, подключившимся с 1993 г. к сделке с западными ТНК по добыче нефти в южном Каспии. Россия потеряла 10 лет, фактически сведя природоохранное сотрудничество с прикаспийскими странами к участию в КЭП. В течение этого периода компетентные российские организации, ученые, специалисты предостерегали руководство Госкомэкологии от послушного исполнения установок КЭП, разработанных американцами, о необходимости выработки собственной каспийской программы и вынесения ее на рассмотрение прикаспийских стран, а также для обсуждения в рамках КЭП.

В частности:

1. Исследование российских ученых, основные выводы которого одобрены Госдумой РФ, подчеркивало необходимость разработки единой международной программы развития Каспийского региона, основными составляющими которой могли бы быть:

- экологический блок;
- экономический блок;
- нормативно-правовой блок;
- организационно-управленческий блок (см. письмо первого заместителя Министра Миннауки России М.Кирпичникова в адрес Председателя Комитета ГД РФ по безопасности В.Илюхина от 31 августа 1998 г. № 503-П).

2. Экспертное заключение Миннауки России на концепцию КЭП (письмо заместителя Министра Миннауки России В.Ничкова в адрес Председателя Комитета ГД РФ по безопасности В.Илюхина, № 590-П от 30 сентября 1999 г.).

В экспертном заключении, в частности, предложено: “Было бы полезно подготовить российский проект Каспийской Экологической Программы, выходящей за пределы национального плана соответствующей деятельности и включающий также предложения по оздоровления экологической ситуации в Каспийском регионе. Этот план мог бы использоваться не только для построения экологической политики самой Российской Федерации, но и как долговременная основа российской позиции на всех международных переговорах по проблематике экологии Каспийского региона. Весьма желательно, чтобы национальный проект Каспийской экологической программы в последнем его качестве прошел предварительной согласование в соответствующих комитетах Федерального Собрания и был бы утвержден как позиция на уровне Правительства РФ”.

3. Доклад ИМЭМО РАН “Оценка последствий реализации концепции КЭП с точки зрения интересов России” (письмо заместителя директора ИМЭМО РАН Н.Королева на имя председателя Комитета ГД РФ по безопасности В.Илюхина от 19 ноября 1999 г. № 14504/01 – 1225).

ИМЭМО РАН, в частности, считает необходимым:

“Срочно выработать общегосударственную стратегию в вопросах каспийского экологического сотрудничества и обеспечить единство позиции по этому вопросу во всех задействованных структурах власти как “по горизонтали” (то есть всех государственных ведомств, так или иначе связанных с природоохранной проблематикой Каспия), так и “по вертикали” (то есть на всех уровнях власти, начиная от местных властей в прикаспийских территориях РФ и кончая соответствующими органами федеральной власти, включая президентскую). Расхождения в принципиально важном вопросе международно-правового статуса Каспия, демонстрирующиеся до сих пор различными органами власти РФ, совершенно недопустимы, поскольку они отвечают интересам сторонников раздела моря. Также недопустимо отдавать на откуп отдельным государственным ведомствам право на одобрение или неодобрение тех или иных природоохранных международных договоров, каким, по сути, является концепция Каспийской Экологической Программы (КЭП)...

Разработать согласованную программу общих действий всех прикаспийских государств в обеспечении экологически устойчивого использования Каспийского моря. Среди такого рода действий особое внимание следует обратить на единый подход к осуществлению контроля в регионе над иностранными нефтедобытчиками со стороны всех прикаспийских государств. Кроме того, необходимо сделать упор на разработку и согласование всеми прикаспийскими странами своих природоохранных норм и стандартов, связанных с морепользованием на Каспии, отвечающих соответствующим мировым показателям и учитывающим специфику экологической системы Каспийского моря”.

ИМЭМО также акцентировал внимание на том, что “в целях обеспечения собственной экологической безопасности России в Каспийском регионе необходимы практические выводы относительно наших собственных, внутренних угроз безопасности в виде бесконтрольных возможностей распоряжаться национальными природными ресурсами со стороны отдельных государственных структур и промышленно-финансовых группировок”.

4. Конструктивными и конкретными были предложения Росгидромета к концепции и программе КЭП, неоднократно направляемые в Госкомэкологии.

Внося свои предложения, Росгидромет исходил из того, что деятельность в рамках КЭП можно переориентировать так, чтобы ее результаты могли принести реальную пользу через максимальное объединение усилий прикаспийских стран и международной помощи.

Несмотря на обилие продекларированных задач, 1-я фаза КЭП, на самом деле, включала только два основных компонента:

- сбор, анализ и обработка значительных объемов данных и информации;
- создание и функционирование оргструктур, подконтрольных внерегиональным представителям.

В этой ситуации Росгидромет в 1996–1997 гг. разработал и согласовал с гидрометслужбами других прикаспийских стран и ВМО концепцию и мероприятия первой фазы “Комплексной программы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды в регионе Каспийского моря” (КАСПАС).

Концепция и мероприятия были сформированы таким образом, чтобы их реализация могла

обеспечить основную часть информационных потребностей КЭП. КАСПАС была предложена для включения в КЭП как ее неотъемлемая часть.

В таком случае решение задач в рамках КЭП обеспечивалось бы надежными данными и информацией, поставляемыми специально уполномоченными государственными органами прикаспийских стран, была задействована в полном объеме имеющаяся инфраструктура, данные, результаты исследований, и т.д.

Однако предложения российских организаций и учреждений не устраивали американцев и Всемирный банк, поскольку в этом случае они теряли главное: полный контроль над ключевыми аспектами природоохранной деятельности в регионе. Следуя позиции внерегионального руководства КЭП, Госкомэкологии России также игнорировал вышеуказанные предложения российских организаций и учреждений.

Первая фаза КЭП закончилась; средства в объеме 20 млн. долл., поступившие в виде помощи, израсходованы, не дав никакого реального эффекта в решении экологических проблем Каспия. Зато США, Всемирному Банку и Евросоюзу удалось достичь поставленных в КЭП целей в установлении своего контроля над природоохранной и связанной с ней деятельностью в Каспийском регионе нанеся ущерб интересам и безопасности России.

Примечания

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2005. № 10, 11.

¹ Море проблем. Монография. М.: СОПС, 2001.

² Пресс-релиз ЛУКОЙЛ от 4 июня 2004 г.

³ <http://www.peoplesmarch.com/publications/eco-crisis/boiling.htm>

⁴ Письмо заместителя министра МИД России И.Д.Иванова на имя председателя комитета ГД по безопасности В.И.Илюхина от 14 декабря 1999 г. № 40806/ГС.

⁵ Письмо заместителя Министра природных ресурсов России В.Степанкова в адрес депутата Госдумы А.Грешневикува от 31 декабря 2004 г. № ВС-24-25/7989.

⁶ Зиланов В. Каспийские осетры – заложники политиков-временщиков и нефтяных королей // “Обозреватель–Observer”. 2001. № 11.

⁷ Письмо заместителя Министра науки и технологий России В.Ничкова в адрес Председателя Комитета Госдумы РФ по безопасности В.Илюхина от 30 сентября 1999 г. № 590-П)

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ОДКБ

В. Николаенко,
кандидат исторических наук

Создание Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) ставит своей целью вывод на новый уровень сотрудничества по всем направлениям и существенное развитие интеграционных связей на постсоветском пространстве. Они не должны быть самоцелью, а должны проводиться в интересах более глубокой интеграции коалиционных сил на различных стратегических направлениях, объединения всех факторов, имеющих к этому отношение, для более эффективной борьбы с терроризмом и другими вызовами и угрозами, оснащения войск и спецслужб современными высокотехнологичными вооружениями и военной техникой. Все это должно эффективно сопровождаться и координироваться в политико-дипломатическом плане, причем в большинстве случаев политические меры должны быть как бы первым рубежом защиты от посягательств на суверенитет и территориальную целостность союзнических государств, играть направляющую роль во всех интеграционных процессах.

Приняв решение о создании своей военно-политической организации, все участники должны работать на ее авторитет и укрепление позиций, делать ОДКБ привлекательной. Пока это происходит не в полной мере как по вине союзников, так и самой России и ее соответствующих ведомств. В конечном счете, успех любого коллективного дела зависит от решимости и политической воли его участников, готовых ради этого поступиться некоторыми уже сформировавшимися интересами, в том числе с внешними партнерами и организациями.

Россия в Евразийском регионе и в ОДКБ

Евразийский регион, являющийся в широком понимании зоной действия и ответственности ОДКБ, выдвинулся в последние годы в ряд наиболее проблемных в международных отношениях. Он явился средоточием наиболее глубоких противоречий современного мира: противоречий между Севером и Югом с их зачастую полярными показателями экономического развития и благосостояния населения; противоречиями, связанными с тем, что здесь сосуществуют самые различные культуры, религии и цивилизации; наличием резко контрастирующих социальных структур – от постиндустриальных обществ на Западе до феодальных на Юге, от демократических и рыночных до авторитарных, диктаторских режимов и самых примитивных форм хозяйствования.

Внутренние противоречия региона дополняются воздействием внешних факторов, связанных с борьбой за источники сырья и за политическое влияние, прежде всего на постсоветской территории. Дело дошло до выдвижения администрацией Дж.Буша–мл. задачи обратить чуть ли не все государства Ближнего и Среднего Востока в “демократическую” веру, причем испытательным полигоном для этого эксперимента США и их ближайшие союзники избрали Афганистан и Ирак. Речь идет о насильственном обращении, предпринятом под покровом борьбы с международным терроризмом.

Все это не может не вызывать сопротивления со стороны мусульманского мира с его традиционными ценностями, что существенно обостряет противоречия в Евразийском регионе, осложняет проблемы терроризма и других вызовов и угроз безопасности как этого региона, так и мира в целом. Американский подход к сложным проблемам развития незападного мира, отражающий в чем-то постулат известного политолога из США С.Хантингтона о неизбежности “столкновения цивилизаций”, свидетельствует лишь о неспособности предложить решение острых

проблем социально-экономического характера или проблем безопасности, по существу заменив их конфронтацией между Западом и остальным миром. Политика, проводимая сегодня в отношении “большой” Центральной Азии является новым изданием конфронтации между Западом и Востоком периода “холодной войны”. Только на этом этапе Вашингтон, под предлогом борьбы с терроризмом, хочет склонить на свою сторону Россию и другие постсоветские государства.

В этой связи в какой-то степени представляется оправданным тезис того же Хантингтона, который в своей статье¹ (1993 г.) включил Россию в число “разрываемых” государств*. Если уже тогда у Хантингтона не было уверенности в том, что Россия отвечает необходимым требованиям для перехода в западную цивилизацию, то сегодня политика, проводимая Россией, дает для этого еще меньше оснований. И это не потому, что нынешнее российское руководство в меньшей степени, чем предыдущее, стремится строить партнерские отношения с США и другими западными странами.

Президент В.В.Путин заявил во время встречи с доверенными лицами накануне президентских выборов 2004 г.: “Мы должны искать союзников в цивилизованных странах. Мы должны растапливать этот лед недоверия, который, конечно же, сложился за 80 лет противостояния Советского Союза всему остальному миру... И наша цель – чтобы Россия стала полноценным, полноправным членом международного сообщества сегодня”. Но при этом он сделал достаточно существенное добавление о том, что “на этом пути нужно ни в коем случае не растерять наши собственные интересы”².

И одним из важных интересов России, как вновь подчеркнул в этом же выступлении В.В.Путин, является строительство новых отношений с партнерами по СНГ.

Именно военно-политическая интеграция в рамках ОДКБ, объединение союзнических усилий государств-членов этой организации с ШОС, рядом крупных европейских государств, Индией способны поставить заслон на пути односторонней силовой линии в международных делах, оградить, в том числе национальные интересы России по всем основным азимутам.

Распад Советского Союза и коллапс коммунистической системы не означают, как показало развитие последних лет, устранения базовой системы геополитических координат, определяемой географическим положением, особенностями культуры, этнического состава, сложившихся национальных интересов. Для России даже в большей степени, чем прежде, когда доминировали идеологические мотивы политики, сейчас на первый план выходят геополитические реальности. Они заключаются в том, что ее интересы как нации и государства исторически находились как на Западе, так и на Востоке.

Являясь уникальной по своим размерам и географическому положению, занимая огромный среднеконтинентальный массив, расположенный на стыке Европы и Азии и как бы объединяющий эти два континента, она в смысле безопасности непосредственно завязана на процессы, протекающие в этих важнейших частях света.

Как отмечал Бжезинский, “хотя Европа и Китай укрепили свое региональное влияние, Россия останется ответственной за самое большое в мире пространство, охватывающее десять часовых поясов и делающее небольшими даже Соединенные Штаты, Китай и расширенную Европу”. И он, явно опасаясь усиления влияния России на ее постсоветских соседей, призывает ее “модернизироваться, а не прилагать бесполезные усилия восстановить свой статус глобальной державы”³.

Роль России уникальна не только в силу ее географического положения, но и в силу её традиционно ключевого значения для обеспечения безопасности как Европы, так и Азии.

Ещё в период татаро-монгольского ига она сыграла роль своеобразного щита, прикрывшего Европу от вторжения. Этот весьма сложный период для самой России означал закрепление ее евразийского статуса, в том числе и с этнографической точки зрения. В последующие исторические периоды Россия являлась естественной преградой, о которую разбивались уже европейские интервенции. Сейчас опять, но в новых условиях, когда на передний план выходят нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности, когда все больше проявляются процессы глобализации, Россия выступает в качестве ключевого фактора, препятствующего наркотрафику в Европу, распространению на Запад потока незаконных мигрантов, оружия, преступности, прежде всего из Азии. Она пытается ослабить негативные стороны глобализации как для себя и своих союзников, так и для международных отношений в широком плане.

Геополитическая роль России делает ее особенно востребованной и важной в свете формирования нового миропорядка, появления новых коалиций, интересов и противоречий между ними. Запад заинтересован в России как союзнике перед лицом новых процессов на северо-востоке

Евразии, прежде всего усиления Китая, а то и дестабилизирующих ситуацию в регионе и мире потенциальных внутренних катаклизмов в регионе Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, угрозы исламского экстремизма.

Со своей стороны азиатские “центры силы”, прежде всего Индия и Китай, видят в России свою потенциальную опору в случае усиления одностороннего курса администрации США и ее ближайших союзников на международной арене, угрожающего сложившемуся балансу в сфере стратегической стабильности в мире. Помимо ситуации, связанной с войной США в Ираке, это и выход НАТО за пределы зоны своей ответственности, распространение ее, вслед за Балканами, на азиатский континент, конкретно на Афганистан.

Вместе с тем, будучи крупнейшей евразийской державой, Россия заинтересована не в расколе мира на противоборствующие группировки, не в движении подобно маятнику от сближения с Западом к повороту на Восток и наоборот, а в объединении усилий Востока и Запада, базирующихся на общепризнанных и освященных, прежде всего в Уставе ООН, принципах международного права, в интересах совместного противодействия общим угрозам и вызовам, строительству справедливого миропорядка. Здесь неопределима роль России как моста между Востоком и Западом.

В вопросах безопасности Россия, разумеется, имеет свое собственное лицо, сочетая стратегические интересы как сохранившиеся со времен Советского Союза, а то и царской России, так и вновь приобретенные за последние годы. Одним из важнейших интересов является сохранение и укрепление благоприятного внешнего окружения. И здесь приоритетом номер один является укрепление отношений дружбы и взаимодействия с государствами СНГ и, в первую очередь, с более близкими союзниками-членами ОДКБ.

Распад Советского Союза и возникновение на его месте новых независимых государств не отменяет объективной общности их экономического, культурного, оборонного пространства. Хотя многие видят в прекращении существования некогда единой мощной державы геополитическую трагедию не только для ее народов, но и для стабильного миропорядка. Для России и этих государств открываются дополнительные возможности в деле интеграции на новой, более рациональной и взаимовыгодной основе. Эта интеграция гарантирует соблюдение таких жизненно важных интересов, как обеспечение свободы, территориальной целостности и независимости, предотвращение доминирования, особенно военно-политического, иных держав на постсоветской территории, предотвращение формирования в мире враждебных коалиций.

Реинтеграция постсоветского пространства, стремление к которой, хотя и на новой основе, обозначилось буквально с первых месяцев после распада СССР, рассматривалась прежде всего правящими кругами США как угроза их лидерству в мире. Как отмечалось в рассекреченном в 1992 г. документе Пентагона, “нашей главной целью является предотвращение возникновения нового соперника, будь то на территории бывшего Советского Союза или в другом месте, который представлял бы собой угрозу, сопоставимую с той, которую представлял собой Советский Союз”⁴.

Указанному документу вторит “Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов”, опубликованная в сентябре 2002 г. уже при президенте Буше-младшем, в которой говорится, что “президент не намерен позволить какой-либо иностранной державе сравняться с огромным лидирующим положением, которое приобрели Соединенные Штаты со времени падения Советского Союза более десятилетия назад”⁵.

Настойчиво проводящие идею предотвращения реинтеграции постсоветского пространства независимо от того, на какой основе это будет проводиться, эти американские деятели даже в названии “ближнее зарубежье” видят стремление создать своего рода “доктрину Монро” для бывших союзных республик.

Так, бывший первый заместитель государственного секретаря США С.Тэлбот, делясь своими впечатлениями о поездке по странам СНГ в 1993 г., писал: “Повсюду мы сталкивались с тем, что соседи России по ближнему зарубежью хотели, чтобы они были чуть меньше ближним и чуть больше зарубежьем”. И тут же он отмечает, что политика администрации США относительно бывшего Советского Союза заключается в том, чтобы “помочь тем, кого мы называем новыми независимыми государствами, выжить и стать старыми независимыми государствами”⁶.

Воскрешение “доктрины Монро” в ее российском варианте применительно к постсоветским государствам, как отмечает проф. К.Хачатуров, “антиисторично и некорректно”⁷ в силу иного характера отношений России с бывшими союзными республиками по сравнению с имперской экспансионистской политикой США в Западном полушарии. Однако периодически в среде как

поборников национальных интересов России, так и тех, кто в этих интересах усматривает имперские рецидивы, подобные параллели проскальзывают. Все это, конечно, играет не на интеграцию, а на разобщение постсоветских государств.

В то же время другие, более реалистически мыслящие политики и специалисты, в том числе в США, предлагают поощрить Россию в реконструкции своего ближайшего геополитического окружения на новых основах, и уверены, что “американская стратегия укрепления периферии в СНГ против центра ... имеет гораздо меньше смысла с точки зрения перспективы стабильности, создания минимального международного порядка, поскольку мир в регионе зависит от сильной и склонной к сотрудничеству России”⁸. В этих кругах проявляется осознание и того, что односторонняя ориентация первых постсоветских правительств России на Запад не только не вписывается в ее национальные интересы, но и не отвечает ее многовековым историческим традициям: не быть сателлитом кого бы то ни было, отстаивать самостоятельное место в расстановке сил в мире, соответствовать своему потенциалу, в том числе на постсоветском пространстве, то есть быть великой державой.

Эта сбалансированная и реалистическая линия начала приобретать в российской политике практические очертания на рубеже прошлого и нынешнего веков, особенно после прихода к власти нового поколения российских руководителей. При этом характерно, что, утверждая свое законное место в Европе и Азии, первоочередное внимание было уделено как раз странам СНГ и среди них наиболее близким – государствам-участникам ДКБ (ОДКБ).

В условиях нарастающей стратегической неопределенности в мире, особенно с учетом “инициатив” администрации Дж.Буша-мл. (денонсация Договора о ПРО и планы создания национальной системы ПРО США, дальнейшее расширение НАТО с вовлечением в нее прибалтийских государств, доктрина “превентивных ударов”, противоправная война в Ираке, в целом курс на односторонние действия в мировых делах), в качестве приоритетной для России выдвигается задача обеспечения общих интересов в политической, экономической, оборонной, социальной, культурной областях с народами, странами и руководством государств постсоветского пространства как своего рода “надежного тыла”, вместе с которым Россия является важным полюсом в мировой расстановке сил. В этой связи более отчетливо и последовательно, чем прежде, проводится курс на разноуровневую и разноскоростную интеграцию – в зависимости от готовности и заинтересованности конкретных государств.

Линия на приоритетное развитие отношений с постсоветскими государствами, которая активизировалась и приобрела новое качество при президентстве В.В.Путина, встречает растущую поддержку российской общественности, хотя и здесь не обходится без перегибов.

Один из представителей правого крыла российского политического спектра А.Б.Чубайс выступил за так называемый “либеральный империализм” в отношениях России с другими странами СНГ. Он считает, что Россия – единственный и уникальный естественный лидер на всем пространстве Содружества и она может и должна всемерно наращивать, усиливать и укреплять свои лидирующие позиции в этой части планеты в следующие 50 лет при полном отказе от территориальных претензий. Имеется в виду, что Россия рано или поздно станет экономическим центром притяжения постсоветских государств, и, по мнению А.Чубайса, “Российское государство может и должно содействовать экспансии отечественного бизнеса в соседние страны”⁹, использовать такие каналы влияния на эти государства, как 25-миллионная российская диаспора, защита в них базовых демократических институтов, прав и свобод граждан.

Эта позиция имеет ясно выраженную либеральную подоплеку, не исключающую вмешательства во внутренние дела соседних с Россией государств, в том числе в плане влияния на будущий политический курс некоторых из них, не подпадающих сейчас под общепризнанные понятия демократии и рыночного хозяйствования.

То, что Россия уже сейчас, используя в том числе и экономические рычаги, решающим образом влияет на интеграционные процессы в СНГ, следует из создания под прямым воздействием авторитета В.В.Путина Единого экономического пространства в составе Белоруссии, Казахстана, России и Украины. Причем в самом проблематичном звене – украинском, когда речь пошла об общих регулирующих, если не наднациональных функциях, о чем элита Украины раньше и слышать не хотела.

На этом фоне особенно настораживает патерналистский характер высказываний Чубайса и их терминология. Сам призыв к “империализму”, пусть и “либеральному”, к вмешательству во внутренние дела соседних государств способен вызвать у них негативное восприятие, подтвердив бытующие все еще обвинения в адрес России в стремлении вернуться к “имперскому прошлому”,

подорвав интеграционные усилия и в экономике, и в политике. Одновременно они служат как бы подкреплением антироссийской пропаганды Запада, стремящегося под этими же предложениями не допустить объединения государств СНГ вокруг России.

В чем-то схожими, хотя и исходящими от других российских источников, являются тезисы, прозвучавшие в связи с представлением в октябре 2003 г. доклада Минобороны РФ “Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации”. Речь в нем шла о том, что “в случае возникновения внутренней нестабильности как межэтнического, так и политического характера, а также в случае действий того или иного политического режима по свертыванию демократических преобразований может возникнуть потребность в коррекции Россией принципов военного планирования¹⁰. Как, согласно сообщениям печати, уточнил вскоре после этого Министр обороны РФ С.Б.Иванов на встрече со своими коллегами из стран НАТО, “Россия оставляет за собой право превентивно использовать военную силу, в том числе и в странах СНГ”, упомянув при этом о правах проживающих там миллионов соотечественников, о которых Россия помнит, и о низких ценах на энергоресурсы, поставляемые в СНГ¹¹.

Данные высказывания, при их достоверности, так же как и предыдущие, могут интерпретироваться в государствах Содружества в духе, прямо противоположном стремлению российского руководства укреплять взаимопонимание и сотрудничество на постсоветском пространстве. Эти и другие примеры лишней раз убеждают в особо чувствительном характере дипломатии в отношении ныне независимых государств. Она должна отличаться особой деликатностью, вниманием к национальным чувствам, взвешенностью, учетом не всегда благоприятных отношений центра и национальной периферии как в Российской империи, так и в Советском Союзе.

Отношения России со своим ближайшим окружением является ее важнейшим стратегическим приоритетом. Многочисленные рычаги влияния, которыми обладает Россия в отношении других государств СНГ означают и большую ответственность за то, что происходит в соседних странах, развивающихся во многом под российским воздействием. К сожалению, первый период после распада Советского Союза не отличался необходимым ответственным подходом. Россия, ее руководство были сосредоточены на своих внутренних проблемах, занимались формированием своего международного имиджа и отношений с “дальним зарубежьем”, что сослужило ей плохую службу в плане утраты ряда важных позиций в “ближнем зарубежье”.

Существенным элементом поворота России вновь к проблематике СНГ явилось утверждение Президентом Б.Н.Ельциным Указом от 14 сентября 1995 г. Стратегического курса Российской Федерации с государствами-участниками Содружества Независимых Государств. В нем подчеркивается приоритетность отношений с этими государствами и поставлена цель создания интегрированного экономически и политически объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе. В числе задач российской политики – наращивание интеграционных процессов в СНГ, в том числе в сфере безопасности. И здесь ключевым является создание системы коллективной безопасности на основе ДКБ и двусторонних отношений между государствами СНГ.

Линия РФ в делах СНГ с годами претерпевала определенную эволюцию, что нашло отражение в “Основных направлениях развития отношений России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств на современном этапе” и других директивных документах, утвержденных Президентом России В.В.Путиным. Суть проводимого курса – примат задач обеспечения национальной безопасности России, упор на двустороннее сотрудничество при сохраняющейся открытости многостороннему интеграционному взаимодействию, дифференцированный подход к партнерам в зависимости от встречного отношения¹².

В нынешних условиях неопределенности ситуации в мире и неясности перспектив ее развития, когда роль ООН как центрального многостороннего института в мировой политике подвергается эрозии и процесс ее модификации затягивается, опора на региональные организации безопасности, а для России и ее ближайших союзников – на ОДКБ, приобретает первостепенное значение. Организация Договора о коллективной безопасности способствует решению задач национальной безопасности России на ее передовых рубежах, созданию фактически под эгидой РФ обширного политического, оборонного пространства и общего военно-технического потенциала. В более широком плане Договор, особенно с созданием Организации ДКБ, может содействовать укреплению позиций России и общих союзнических коллективных позиций государств-членов ОДКБ в мире, формированию весомого евразийского полюса безопасности и стабильности.

Долгосрочной целью политики России в отношении ОДКБ, а по возможности и всего СНГ,

призвано быть созданием сообщества государств, способного стать в XXI в. одним из ведущих мировых центров устойчивого политического, социально-экономического и научно-технического развития, зоной мира, национального и социального согласия. Здесь военно-политические факторы тесно переплетаются с необходимыми внутренними реформами, успешное поступательное развитие которых как в России, так и в союзных государствах способно обеспечить необходимый потенциал в этой весьма затратной сфере.

Ключевым направлением всей государственной деятельности России становится поддержание стабильности по периметру ее границ, создание и укрепление вокруг нее пояса добрососедства, мира и безопасности, что приобретает особое значение с появлением новых вызовов и угроз, усилившимся использованием международными террористами и наркодельцами российской территории для достижения своих трансграничных целей.

Как говорил В.В.Путин в интервью газете “Уолл-стрит джорнэл”, отношения со своими союзниками Россия строит исходя из реалий, что это самостоятельные государства, а не из имперских амбиций. Но, действуя на основах равноправного партнерства, российское лидерство обеспечивает за последние два-три года существенное продвижение на пути военно-политической интеграции, создания системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ.

Это продвижение, конечно, было бы невозможным без активной интеграционной политики других государств-участников ДКБ, а ныне Организации Договора о коллективной безопасности.

Примечания

* Имеется в виду государств, разрываемых между принадлежностью к западной или собственно российской православной цивилизации .

¹ Huntington S. The clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. P. 43.

² Путин В.В. Ответы на вопросы во время встречи с доверенными лицами // Комсомольская правда. 2004. 20 февраля.

³ Brzezinski Z. A Geostategy for Eurasia // Foreign Affairs. September – October 1997. P. 56.

⁴ New York Times. 1992. March 8.

⁵ International Herald Tribune. 2002. September 21–22.

⁶ Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. New York: Random House, 2002. P. 78.

⁷ Хачатуров К.А. Три знака времени. Полвека в международной журналистике. М.: Международные отношения, 2002. С. 309.

⁸ World Policy Journal. Summer 1999. P. 59.

⁹ Чубайс А. Миссия России в XXI веке // Независимая газета. 2003. 1 октября.

¹⁰ Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. С. 22.

¹¹ Известия. 2003. 13 октября.

¹² Дипломатический вестник. 2001. № 5. Май.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

УГРОЗА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ

В.Галицкий,

доктор юридических наук,
Действительный член Академии военных наук

Кровавые события в Нальчике побуждают нас, граждан России, вновь, и, более пристальнее, всмотреться во все то, что происходит на Северном Кавказе. В последние десятилетия наше государство и наш народ несут огромные убытки материального, финансового и морального порядка: финансирование дотационных титульных республик; пособия на безработицу; пособия по социальной защите разных слоев населения; борьба с непрекращающимися бандитско-повстанческими, экстремистскими и террористическими действиями; борьба с преступлениями против общественной безопасности (бандитизм, преступные организации, действия незаконных вооруженных формирований и т.п.).

Однако, стабилизации политической и социально-экономической обстановки не наблюдается.

Учитывая, что одним из “движителей” нестабильности и, прежде всего, терроризма, является исламский экстремизм, автор счёл возможным высказать свое мнение по данному вопросу.

В современных условиях террористической деятельностью занимаются, в основном, социальные группы, исповедующие радикальный ислам, который тесно связан с экстремизмом и фанатизмом.

С психологической точки зрения исламский радикализм можно трактовать как механизм качественного преобразования политических процессов, предполагающий решительные и бескомпромиссные действия для достижения цели, придерживающийся крайних средств ее достижения¹. Иногда радикализм употребляется как синоним экстремизма. Это не так. В отличие от экстремизма, радикализм фиксируется, прежде всего, на содержательной стороне тех или иных (“корневых”, крайних, хотя и не обязательно “экстремальных”) идей и, во вторую очередь, на методах их реализации. Радикализм может быть исключительно “идейным”, а не действенным, в отличие от экстремизма, который всегда бывает действенным, но не всегда идейным. Экстремизм, в первую очередь, фиксирует внимание на методах и средствах борьбы, отодвигая содержательные идеи на второй план.

В исламском радикализме и экстремизме это проявляется в форме террора. К экстремизму вообще, и к исламскому, в частности, приводят различные факторы:

- социально-экономические кризисы;
- резкое падение жизненного уровня значительной части населения;
- национальные религиозные традиции и глубина их влияния на большие и малые социальные группы; наличие сектантских, мюридских обществ и характер их влияния на население;
- деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать назревшие проблемы общественного развития;
- тоталитарный характер политического режима;
- подавление властями оппозиции;
- преследование инакомыслия;
- национальный гнет;
- стремление отдельных социальных групп ускорить решение своих задач;
- политические амбиции лидеров больших и малых социальных групп как исповедующих, так и не исповедующих ислам и т.д.

Безусловно, в каждой стране эти факторы воздействуют по-разному и их сочетание разное. Это зависит от национальных традиций, характера социально-политических и экономических отношений, сложившихся в определенный исторический период в стране и т.п.

Если взять Северный Кавказ, то здесь наибольшее влияние имеют такие факторы как: социально-экономические кризисы; резкое падение жизненного уровня значительной части населения; национальные религиозные традиции и глубина их влияния на большие и малые социальные группы; наличие сектантских, мюридских обществ и характер их влияния на население; деформация политических институтов и структур власти, их неспособность решать назревшие проблемы общественного развития; подавление властями оппозиции; преследование инакомыслия; стремление отдельных социальных групп ускорить решение своих задач; политические амбиции лидеров больших и малых социальных групп как исповедующих, так и не исповедующих ислам и т.д.

Кроме того для Северного Кавказа характерно, то, что на психологию местных экстремистов и террористов, настоящих и будущих, определенное влияние оказывает национальная память о переселениях их народов, экономических кризисах, переменах конъюнктуры, народнохозяйственных депрессиях, девальвациях, об их переживаниях, как жертв или как свидетелей депортации, репатриации и т.п. Люди, жившие в этих условиях, просто утомились жить, утратили смысл жизни, впали в безысходный пессимизм, а отсюда эгоцентризм, отсюда – потребность в насильственных действиях, в иррациональных, беспричинных буйствах, отсюда – экзальтированный материализм, сопряженный с нигилизмом². Для многих из них прошлое, настоящее и будущее превратились в безысходность.

Нейтрализация перечисленных и других факторов будет способствовать повышению безопасности нашего государства на Северном Кавказе.

Социальную базу исламского экстремизма составляют представители националистических, радикальных религиозных движений, а также недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенчество, военные (уволенные со службы и продолжающие служить), маргинальные слои.

В политическом плане исламский экстремизм выступает против сложившихся социальных структур и политических институтов, пытаясь подорвать их стабильность, ослабить и низвергнуть ради достижения своих целей – как правило, силовыми методами.

Для этого используются заразные лозунги и призывы, откровенная демагогия; организуются и провоцируются беспорядки, акты гражданского неповиновения, террористические акции; иногда – приемы партизанской войны. Лидеры исламских экстремистов обычно отрицают компромиссы, переговоры, соглашения; они не идут на взаимные уступки, следуя принципу “все или ничего”. Именно это наблюдается в поведении чеченских, кабардинских, балкарских и др. исламских экстремистов (Буденовск, Кизляр – Первомайское, Дубровка, Беслан, Нальчик и т.д.).

Наиболее наглядно механизм действия исламских экстремистов в политическом плане проявился в Чечне в 1991–1996 гг. Это, прежде всего: спекуляция национальными исламскими традициями чеченского общества, реанимация прошлых и настоящих “обид на русских”, обещание построить свое, чеченское государство на законах Шариата и Адата – вот далеко не полный перечень лозунговых и демагогических призывов и воздействий на дезорганизованное “перестройкой” население Чеченской Республики. Аналогичный механизм пытаются использовать и в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Дагестане.

В идеологическом плане исламский экстремизм отрицает всякое инакомыслие, стремясь как можно жестче утвердить свои политические, идеологические или религиозные взгляды, навязать их своим оппонентам практически любой ценой. Исламские экстремисты требуют от своих сторонников полного, практически слепого повиновения и беспрекословного исполнения любых приказов. Отстаивая свои взгляды, они апеллируют не к разуму, а к чувствам, верованиям и предрассудкам людей, к примитивному сознанию и инстинктам толпы. Крайняя степень идеологизации исламского экстремизма создает особый психологический тип экстремистов, часто склонных к самовозбуждению, потере контроля над своим поведением, готовых на нарушение любых норм, вплоть до самопожертвования.

Подтверждением этого является тот факт, что ни один чеченский террорист добровольно не сдался российским силовым структурам, проводившим спецоперации в Буденовске, Кизляре – Первомайском, Дубровке, Беслане, Нальчике, и добровольно не перешел на их сторону.

Основные группы причин, приведших к появлению религиозных (исламских) экстремистов, их активизации и хронического характера экстремистской и террористической деятельности их

организаций и групп:

1. Неприятие определенными слоями исламского общества западной модели политической системы вообще и модели построения российского общества, в частности.

2. Создание государства Израиль на территории Палестины.

Израиль же воспринимается как детище США, Англии и Франции.

Эта причина, как процесс, стала побудительным мотивом для перенесения своих радикальных, экстремистских идей и планов на территорию Северного Кавказа, где, в силу сложившихся негативных политических и социально-экономических условий, вызванных горбачевской “перестройкой” и последующими антинародными реформами, сформировалась наиболее восприимчивая к ним среда.

3. Прямая и косвенная поддержка исламских экстремистских организаций со стороны США, Пакистана и Саудовской Аравии в интересах решения своих политических, экономических и глобалистских программ.

Особенно такая поддержка имела место со стороны названных стран в период 1992–2002 гг. на Северном Кавказе. Она продолжается и в настоящее время, но в несколько меньших масштабах.

4. Значительное уменьшение роли ООН в вопросах обеспечения международного мира и безопасности и утверждением однополярной системы в международных отношениях (превалирование позиции США).

5. Двойные стандарты в принятии политических и финансово-экономических решений ведущими странами западного мира в отношении так называемых стран третьего мира при одновременной жестокой их эксплуатации (выкачивание сырьевых ресурсов по заниженным ценам, неадекватная оплата труда и т.п.), что привело к крайнему обнищанию (почти 90%) населения этих стран.

6. Отсутствие юридически правильно выверенных международно-правовых норм как в уголовно-правовой оценке экстремизма и терроризма, так и в применении санкций за преступления экстремистского и террористического характера в отношении отдельных лиц, социальных групп и целых государств.

Особенностями современного исламского экстремизма являются: рост масштабности, сопутствующий наращиванию агрессивного потенциала и превращению экстремистских группировок во влиятельные общественно-политические структуры; усиление жестокости и безоглядности действий его сторонников; многообразие форм деятельности, использование новейших технических достижений, средств массового поражения (компоненты химического, бактериологического оружия, хищения радиоактивных материалов); стремление добиться необходимого ему общественного резонанса путем устрашения больших масс населения; расширение информационной, тактико-стратегической, финансовой, идеологической, психологической, ресурсной взаимосвязанности исламских экстремистских сообществ и групп в отдельных странах и в международном масштабе.

Таким образом, исламский экстремизм является продолжением исламского радикализма, выступая в качестве его двойственного продолжения. По мере такого развития, все крайности, свойственные радикализму и экстремизму, накапливаются, достигая своего апофеоза в фанатизме.

С психологической точки зрения фанатик постоянно находится во власти сверхценных и сверхзначимых для него идей, составляющих основу его мировоззрения. Исламский фанатик воспринимает мир через очень жесткую призму своих взглядов и убеждений, фактически не пропуская ничего, что не согласовывалось бы с этими жесткими взглядами и убеждениями. Психологически фанатизм часто опирается на идейный радикализм и экстремизм и обычно лежит в основе реального терроризма – насильственных действий, совершаемых во имя и ради распространения и защиты разделяемых им идей. Поэтому большинство исламских террористов – фанатики. Часто утверждение своих убеждений ценой собственной жизни представляет собой наиболее распространенный и чаще всего встречающийся вариант такого фанатизма.

Фанатизм является социально-психологической основой современного исламского фундаментализма, экстремизма и терроризма³. Он – субъективная основа фундаментализма, который характеризуется не только самозащитой, но и откровенно агрессивной психологией, стремясь не просто к сохранению, а к мировой экспансии не только ислама как религии, но и всего исламского способа жизни. Наиболее известным современным проявлением исламского фундаментализма принято считать, прежде всего, такую его модную ветвь, как ваххабизм.

Психология исламского фундаментализма опирается на отрицание прогресса и, в целом, всех ценностей современного мира. Современный ислам уже не придерживается такой позиции и это

является основой для борьбы с исламским фундаментализмом.

Он использует ваххабизм в своих интересах, но когда ваххабизм исчерпает свою роль, отведенную ему на современном этапе, то он его быстро ликвидирует. Это важно понять для организации борьбы с ваххабизмом в нашей стране.

Идеология исламского фундаментализма вполне понятна и как бы вытекает из его психологии. Эта идеология не содержит в себе никаких позитивных ценностей, она вся основана на чисто традиционалистской приверженности к ценностям прошлого. Это стремление жить “как жили отцы и деды” – прежде всего стремление вернуть жизнь на рельсы истинного ислама, в том числе и вооруженным путем. Это готовность противостоять попыткам модернизации, в том числе и явно террористическими методами. Это наблюдалось достаточно четко в 20–40-е годы в Чечне, да и сейчас это есть, но только без отрицания современных благ, которые определяют “красивую жизнь” (мерседес, домашний кинотеатр, телевизор, мобильник и т.п.).

Порождением исламского экстремизма, его результатом является терроризм. Это реальный экстремизм уже не в теоретических рассуждениях, а в непосредственном практическом действии, осуществляемом с редким фанатизмом во имя абсолютно радикальных идей и ценностей. С точки зрения самих террористов, чем масштабнее прозвучит та или иная их акция, чем большее количество людей в мире узнает о ней, тем масштабнее будут выглядеть те цели, к которым они стремятся. Поэтому подчас мы видим, что не только цель оправдывает средства, но и, наоборот: под совершаемые террористические акты часто “подтягиваются” якобы крупномасштабные цели.

Результаты наших исследований подтверждают утверждение профессора Д.В.Ольшанского, что наиболее распространенными формами исламского экстремизма, в его крайних проявлениях, являются: политический, информационный, экономический и социальный (бытовой) терроризм³.

Рассмотрим наиболее существенные для нашего государства названные формы исламского экстремизма.

Политический исламский терроризм – это террористические действия разного рода, имеющие целью оказания влияния на политических лидеров, власть или проводимую ими политику; вынудить их принять те или иные политические действия или властные решения, выгодные экстремистам, террористам. В отдельных случаях политический исламский терроризм направлен на устранение неугодных политических лидеров, в том числе и ради изменения политического строя в целом.

Устранения президента Чечни Кадырова А. (май 2004 г.) путем террористического акта, преследовало цель сделать более “послушным” следующего президента республики. Этим стремились показать, что каждый ставленник Москвы будет уничтожен.

Информационный исламский терроризм – прямое воздействие на психику и сознание людей для формирования нужных мнений и суждений, определенным образом направляющих поведение людей.

На практике, под информационным исламским терроризмом обычно подразумевают такое насильственное пропагандистское воздействие на психику, которое не оставляет человеку возможностей для критической оценки получаемой информации. Его результатом является ваххабизм (или то, что мы, русские, называем) на Северном Кавказе.

Кроме того, исламские экстремисты и чеченские сепаратисты широко используют “слухи-пугала” – слухи о “зверствах федеральных войск в Чечне” (распускают эти слухи, как сами чеченцы, так и их сторонники) и т.п.

Чеченские исламские экстремисты и сепаратисты всегда отводили важную роль информационно-психологическому воздействию на различные социальные группы, политических деятелей, правительства для управления поведением российского общества и, прежде всего, его политических руководителей, в выгодном для себя направлении: теракт в Буденовске – заключение “мирного” договора России с Чечней.

Социальный (бытовой) исламский терроризм – это повседневное запугивание, с которым мы сталкиваемся на улице, в доме, в бытовом общении; это социальная ситуация, держащая всех в страхе и постоянном напряжении:

- в физическом плане – это постоянная угроза жизни и здоровью;
- в социальном плане – деструкция управления и общественного управления;
- в психологическом плане – утрата уверенности в завтрашнем дне, хаотизация сознания, иррациональное состояние психики, деструкция привычного, нормативного, “регулярного” поведения.

Этот вид терроризма широко используется в зоне контртеррористической операции (КТО) на Северном Кавказе, а также для выдавливания русских из национальных республик, где большинство населения исповедует ислам.

Самое эффективное в этом виде терроризма – физические методы воздействия на отдельное лицо или группу лиц (даже на целую этническую группу)*.

Физическая разновидность социально-бытового терроризма – это реальное воздействие на жизнь и состояние здоровья людей, создание постоянной угрозы для них. Оно может осуществляться с использованием самых разнообразных средств – от ножа и обрезка трубы до применения взрывчатых веществ и массового биологического или радиационного оружия. Это такое (как правило, массовое) воздействие на людей с помощью физических методов, которое не носит конкретного политического, информационного, экономического или социально-бытового характера, а создает массовую угрозу физического уничтожения, которая ведет к широкому распространению страха среди населения или определенной этнической группы.

Яркий пример этого вида терроризма – массовое выдавливание русских из территории бывших республик СССР и национальных республик РФ. Националистически и экстремистски настроенные чеченцы, ингуши, карачаевцы, черкесы и др. всегда этим пользовались.

Политическое руководство России (местное и федеральное) не достаточно делает в этом направлении: не проводится активная профилактическая работа; не дается должная уголовно-правовая и административно-правовая оценка такого рода действий, а все спускается на тормозах, типа того: не будем разжигать межнациональную рознь, будем снисходительны к выходкам подростков и т.п. Как результат такой политики и бездействия – русских становится все меньше и меньше в национальных республиках Северного Кавказа.

Так, например, на сегодняшний день в Чечне из свыше 400 тыс. русских на январь 1989 г. осталось менее 25 тыс. чел. и то по границе со Ставропольским краем. Все меньше и меньше становится русских в многонациональном Дагестане и в других титульных республиках Северного Кавказа.

Особое место в борьбе с терроризмом занимает психология террориста.

Для террориста террор – это: и способ жизни и мышления; и особая деятельность, включая ее мотивы, идеологические обоснования и оправдания себя и тех, кто использует террор как цель (иногда – самоцель); и средство достижения своих потребностей и интересов. Террорист считает себя вправе распоряжаться человеческими жизнями.

Современный террорист осознанно занимает позицию сверхчеловека и пытается уподобиться Богу в своей власти над людьми, тем более что исламский террорист делает это во имя Аллаха. Этим террорист освобождается от личной ответственности за любые террористические действия (действие психологического механизма деиндивидуализации в результате снятия ответственности). Примерно так поступали и чеченские повстанцы в 20–40-е годы прошлого века: перед тем как начать вооруженное восстание против советской власти, они шли и получали разрешения у своего Имама или Шейха.

Задача наших СМИ, правительственных и силовых структур: показать и доказать, что это не так и Аллах здесь не причем. Мы это практически не используем. Это наша слабость. Нельзя допускать героизацию террора и террористов. В чеченском обществе, как и в исламской среде на Северном Кавказе мы уже допустили эту героизацию.

В чеченском обществе необходимо искоренять и бороться с исламским экстремизмом, который активизировал терроризм. Мы же боролись и боремся в Чечне с 1994 г. неизвестно с чем: то ли с бандитизмом, то ли с сепаратизмом, а в последнее время все это стали называть борьба с терроризмом. Хотя изначально в основе чеченского конфликта лежал сепаратизм и исламский экстремизм, а терроризм является их результатом.

В последнее время мы вынуждены были ввести определенные и не всегда до конца продуманные ограничения на самозащиту членов чеченского общества. Забыв о том, что блокирование права на самозащиту ведет к агрессивности, особенно если оно носит длительный характер (вооруженный конфликт в Чечне длится более 10 лет). Затяжка в ликвидации сепаратизма в Чечне привела к агрессивности части среднего и молодого поколения чеченского общества. Мы должны понять, что молодой и среднего возраста чеченец на мир смотрит не так, как мы. В основе этого феномена лежит воззрение о том, что теоретически каждый человек должен иметь право на самоутверждение, а лишенный его – на самозащиту, чтобы восстановить чувство своей значимости, необходимое ему для нормального существования. Чеченцы сначала получили это право, а затем потеряли его и теперь они стремятся его восстановить. Этим пользуются идеологи исламского

экстремизма, сепаратизма и терроризма, на этом они спекулируют. Особую надежду они возлагают на молодежь как наиболее быстро поддающуюся под идейное, религиозное и иное пропагандистское воздействие в силу своей социальной и нравственной незащищенности в условиях кризисного состояния общества, жизненной неопытности, нравственной неустойчивости, асимметричности.

Наверное, правы авторы “Российского военного сборника” (Вып. 21) в том, что “Террористическая угроза характеризуется, как правило, асимметричной расстановкой сил. В прежние времена терроризм и, конечно, стратегия партизанской войны были формами асимметричной войны, но почти всегда асимметрия выражала слабость революционеров или партизан. ... В новейших формах транснационального терроризма этого нет. Асимметричная конфронтация больше не рассматривается как ступень к достижению желанной симметрии, перспектива достижения равенства сил с противником вообще не рассматривается. Новейшая стратегия имеет далеко идущие последствия; она показывает, сколь реалистично оценивают ситуацию те, кто планирует и осуществляет террористические кампании”².

Новейшие формы терроризма основываются, таким образом, на том, что рассматривают асимметрию не как временное состояние, а как своеобразный ключ к успеху. Этому оптимально соответствует организационная структура в виде непривязанных к определенной территории террористических сетей⁴.

Новейшая террористическая “орда” (сеть), преследуя в слабейшей форме сильнейшие цели, также стремится нанести противнику неприемлемый ущерб, действует скрытно, мобильно, проявляется только в момент нападения, не оставляет времени для принятия оборонительных мер, и это дает ей возможность наносить урон во всех отношениях более сильному противнику⁴. В определенной степени это можно отнести к действиям террористов в Беслане (сентябрь 2004 г.) и в Нальчике (октябрь 2005 г.).

Опасность таится не только в том, что “новые войны” разрушают государства и подрывают международный порядок, множат ряды фанатиков-террористов, повстанцев-партизан и иностранных наемников, как отмечает военный исследователь и офицер военной разведки США Ральф Питерс, а в том, что в атмосфере разрухи и гражданских войн выковывается многомиллионный (!) “класс новых воинов” – наследников средневековых “псов войны”, полувоенных воинов-головорезов, жестоких и хорошо вооруженных. Они умеют лишь убивать и потому заинтересованы в бесконечной войне. Для них мир является “наименее желанным состоянием дел”. Вне войны и беспорядка они не видят смысла своего существования².

В борьбе с этими “новыми воинами” важно знать и учитывать то, что боевик, совершив теракт, получает приличные деньги и едет на отдых их проматывать и т.д. Это не солдат регулярной армии, который сидит в окопе, без отпуска, на солдатском пайке и ждет пока его отпустят домой. У террориста другая психология и другое отношение к жизни, другая сфера обитания, тем более что она окрашивается соответствующим ореолом (религиозным социальным: общественно-политическая значимость – борец с неверными, поработителями-русскими, добытчиком средств существования для семьи, рода и т.д.), собственной исключительности, героики, защитника Ислама.

Для достижения своих целей “воины-боевики” готовы пойти на любые подлости и бесчестные приемы, зная, что регулярные войска в силу довлеющих над ними морально-этических норм не могут ответить им тем же² (как это было в Беслане в сентябре 2004 г. – Авт.).

Они не собираются, открыто противостоять регулярным вооруженным силам или правоохранительным органам в честном бою, а “воюют только тогда, когда они знают и уверены в своем абсолютном превосходстве”². Отсюда их выживаемость и безопасность значительно выше.

Они уверены в себе, они верят, что шансов остаться в живых у них больше, что их защитят “правоборцы”, адвокаты (нет смертной казни), их не затаскают по судам и т.д. Этого нет у бойца регулярных и специальных войск. В настоящее время каждый из них (бойцов регулярных и специальных войск) знает, что при любых его действиях существует реальная угроза, что их могут затаскать по судам, где они должны доказывать, что применяли оружие “по правилам” и т.п. (пример тому “разборки” после событий на Дубровке и в Беслане).

Адекватность наших действий должна пониматься не примитивно грубо – “зуб за зуб”, а как действия такими же способами, как и террористов – тайно и жестоко, как в отношении их, так и их пособников в широком смысле этого слова. Борьба должна вестись примерно так, как в Нальчике – на поражение. Каждый террорист должен знать, что из боя живым он не выйдет.

В современных условиях большая опасность информационно-пропагандистской и иной деятельности исламских экстремистов и террористов заключается в том, что они стремятся широко использовать так называемый “молодежный экстремизм”.

Результаты наших исследований** дают основание утверждать, что первопричиной молодежного экстремизма является потеря веры в СВОЕ нормальное настоящее и будущее существование, отсутствие жизненной перспективы в силу наличия реальной системной незащищенности от воздействия внешней социальной среды, а также осознанное и обостренное чувство обманутости, обделенности своих родителей и самих себя со стороны государства и общества. В конкретных жизненных ситуациях совокупность этих внутренних переживаний и чувств приводит к агрессивному поведению, особенно при наличии соответствующего внешнего стимулирования такой агрессивности и внешнего управления ее.

Не следует забывать, что в этих конкретных жизненных ситуациях часто оказываются “добрые” наставники, оказывающие не только моральную поддержку, но и, хоть и не большую, но материальную и финансовую поддержку. Такая поддержка в условиях истинного или ложного ощущения безразличия к нему (особенно молодому человеку) со стороны общества и государства обычно является важным фактором для принятия решения стать в ряды религиозных или националистических экстремистов и даже террористов.

Причинами описанного выше внутреннего состояния большинства молодежи народов Северного Кавказа является убеждение в том, что: общее народное достояние было расхищено (“приватизировано”) людьми в большей части никогда не занимавшихся общественно полезным трудом, выходцами из криминальной и коррумпированной среды; отсутствует реальная забота со стороны общества и государства об их трудоустройстве, в оказании помощи в получении профессии, имея которую они могли бы сами зарабатывать себе на жизнь и помогать своим родителям, стать независимыми; отсутствует реальная поддержка молодых семей; отсутствует реальная возможность не нарушая закон удовлетворять свои жизненно важные потребности (получение образования, проведение нормального досуга, занятие физической культурой и спортом и т.п.); многие из них считают, что только религия, ислам, способны защитить их от негативного воздействия внешней среды, а поэтому религию надо защищать, расширять ее географию, следовать религиозным наставникам и т.п.

Перечисленные и другие причины приводят к появлению агрессивности, мстительности, внутреннему и внешнему неприятию, неповиновению требованиям законных властей, к “срыву зла” на других людях, в том числе и представителях власти, а также к совершению преступлений экстремистской или террористической направленности.

Для молодежи Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, выросшей в условиях “перестройки”, межнациональных и межконфессиональных конфликтов (не следует забывать, что, кому в 1991 г. было 10 лет, сейчас им уже 24 года), это ощущается особенно остро, поскольку нестабильность общественной и личной жизни сопряжена с активизацией националистических, радикальных исламских сил, негативно воздействующих на их сознание, миропонимание и поведение по отношению к русским, российскому государству и его политике на Северном Кавказе. И все это происходит в условиях интенсивного (часто даже агрессивного) конфессионального и “гуманитарного” вмешательства иностранных неправительственных религиозных и “общественных” организаций.

Известно, что для форм агрессий, развивающихся в массовых социальных явлениях (террор, геноцид, расовые, религиозные, идеологические столкновения), типичны сопровождающие их процессы заражения и взаимной индукции, стереотипизации представлений в создаваемом “образе врага”. Для определенной части чеченского общества русские уже стали врагами. Отсюда и новое явление в агрессивном поведении чеченских НВФ и их пособников: проявление специфической формы их действий, характеризующихся демонстрацией превосходства в силе или применением силы по отношению к России, русским.

Следует отметить, что чеченские сепаратисты, исламские экстремисты, члены НВФ достаточно неплохо психологически защищены***. Эмпирическими гарантами феномена защищенности психологической для чеченских экстремистов, террористов является чувство принадлежности к группе, адекватная самооценка, реалистичный уровень притязаний, склонность к надситуативной активности, адекватная атрибуция ответственности, отсутствие повышенной тревожности, неврозов, страхов и т.п. Это обеспечивается достаточно широкой базой пособников, сочувствующих, а также поддержка их борьбы со стороны иностранных СМИ, разных исламских организаций и, прежде всего, поддержка со стороны их тейпов.

Все это обеспечивает им “известность” в тейпе, близком социальном окружении. В психологии терроризма особой фигурой выступают свидетели действий террористов. Без их одобрения и поддержки невозможно не только массовое, но даже индивидуальное насилие. Чеченский сепаратизм, экстремизм и терроризм давно сошли бы на нет, если бы не было таких свидетелей, той “социально-психологической базы”, ради одобрения которых действуют террористы. Участвующие в актах насилия, нуждаются в том, чтобы их террористические действия были санкционированы какой-либо сочувствующей им общностью. Они нуждаются, чтобы их действия были признаны не просто правильными, но и героическими. Им требуется одобрение тех, во имя кого, по представлению самих террористов, они действуют (чеченцы во имя Аллаха и победы над русскими, отомстить за “зверства русских” и т.п.). Для этого пригодится и непосредственный свидетель – та же толпа, но лучше всего массовый свидетель. Вот почему чеченские и другие экстремисты, и террористы падки на внимание прессы.

В связи с этим беспокоит проблема “моды на “борьбу с терроризмом”, когда все борются с терроризмом: регулярные армии, войска стратегического назначения, проводятся крупномасштабные учения с использованием разнородных сил, собираются международные форумы и т.д. и т.п. При этом тратятся миллионы долларов на эти учения, на эти форумы, но почти ничего не тратится на устранение причин и условий, порождающих экстремизм и терроризм. Взять хотя бы Северный Кавказ. За последние 10 лет, сколько было принято указов, решений, постановлений и т.п., сколько было принято федеральных целевых программ по решению социально-экономических и иных жизненно важных проблем (увеличение, создание рабочих мест, борьбе с преступностью и т.п.). Однако все эти проблемы остаются фактически не решенными: клановость и коррумпированность местных и республиканских властей не ликвидирована; социальная и физическая незащищенность остается на низком уровне; межнациональные отношения продолжают усложняться и т. д.

Наиболее важным вопросом для объективного понимания личности террориста является вопрос о том, ради чего и почему террорист занимается террором – вопрос о его внутренней мотивации. В террористы насильно не идут, они это делают по собственному желанию. Они заранее готовы к самопожертвованию во имя истинной или ложной цели, главное, что они считают эту цель, идею всегда верной.

Профессор Ольшанский Д.В.³ выделяет семь мотивов террористической деятельности:

- меркантильные;
- идеологические;
- преобразования, активного изменения мира;
- своей власти над людьми;
- интерес и привлекательности террора как сферы деятельности;
- “товарищеские” мотивы эмоциональной привязанности в разнообразных вариантах – от мотива мести за вред, нанесенный товарищам по борьбе, единоверцам, соплеменникам, родственникам, соратникам по политической деятельности и т.д., до мотивов традиционного участия в терроре потому, что им занимался кто-то из друзей, родственников, соплеменников или единоверцев;
- Самореализация.

Им же определены шесть базовых качеств личности террориста:

- преданность своему делу (террору) и своей организации;
- готовность к самопожертвованию;
- выдержанность, дисциплинированность;
- “конспиративность”;
- повиновение;
- коллективизм.

Знание мотивов и качеств личности террориста имеют значение для организации эффективной борьбы с терроризмом и экстремизмом, поскольку терроризм вне экстремизма не существует.

Для сотрудников правоохранительных органов и других ведомств, участвующих в борьбе с экстремизмом и терроризмом, важно знать, что жизнь террориста проходит в постоянных эмоциональных переживаниях. Он живет в эмоциях страха, опасаясь попасть в руки противников. Одновременно он живет в эмоциях гнева и презрения к своим противникам и воодушевления от

предвосхищения того вреда, который собирается им нанести. Естественно такие противоречивые эмоции часто сталкиваются между собой, приводя к эмоциональным внутренним конфликтам. Безусловно, все это влияет и на тактику преступного поведения террориста.

Для религиозного экстремизма на территории Северного Кавказа характерно применение методов так называемой “психологической войны”: угрозы, шантаж, насилие в отношении наиболее умеренных представителей традиционного ислама и членов их семей. Кроме того, на Северном Кавказе имеют место проявление таких острых форм, как террор и диверсии, которые по своим формам и методам их совершения стали разнообразнее и изощреннее.

Для тактики этих форм характерны убийства сторонников новой власти, взрывы в общественных местах, совершение диверсионных актов на транспортных коммуникациях, фанатизм и изуверство при совершении террористических актов. Наиболее ярко это проявляется в Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии.

Результаты исследований ряда авторов⁵ показывают, что на территории Карачаево-Черкесии (КЧР) насчитывается около 400 активных сторонников ваххабизма. Из них до 100 чел. прошли религиозное и военное обучение в бассаевских лагерях на территории Чеченской Республики и принимали участие в боевых действиях на стороне НВФ Чечни.

По мнению Лайпанова Б.⁶ мусульмане Карачаево-Черкесии организационно разделены на три группы. Первая и наиболее многочисленная – представлена Духовным управлением мусульман Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, поддерживается официальными властями республики. Далее следует организация “Аль-Исмаилия”, которая относит себя к центристам, но на практике не избежавшая экстремистских заявлений, и общество “Исламский Джамаат”, представляющее собою сравнительно небольшую группу радикальной религиозной карачаевской молодёжи, поддерживающей тесные связи с мусульманскими организациями России, в частности Дагестана и Чечни. По различным данным, на территории республики в настоящее время зарегистрировано от 150 до 200 мечетей и молельных домов.

Деятельность радикальных религиозных организаций на территории КЧР, сопровождаемые экстремистской и сепаратистской идеологией, органами власти, как в Центре, так и в самой республике не может не рассматриваться, как серьёзная угроза внутренней безопасности РФ в Северо-Кавказском регионе. Об этом свидетельствует подписанный Президентом Карачаево-Черкесии Указ “О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР” и принятый Парламентом Карачаево-Черкесии закон “О противодействии псевдорелигиозным обрядам в среде мусульманских общин КЧР”⁷.

В рамках реализации данного указа в республике была сформирована временная рабочая группа из числа представителей Прокуратуры, управления ФСБ, МВД и правительства КЧР, которая осуществила проверку деятельности исламского института им. Имама Абу-Ханифа, расположенного в г. Черкесске, а также религиозных мусульманских объединений и учебных заведений Малокарачаевского и Карачаевского районов. В результате проверки были выявлены факты несоответствия деятельности некоторых объединений требованиям Федерального закона “О свободе совести и религиозных объединениях”, и другим нормативным актам Российской Федерации.

Принятыми мерами закрыты четыре места отправления религиозных обрядов ваххабитов в г. Карачаевске, где активно пропагандировались идеи религиозного экстремизма, а также прекращена деятельность медресе в г. Учкёкен. Кроме того, в ходе проверки проводились мероприятия по выявлению в указанных религиозных объединениях сторонников ваххабизма, а также по оказанию на них профилактического воздействия.

По пути образования “джамаатов” уже произошло становление и укрепление ваххабитских общин на территории Кабардино-Балкарии, деятельность которых в основном носит законспирированный характер. По не окончательным данным в Кабардино-Балкарии действует по различным данным до 20-ти “джамаатов”, в которые входят около 1,5 тыс. чел. Все указанные джамааты входят в Республиканскую “Шуру”. Агрессивность их политических намерений и их боевые возможности показали недавние события в Нальчике (13–17.10.2005 г.).

Деятельность отдельных руководителей и лидеров радикальных религиозных группировок, содержащие в себе элементы экстремизма и сепаратизма на территории Кабардино-Балкарии носит межрегиональный, и даже международный характер.

И это все на фоне того, что руководством Кабардино-Балкарской Республики в свое время проводились меры по поддержанию общественно-политической стабильности и защиты Конституционных прав и свобод граждан, принимались превентивные меры по противодействию

терроризму и экстремизму, была сформирована соответствующая нормативная база. В частности, президентом Республики был подписан указ: “По противодействию терроризму, религиозному и политическому экстремизму в Кабардино-Балкарской республике”.

На основе данного указа были разработаны конкретные мероприятия, предусматривавшие задействование сил и средств, как правоохранительных органов, так и властных структур всех уровней, Духовного управления мусульман республики, заинтересованных министерств и ведомств. Кроме того, в июне 2001 г. вступил в силу Закон КБР: “О запрете религиозной экстремистской деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности”.

В результате проведенных проверок министерством юстиции Республики прекращена деятельность компьютерно-лингвистического центра “Минарет” и “Исламского центра”, были закрыты филиалы “Общества социальных реформ Кувейта” и “Международной исламской организации “Спасение” (МИОС), которые, как известно, действовали под эгидой спецслужб стран Ближнего и Среднего Востока.

Однако события в Нальчике (13–17.10.2005 г.) показали тщетность предпринимаемых мер.

Анализируя деятельность религиозно-экстремистских структур в Северо-Кавказском регионе, необходимо констатировать, что в настоящее время они представляют серьёзную угрозу интересам Российской Федерации т.к. обладают достаточно мощным потенциалом, нацеленным на игнорирование норм международного права, отрицают такие его ключевые положения, как государственный суверенитет, территориальная целостность, незыблемость границ, права человека и гражданина и т.д.

Это еще одно доказательство того, что современный исламский экстремизм и терроризм – не самодостаточное, самородное и самопроизвольное явление. Это всего лишь следствие определенных обстоятельств, диктующих свою логику развития и действия.

Террор в самом ближайшем будущем может стать практически единственной формой силового воздействия в отношениях между людьми и большими группами людей (например, странами), поскольку старые формы тотальной войны (фронтовая-окопная, ядерная, химическая или десантная) оказываются гораздо более дорогими и намного менее эффективными⁸.

Как считает заместитель директора Института экономических стратегий А.И.Некlessа, новая мировая война – “хаососложная”, “сетевая”, “диффузная”, “точечная”, “акупунктурная”, “всерьез и надолго связанная с нешаблонными видами угроз”⁹.

По его мнению, она определяется тем, что в мире начинается интеллектуальная, мировоззренческая борьба прежних институтов цивилизации и начало какой-то иной культуры, в которой активно используется такой особый политический инструмент, как “системный терроризм” (“новый терроризм”), и все более влиятельной становится экспансия сетевых организаций, базирующихся на существенно новых принципах: “Это гибкие, амбициозные корпорации, выступающие как вполне самостоятельные, динамичные субъекты, и производят они чрезвычайно эффективные действия. Сетевые организмы функционируют на основе паутины множества горизонтальных связей. ... По понятным причинам корпорации – образования куда менее инертные, чем бюджетные структуры, к которым относятся и вооруженные силы, и спецслужбы, и общественные системы безопасности в целом. Но теперь им также приходится перенимать сетевые правила игры, сравнивать ключевые преимущества / пороки децентрализации и автономии с конкурентоспособностью привычных вертикальных командных линий.

Цивилизации столкнулись с широким спектром агрессивных действий прямого и косвенного характера, против которых у нее нет адекватной защиты. Нынешние системы обеспечения общественной безопасности были созданы для борьбы с системами нападения государств или их коалиций, по крайней мере, с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что как минимум имеет географически локализуемую институциональную структуру. А против нового класса угроз, против типологически новых, “распыленных” по планете субъектов эти системы не работают, их мощь уходит в песок”⁹.

Борьба с терроризмом, как социальным явлением, тяжела, высокочатратна и малоэффективна. Она носит не активный, а реактивный характер. Террористы имеют преимущество “первого хода”: совершают теракт, затем их ищут. Намного продуктивнее профилактически устранять причины терроризма. В плане профилактики наиболее очевидных внешних по отношению к психике человека причин особенно выделяются идеологические, религиозные, социальные, экономические, политические и геополитические корни.

Роль спецслужб в предупреждении актов террора, в профилактике терроризма достаточно велика.

Но это требует высокого профессионализма в организации качественной оперативно-розыскной работы на этом важном направлении. В этом деле очень важно соблюдать принцип единоначалия и единоответственности. Одной из причин низкой эффективности борьбы с исламским экстремизмом и терроризмом на Северном Кавказе является не соблюдение этих требований. Отсутствие четкого организационного построения правоохранительных органов и спецслужб, на которых возложены задачи этой борьбы, приводит к распылению целей, задач, ответственности и используемых сил и средств. Да, борьба с экстремизмом и терроризмом это комплексная задача, но отвечать за нее должен кто-то один, а не все сразу.

Для повышения эффективности борьбы целесообразно более полно учитывать психологию исламского экстремизма и терроризма, которая заключается:

1. Для разложения исламских экстремистских, террористических организаций целесообразно использовать видных и авторитетных исламистов, местных мулл, хорошо знающих историю, теорию и практику ислама, содержание Корана, возможности мечетей, как центра общения мусульман. В национальных и международных СМИ необходимо шире вести диалог о проблемах современного ислама и исламского мира.

Информационно-психологическое воздействие на исламские экстремистские, террористические организации должно вестись систематически и целенаправленно, показывая истинное лицо и содержание их лидеров и антиисламские результаты их деятельности. Опираясь на психологию исламского экстремизма и его лидеров, их борьбу между собой за лидерство, а также на существующие политические и социально-психологические противоречия между исламом прогрессивным и радикальным, фундаменталистским расширять раскол за счет поддержки его умеренных лидеров и критики экстремистски настроенных исламистов.

2. При переговорах с террористами (особенно когда они удерживают заложников) необходимо активнее опираться на психологию исламского экстремизма, психологию террора и самих террористов.

Целесообразно привлекать авторитетных мулл, шейхов, имамов и профессиональных психологов, знающих психологию исламского экстремизма.

3. При профилактике исламского экстремизма и терроризма необходимо помнить, что экстремизм и его продукт – терроризм, являются порождением исламского радикализма и фундаментализма.

Следовательно надо активизировать разъяснительную работу среди всех граждан России и, прежде всего, среди населения, исповедующего ислам, по проблемам современного ислама, показывать, что истинный ислам ничего общего не имеет с радикальным и фундаменталистским. В СМИ чаще показывать истинное лицо исламских экстремистов и террористов, разъясняя причины, по которым они стали на этот путь и их вдохновителей и организаторов.

4. При проведении оперативно-следственной работы с исламскими экстремистами и террористами необходимо учитывать их психологию (особенно при допросах).

Знание их психологии поможет преодолеть барьер агрессивности, безразличия к своей судьбе и т.п. Допрашиваемого необходимо убедить в том, что его экстремистская или террористическая деятельность не соответствует установкам истинного ислама, расходится с требованиями Корана, а выгодна лишь отдельным лицам и организациям, спекулирующим на исламе, его вере и т.п.

Рассмотренные соображения по психологии исламского экстремизма и ее учета в борьбе с экстремизмом и терроризмом, безусловно, далеко не полные и неокончательные. Но они могут способствовать повышению эффективности борьбы с экстремизмом и терроризмом, что, в свою очередь, позитивно скажется на упрочении безопасности нашего государства в Северо-Кавказском регионе.

Примечания

* Классическим примером бытового терроризма явились события в Чечено-Ингушетии АССР (ЧИ АССР) в 1957 г., когда в первой половине 1957 г., началось возвращение чеченцев и ингушей из мест спецпоселения в вновь созданную ЧИ АССР. Из-за непродуманности данного вопроса со стороны советского партийного и административного руководства возвращение стало носить неуправляемый и массовый характер. Это привело к тому, что местное население ЧИ АССР

(аварцы, даргинцы, осетины, русские, украинцы, тавлины и др. народы), которыми заселили территорию бывшей ЧИ АССР во второй половине 1944 г., было вынуждено покинуть территорию ЧИ АССР.

Основной причиной бегства явилось то, что возвратившиеся из спецпоселения чеченцы и ингуши стали угрожать им физической расправой, если они не освободят бывшие их дома. Иногда угрозы подкреплялись убийствами, поджогами, избиениями и т.п. Создалась обстановка страха, паники, неуверенности в своей физической защите со стороны власти. Попытки местного населения защитить себя самостоятельно заканчивались частыми межнациональными групповыми драками (наиболее часто групповые драки происходили между чеченцами, ингушами и осетинами, тавлинами, аварцами).

Все эти действия чеченцев и ингушей квалифицировались как террористические в форме бытового терроризма. О сложной социально-политической обстановке в ЧИ АССР почти ежемесячно докладывалось в ЦК КПСС.

Таким образом, высшее партийное и советское руководство СССР ввергло в межнациональный конфликт целые народы, отголоски которого слышны и сейчас. (Авт.).

** В 2000–2002 гг. совместно с Комитетом по делам молодежи Правительства Чеченской Республики при участии автора (на втором этапе исследования – 2001–2002 гг.) был проведен социологический опрос чеченской молодежи, постоянно проживающей на территории Чеченской Республики, в результате которого выяснялось отношение чеченской молодежи к жизни и сложившейся обстановке в Чечне, своей социальной и физической защищенности, национальной и социально-экономической политике федерального Центра на территории Чечни, отношение к участию части чеченской молодежи в вооруженном сопротивлении федеральным войскам и силовым структурам, своему будущему. Опросу было подвергнуто около 1500 чел. Результаты исследования частично нами были опубликованы в “Обозреватель–Observer”: Молодежь – будущее Чечни. Социально-политическая обстановка в Чеченской Республике // Обозреватель–Observer. 2002. № 1. Мир или война – выбор за Чечней // Обозреватель–Observer. 2003. № 1–2.

*** В данном случае под защищенностью психологической понимается относительно устойчивое положительное эмоциональное переживание и сознание индивидом наличия реальной возможности удовлетворения своих основных потребностей и обеспеченности, собственных прав в любой, даже неблагоприятной ситуации, при возникновении обстоятельств, которые могут блокировать или затруднять их реализацию.

¹ Политическая психология. М.: Академический проект, 2001. С. 382–86; Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 167–171; Ислам и исламский терроризм. Справочник. М.: Центр стратегической безопасности, 2003. С. 416–418; Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. Пер. с франц. М.: НИЦ “Ладомир”, 2004. С. 105, 222–224, 442–448; Малащенко А., Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002. С. 69–112.

² Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера // Российский военный сборник. Вып. 21. М.: Военный университет, Русский путь, 2005. С. 139, 581, 583, 584.

³ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 179, 195, 116–120.

⁴ Мюнклер Х. Терроризм сегодня. Война становится асимметричной // Иностранная литература. 2004. № 9. С. 218–225.

⁵ Пути мира на Северном Кавказе // Независимый экспертный доклад Института этнологии и антропологии РАН. М.: 1999. С. 112.

⁶ Лайпанов Б. Ислам в истории и самосознании карачаевского народа // В кн.: Ислам и этническая мобилизация; национальные движения в тюркском мире. М., 1998. С. 142–171.

⁷ Закон “О противодействии псевдорелигиозным обрядам в среде мусульманских общин КЧР” // День Республики. 2000. 11 июля.

⁸ Шестаков В. Террор – мировая война. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 313–314.

⁹ Неклесса А. Террор и антитеррор в меняющемся мире. Системы безопасности, основанные на бюрократии и тотальном контроле, оказались неадекватными новым угрозам // Независимая газета. 2004. 28 сентября.

[\[СОДЕРЖАНИЕ \]](#) [\[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ \]](#)

ТЕРРОРИЗМ В XXI ВЕКЕ

И. Николаев

17 октября 2005 г. известная американская неправительственная исследовательская организация “Национальный разведывательный совет” (НРС) презентовала в Москве свой аналитико-прогностический доклад “Карта глобального будущего”, немало внимания в котором уделяется будущему исламистского терроризма и проблемам противодействия ему.

Эту проблему аналитики НРС – а это, преимущественно, отставные офицеры американских спецслужб – рассматривали через призму сценария, озаглавленного ими “Новый халифат”*, с содержанием которого, на наш взгляд, следует познакомиться подробнее, чтобы лучше представить себе один из подходов к этой проблеме, который, возможно, станет доминирующим в международных отношениях до 2020 г.

Следует однако отметить, что идеологи терроризма, не исключая и руководство Аль-Каиды, внимательно изучают подобные концептуально-доктринальные выкладки и проекты своих противников, также как и реальную практику их действий, например, в Буденовске, Кизляре, “Норд-Осте”, Беслане и Нальчике. И делают из увиденного, а также рассказанного и показанного СМИ, свои выводы.

В этой связи возникает резонный вопрос – а надо ли говорить о тактических приемах действий спецслужб и правоохранительных органов, даже их возможных ошибках и просчетах (в Первомайском, январь 1996 г.; в Беслане, сентябрь 2004 г.), зная, что эти просчеты будут анализироваться и изучаться противоборствующей стороной?

Да, безусловно, говорить о них надо. Но на профессиональном уровне и в соответствующих аудиториях, не устраивая прилюдных “разборок”, памятуя в тоже самое время о том, куда, в конечном счете, ведут обычно “благие намерения”.

По мысли американских аналитиков, подтверждаемой некоторыми реальными фактами, идея образования нового “мирового халифата” укрепилась в некоторых радикальных мусульманских движениях, особенно в странах Ближнего Востока, Северной Африки, Средней и Юго-восточной Азии.

Эти радикальные движения и группы не следует отождествлять с традиционным исламом, которым они рассматриваются в большинстве случаев как еретические сектантские течения. Отметим также, что в некоторых мусульманских странах эти радикализированные политизированные движения объявлены вне закона.

С учетом того, что радикалы используют в своей пропаганде некоторые постулаты мусульманского вероучения, многие исследователи предлагают именовать их “исламистскими”, тем самым отделяя их от последователей традиционных течений ислама.

Радикально-исламистские группировки стремятся первоначально к образованию транснационального и трансграничного сообщества, идейно-политической основой которого должен стать “очищенный”, “обновленный” ислам, отрицающий современные ценности и установки “безбожного” неисламского мира.

Однако, на наш взгляд, заокеанские аналитики не учитывают вполне реальное геополитическое стремление радикалов к установлению в той или иной форме контроля над нефтью и газоносными регионами и связанными с ними международными финансовыми потоками. Но дивиденды этих “вершков” не должны касаться низовой “массовки”, призванной и мобилизуемой воевать и умирать во имя “святой идеи” халифата.

Рисуя “халифат” как международное трансграничное идейно-политическое сообщество, аналитики НРС США упустили из виду тот факт, что его ядро под названием “Международный фронт джихада” (МФД) уже было создано в апреле 1998 г., но с сентября 2001 г. пребывает в тени Аль-Каиды, являющейся лишь проводником его идейных установок, инструментом реализации его

политики.

И многие события после начала 7 октября 2001 г. США и Великобританией военных действий против талибов и Аль-Каиды в Афганистане, а затем агрессии в марте 2003 г. против Ирака свидетельствуют о том, что Аль-Каида по-прежнему не утратила способности влиять на ход международных процессов, в том числе и на мировые цены на нефть. Но в то же время они оттеснили на периферию общественного внимания зловещую роль МФД в современном мире. Что только расширяет возможности последнего для политического маневрирования на международной арене.

Так что то, что лишь гипотетически прогнозировали американские аналитики, уже реально наличествует в нашей сегодняшней действительности.

При активизации действий исламистских радикалов, отмечали эксперты НРС, в исламском мире может обостриться религиозная вражда, поскольку традиционный ислам вряд ли согласится с распространением и экспансией его радикально-экстремистских толкований, что неминуемо приведет к падению всех режимов в современных исламских странах.

Призрак “исламистской радикализации” Ирака, спровоцированной и катализированной ошибочными действиями США, внушает страх многим западным политикам и аналитикам.

Но это далеко не единственный ошибочный акт в “исламском досье” США. В этом же ряду не только патронирование Усама бен Ладена в 80-е годы прошлого века, политическое “благословение” талибов в 90-е, но и признание в марте 1999 г. так называемой “Армии освобождения Косова” субъектом международных отношений. Что, по сути дела, стало едва ли не первым в мире фактом признания победы экстремизма и террора над правом и здравым смыслом и обернулось воистину пирровой победой, как для населения Косово, так и Европейского Союза.

В этой связи примечателен факт, что в августе 2005 г. в турецком журнале “Темпо” было опубликовано интервью с представителем запрещенной международной организации Хизб ут-Тахрир (как известно, активно действующей также в некоторых среднеазиатских государствах СНГ и России), в котором он заявлял: “В ближайшее время мы отомстим Блэру и Бушу. Будет создано исламское государство”.

А на вопрос кому из противников создания халифата будет объявлен “джихад” пояснил: “Британии, США, России, Израилю, Италии”.

Можно сказать, что это первоочередной список целей исламистских радикалов. Причем именно в России их террористическая деятельность реализуется наиболее активно уже на протяжении ряда лет.

По мнению экспертов из США, сегодняшние темпы роста числа приверженцев радикальных исламистов и то влияние, которое они оказывают на правящие режимы мусульманских государств, могут иметь долговременные негативные последствия для развития институтов гражданского общества и демократических процессов.

При этом не исключены попытки исламистов захватить рычаги власти как вооруженным (как это было в начале 90-х годов в Афганистане), так легальным путем (как это чуть не произошло в результате парламентских выборов в Алжире в 1999 г.).

В то же время, по мнению американских аналитиков, “демократизация” правящих режимов в ряде мусульманских стран, прежде всего в Афганистане, Ираке (что выглядит наиболее проблематично в ближайшей перспективе), Индонезии и Палестине, может дать дополнительный толчок к началу аналогичных процессов в других государствах.

Так что стремление к образованию “исламского халифата” отнюдь не является единственной безальтернативной тенденцией развития исламского мира, насчитывающего более 1 млрд. чел., проживающих в 35 государствах мира.

В последние десятилетия также отмечается не только численный рост, но и сплочение и организационное укрепление исламских общин в государствах, где мусульмане исторически представляли собой религиозные меньшинства: от Италии до Франции, Великобритании и США.

Рост численности мусульманских диаспор из государств традиционного распространения ислама в западных странах (сегодня в Европе они насчитывают около 15 млн. чел., а к 2020 г. прогнозируется удвоение их численности), по мнению составителей доклада НРС США, является предпосылкой и благодатной почвой для увеличения количества последователей радикального исламизма и сплочения их сторонников. Способствовать этому в немалой степени может и процесс физического омоложения указанных общин.

Американские аналитики утверждают, что к 2020 г. у носителей радикально-исламистской идеологии появится возможность оказывать более существенное влияние как на международные

процессы, хотя они, по-видимому, далеко не в полной мере учитывают уже сегодняшнюю степень своего влияния, в том числе и на мировую цену на нефть, вызывающую самую серьезную обеспокоенность даже у наиболее экономически развитых государств мира.

В тоже время следует оговориться, что усиление международного влияния радикального ислама и МФД произойдет только в том случае, если они не получают отпора со стороны “просвященного” ислама, реально оценивающего современное международное положение дел, подобные примеры сегодня имеются.

Необходимо также подчеркнуть, что составители доклада НРС США “Карта глобального будущего” отнесли Россию, Азербайджан, Казахстан и Туркмению к регионам базирования ячеек и групп радикальных исламистов и проживания “профессиональных бойцов джихада”, имеющих специальную подготовку и опыт участия в террористических акциях. Причем Россия, а также Узбекистан и Киргизия отнесены также к районам осуществления исламистами террористических акций**.

Анализируя перспективы развития указанных процессов в странах СНГ и России, американские аналитики отмечали, что правительства среднеазиатских государств столкнутся с проблемами как значительного омоложения населения, так и стагнацией в сфере экономики и социальной политики, а также ростом протестных настроений широких слоев населения. Это в совокупности может способствовать укреплению этнических и региональных движений под исламскими лозунгами, дестабилизировать обстановку не только в этих странах, но и в регионе в целом.

Еще одна особенность этих государств – это сохранение значительного уровня трудовой миграции, прежде всего в Россию, а также их статуса “перевалочного пункта” на “северном маршруте” афганского героинового наркотрафика.

Это превращает среднеазиатский регион в эпицентр внимания разведывательных служб многих государств мира, в том числе Европейского союза, НАТО, Турции и Пакистана.

По мнению американских аналитиков, перед Российской Федерацией “... встанет необходимость решения весьма сложной и многоаспектной задачи борьбы с религиозным экстремизмом на своих южных границах”.

Причем Россия будет выступать “в качестве буферной зоны между исламистами и странами ЕС, принимая на себя все последствия сдерживания террора”.

Примечания

* Халифат – исламское теократическое государство.

** На сегодняшний день Россия со 141 террористической акцией, совершенной только за 9 месяцев 2005 г., уступает по этому показателю лишь Ираку, причем степень вовлеченности зарубежных сил, средств и организаций в осуществление террористических действий в нашей стране также весьма высока. Для сравнения: в 2002 г. в России было совершено 651 преступление, квалифицированное как терроризм в соответствии со ст. 205 УК РФ; в 2003 г. – 563 аналогичных преступления; в 2004 г. – 265.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РОССИЯ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ

Л.Гусев,
кандидат исторических наук

В последние 10 лет Россия уделяла незначительное внимание событиям, происходившим в странах Центральной Азии, которые стали объектом повышенного интереса со стороны основных геостратегических конкурентов России за влияние в масштабах СНГ – прежде всего США и Турции, и в меньшей степени Ирана, Пакистана и Китая.

В рамках геостратегического интереса странами был осуществлен ряд проектов:

- в политической сфере – патронирование блока ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова);
- в экономической – выдвижение проектов Транскаспийского газопровода и Евразийского транспортного коридора (ТРАСЕКА) в обход российских коммуникаций;
- в военно-технической – вытеснение России с центральноазиатского рынка вооружений и вовлечение стран региона в военные мероприятия альянса (например, создание под патронажем НАТО Центральноазиатского батальона).

Политика Турции как члена НАТО и проводника влияния США, в первую очередь, была связана с использованием фактора ее этнической и конфессиональной близости с большинством народов Центрально-азиатского региона (ЦАР). Несмотря на то, что внутренние проблемы, а также драматичный процесс интеграции с ЕС пока не позволяют Анкаре реализовать в ЦАР сколько-нибудь значимые проекты в духе воссоздания “Великого Турана”, Турция сохраняет свое влияние благодаря активности в области инвестиций, культурных контактов, помощи в сфере высшего и среднего образования, подготовки офицерского корпуса.

Влияние Китая на Центральноазиатский регион осуществляется сегодня в форме политического и военного давления, но преимущественно – посредством экономической экспансии (создание СП, участие в нефтяных проектах Казахстана, наращивание грузопотоков через железнодорожный переход Урумчи–Дружба и др.).

В перспективе именно Китай, вероятнее всего, станет главным конкурентом США в регионе. В то же время КНР, потерявшая с распадом СССР полноценный противовес распространению идей исламизма и пантюркизма в подконтрольном ему Синьзян-Уйгурском автономном районе, едва ли заинтересован в полном уходе из региона России.

Что же касается влияния на ЦАР идеологии “исламского фундаментализма” и связанных с ним террористических структур, то после военного поражения и свержения в 2001 г. талибского правления в Афганистане, а также жестких мер в самих центральноазиатских государствах, нанесших заметный ущерб действующим в подполье партиям “Исламское движение Узбекистана” (ИДУ) и “Хизбут-тахрир”, потенциал “фундаменталистского подполья” ослаблен, но полностью не исчез и может проявиться через некоторое время в весьма неожиданных формах.

Что касается отношений России со странами ЦАР, то в последнее время произошло существенное укрепление ШОС, ставшего важным фактором укрепления стабильности на рубежах ЦАР и Передней Азии, произошло сближение в экономической и военно-технической сферах с Узбекистаном. Помимо этого, два стратегических союзника России – Казахстан и Кыргызстан – стали членами ЕЭС, а сама Россия в качестве ответного жеста была принята в Организацию стран центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС).

Невозможность ухода России из ЦАР определяется целым рядом факторов. Среди них – наличие сокращающегося, но все же достаточно многочисленного русского населения (около 10 млн. чел.), подвергающегося во многих из государств региона дискриминации. Очевидная

неустойчивость границ, зачастую произвольно проведенных между “республиками” в советский период, накопившиеся веками территориальные споры, межнациональные (межклановые) конфликты как между, так и внутри новых независимых государств, соседство с хронически нестабильным Афганистаном – грозят дестабилизацией ситуации в регионе и возникновением “вакуума влияния”, который будет заполнен криминальными и фундаменталистскими структурами, что в условиях фактической прозрачности границ угрожает безопасности самой России. Помимо этого, наличие в ЦАР значительного объема энергоносителей привлекает к нему внимание многих внешних сил, заинтересованных в геоэкономическом вытеснении из него России, пока еще сохраняющей в своих руках контроль над немалой частью системы экспортных нефте- и газопроводов.

В перспективе система российского влияния в ЦАР сталкивается с целым рядом препятствий. Тем более что назревающая угроза распада или демонтажа СНГ требует ревизии российской политики в регионе и реструктурирования всей системы отношений со странами региона.

Политика России в регионе должна быть дифференцированной с учетом базовых особенностей входящих в него стран:

1. Степень стабильности и устойчивости политического режима, который определяется:

- уровнем поддержки лидера центральноазиатского государства со стороны правящей элиты и населения, легитимности его власти с точки зрения национальных религиозных и кланово-земляческих традиций;
- степенью укорененности в сознании центральноазиатских народов ценностей традиционного ислама (различается у “кочевых” и “оседлых народов”);
- положением, численностью и реальным общественно-политическим весом русского и русскоязычного населения;
- степенью остроты межнациональных, религиозных, межклановых и социальных конфликтов, потенциалом социокультурного раскола в рамках формирующихся наций;
- степенью развитости и консолидированности институтов гражданского общества, от чего зависит уровень развитости партийной системы и возможности возникновения оппозиции правящему режиму;
- реальным положением оппозиции (официально признана и дееспособна, изолирована, сведена на нет), степенью влияния и внешнеполитической ориентацией (про- либо антироссийская, националистическая либо общегражданская, светская либо исламско-фундаменталистская и т.п.).

2. Геополитическое и геоэкономическое положение страны, которое определяется:

- географическим положением страны, наличием либо отсутствием у нее выхода к стратегическим коммуникациям, прочностью связей между ее регионами;
- наличием и степенью остроты военной угрозы либо экспансии со стороны сопредельных стран, а также территориальных споров с ними;
- уровнем обороноспособности конкретного государства и его актуальной военно-политической ориентацией (на вооруженные силы России, США или НАТО) и степенью военно-технической зависимости национальных вооруженных сил от России и других стран;
- характером внешнеполитической ориентации: “пророссийская”, “протурецкая” и т.п., либо комбинированная (лавирующая);
- стратегической линией по отношению к структурам СНГ и интеграционным процессам (активное либо умеренное участие, наблюдательная позиция с ориентацией на взаимодействие с отдельными членами Содружества в рамках локальных союзов и др.).

Учет вышеназванных факторов позволит России при использовании имеющихся у нее ресурсов побудить страны ЦАР к сотрудничеству в разных областях, в решении политических, экономических и оборонных задач.

3. Характер внутри- и внешнеэкономической политики стран Центральной Азии, предопределяемый следующими факторами:

- выбранной моделью рыночных реформ и результатами преобразований;
- степенью контроля государственных структур над экономикой, деятельностью

- хозяйствующих субъектов и бизнес-элитой в целом;
- уровнем экономической зависимости от России в тех или иных областях экономики;
 - уровнем внедрения нероссийского частного капитала в их национальные экономики;
 - преобладающей внешнеэкономической ориентацией и направленностью внешнеэкономических связей.

В зависимости от соотношения вышеперечисленных факторов экономическая политика России в отношении центральноазиатских государств предполагает разработку и продвижение совместных экономических проектов, лоббирование интересов российского частного капитала для налаживания контактов с национальными бизнес-элитами и получения определенных льгот.

Оценивая возможности влияния России на страны ЦАР в соответствии с обозначенными параметрами, можно заключить, что наиболее ограниченными являются шансы воздействовать на политический режим, существующий сегодня в Туркменистане – стране, лишь номинально состоящей в СНГ и де-факто игнорирующей работу всех его координирующих органов.

Газовая “самодостаточность”, сведение экономических контактов с Россией к газовым проектам, закрытость режима, элиминирование оппозиции, незначительная численность русских при отсутствии у них собственных СМИ и собственных организаций ограничивают возможности использования в российских интересах оппозиции и взаимодействия с бизнес-элитой.

Трансформация туркменского режима, как можно предположить, будет неэволюционной, и неизбежно будет сопровождаться клановой борьбой и расколами. В то же время, России не следует делать ставку на его демонтаж, поскольку это может привести к дестабилизации ситуации в Прикаспии. В то же время, российским властям не следует делать односторонний упор на схему “газ в обмен на права россиян, живущих в Туркмении”. Целесообразнее, взаимодействуя с туркменскими властями на основе норм международного права, всемерно отстаивать их права.

Из всех стран региона Казахстан является наиболее влиятельным и предсказуемым партнером России, что подтверждается не только его активным участием в ОДКБ, ШОС, ЕЭП, но и рядом интеграционных инициатив в рамках СНГ. Следует также помнить, что именно Казахстан является инициатором приглашения России в ОЦАС, и соотносит свои внешнеполитические шаги с интересами и позициями России (не в ущерб своим собственным).

Русскоязычная община Казахстана, при наличии целого ряда проблем, достаточно консолидирована и имеет возможности для представительства своих интересов. Оппозиция режиму “просвещенно-плюралистического” авторитаризма является достаточно консолидированной, что подтверждается деятельностью Координационного совета демократических сил (КСДС), но в силу своей завязанности на систему кланово-жузовых отношений пока не может бросить достаточно эффективный вызов действующей власти (что, в частности, подтверждается недавним расколом между КСДС и ведущей оппозиционной партией “Ак жол”).

Кроме того, возможности осуществления “бархатной революции” в Казахстане затруднены вследствие наличия достаточно мощной властно-силовой вертикали, а также способности Н.Назарбаева поддерживать определенный баланс между региональными кланами и жузами, что позволяет прогнозировать его победу на следующих президентских выборах.

В силу этого, России следует совместно с властями Казахстана участвовать в реализации взаимовыгодных интеграционных инициатив и проектов в рамках уже действующих структур, не игнорируя при этом взаимодействия с оппозицией.

Узбекистан, активно борющийся за политическое и экономическое лидерство в ЦАР, обладает, пожалуй, наиболее сложившейся во всем центральноазиатском пространстве национальной идентичностью, что, однако, не исключает борьбы кланов за власть. Все это, а также отсутствие прямого географического “соседства” с Россией подталкивает его к проведению самостоятельной политики, ориентированной не на комплексную интеграцию в СНГ, а на “двусторонние отношения”.

Уязвимость страны из-за влияния внутреннего и внешнего “исламского фактора”, необходимость продолжения модернизации экономики и вооруженных сил, а также необходимость смены элит побуждают его к расширению экономического, военно-технического, и в более узком масштабе – военно-политического взаимодействия с Россией (чем отчасти и объясняется “мягкая” интеграция Узбекистана в структуры ШОС).

В то же время, Россия едва ли заинтересована в “обвальной демократизации” и падении нынешнего ташкентского режима (ибо на смену ему придет клановый раскол с перспективой “фундаментализации” страны), а возможности “игры” России на внутриузбекском “политическом

поле” ограничены из-за авторитарного характера власти и относительной слабости “русского фактора” в общественной жизни.

Поэтому оптимальной линией в отношении Узбекистана является укрепление уже существующих контактов и налаживание связей с формирующейся национальной бизнес-элитой страны (партия представляющая её интересы победила на недавних выборах в узбекистанский парламент).

Эта бизнес-элита в будущем может оказаться способной демонтировать клановую систему и стать главным субъектом формирования внутренней и внешней политики своего государства.

Таджикистан, переживший кровопролитную гражданскую войну 1992–1994 гг., с учетом “прозрачности” и уязвимости таджикского государства, экономической слабости и хрупкого коалиционного равновесия кланов (“кулябцев” и “исламистов”), нуждается в политическом и экономическом посредничестве и участии России, что признается и интегрированными в правящий режим представителями “демо-исламской оппозиции”. Подкрепляют такую уверенность членство Таджикистана в ОДКБ, ШОС и ЕЭП.

Маргинальное положение Таджикистана в ОЦАС, сложные отношения с региональным лидером Узбекистаном также делают выгодными его партнерство с внешней влиятельной силой, в роли которой выступает Россия. В то же время, американское присутствие в ЦАР в связи с военной акцией в Афганистане, а также попытки Таджикистана подключиться к альтернативным России коммуникациям (собственный участок нового “шелкового пути” в рамках проекта ТРАСЕКА) не нарушают этих отношений.

Главная проблема российской политики в данном случае – отсутствие у России собственного проекта интеграции центральноазиатских стран в новые проекты сотрудничества, что уменьшает возможности использования сильных позиций в республике.

Что касается Киргизии, то Россия должна выстраивать отношения с новой властью и элитой, взаимодействуя с международными и региональными структурами, что требует методичной и последовательной дипломатической работы с различными политическими силами в самом Кыргызстане.

В ситуации “вялотекущего развала” либо форсированного демонтажа СНГ, России следует предпринять максимум усилий для сохранения и укрепления существующих в его рамках структур (прежде всего ОДКБ), межгосударственных объединений (ЕЭП), а также региональных организаций (ШОС и в меньшей степени ОЦАС), выстраивая двусторонние отношения с отдельными странами ЦАР при учете вышеперечисленных особенностей.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

О.Дамаскин,
доктор юридических наук, профессор

Разумная политика руководства современного цивилизованного государства предполагает поддержание социальной стабильности в обществе на основе баланса доходов и повышения качества жизни различных групп населения. При этом качество жизни формируется не только политикой доходов и трудовых отношений, но и организацией образования, здравоохранения, экологии, доступа к информации, обеспечения других общественных ценностей.

Основой социального согласия в гражданском обществе является конструктивный диалог между правительством, бизнесом и трудовыми коллективами. Таким образом, у социальной политики имеются две взаимосвязанные сферы: экономическая и общественно-политическая.

Социальная политика по характеру своего воздействия на экономический процесс выполняет роль стабилизатора и стимулятора экономического развития. Изначально Европейский Союз (ЕС) представлял собой объединение относительно развитых стран, однако по мере его расширения возникла проблема социальной адаптации новых членов ЕС с менее развитой экономикой. При этом социальные программы разрабатываются и финансируются на наднациональном уровне из общеевропейского бюджета ЕС, а также из специализированных организаций и фондов. Соответственно на наднациональном уровне действует механизм социальной защиты, обеспечивающий унификацию качества жизни.

Однако развитие интеграции сопряжено и с определенной социальной напряженностью, связанной со старением населения и угрозами экологии. При этом присоединение к ЕС стран вышедших из другой социально-экономической системы происходит с существенными осложнениями.

Правовые основы социальной политики были заложены в учредительные документы ЕС. В качестве основного направления было признано обеспечение социального развития в процессе интеграции стран-участниц и смягчение социальных последствий интеграции. На первом этапе интеграции был учрежден Европейский социальный фонд как финансовый инструмент социальной политики в соответствии с Программой социальных действий ЕС.

По мере углубления интеграции для реализации идей единого рынка необходимо свободное перемещение и свобода деловой активности людей по всей территории сообщества. Это предполагает обеспечение равенства трудовых и социальных прав всего населения. Для этого необходимо дальнейшее развитие и гармонизация трудового и социального законодательства, а также унификация национальных законодательств в этой сфере.

Решение задач строительства единого рынка потребовало адекватного развития законодательства, как правовой базы реализации социальной политики.

Были приняты основополагающие документы – Единый европейский акт (ЕЕА) в 1986 г. и Хартия основных социальных прав трудящихся Сообщества. Эти акты гарантируют права на свободное перемещение и свободу выбора занятий; труд и справедливое вознаграждение; улучшение условий труда; социальную защиту; свободу ассоциаций и коллективных договоров; профессиональную подготовку; равное отношение к мужчинам и женщинам на рынке труда и на работе; право на информацию, консультации и участие; охрану здоровья и безопасность на рабочем месте; защиту детей и подростков; достойные условия жизни для пожилых людей; вовлечение инвалидов в общество и трудовую жизнь.

В начале 90-х годов разрабатывалась программа создания экономического и валютного союза. При этом социальная политика получила статус одного из главных направлений деятельности ЕС. Это нашло закрепление в Маастрихтском договоре о Европейском Союзе (1992 г.).

В компетенцию ЕС вошла политика в социальной сфере, включая Социальный фонд, а также другие направления, имеющие социальные аспекты. В 1997 г. был подписан Амстердамский договор о Европейском союзе, в который был включен раздел “Социальная политика, образование, профессиональное обучение, молодежь”. На решение социальных проблем были ориентированы и другие разделы Договора о ЕС – “Занятость”, “Свободное движение лиц, услуг и капитала”, “Защита потребителей”, “Общественное здравоохранение”, “Экономическая и социальная сплоченность”, “Окружающая среда”.

Европейская Комиссия регулярно готовит и совершенствует программные документы социального развития Европы.

Так, в 1993 г. проблемам социальной политики была посвящена Зеленая книга “Альтернативы для Союза” и Белая книга о росте конкурентоспособности и занятости. В ней определено оптимальное соотношение между мерами ЕС по повышению конкурентоспособности и росту экономики поддержанием высокой занятости и гарантий социальной защиты.

В 1994 г. подготовлена еще одна Белая книга “Европейская социальная политика: путь для Союза”.

В 1995 г. опубликована “Среднесрочная программа социальных действий на 1995–1997 годы”, в 2000 г. – Белая книга, определяющая экологические стандарты, как важную составляющую качества жизни европейцев.

Таким образом, на пути от общего рынка к единому экономическому и политическому пространству на правовой основе постоянно расширяются наднациональные программы и гарантии социальной защиты, обеспечивающие условия достойного уровня и качества жизни для граждан объединенной Европы.

Основными источниками финансирования социального процесса являются:

- социальные расходы национальных правительств через национальные государственные бюджеты;
- бюджеты Европейского объединения угля и стали, Евратома, ЕЭС;
- специальные структурные фонды ЕС: социальный фонд, Фонд регионального развития, Фонд содействия экономическому сближению государств-членов ЕС.

Координация деятельности правительств на наднациональном уровне способствует повышению ответственности и контроля как за порядком самого финансирования, так и за исполнением и результатами финансируемых программ. При этом причина относительно высоких социальных достижений ЕС состоит не столько в объеме финансовых возможностей правительств и наднациональных бюджетов, сколько в эффективности социальной политики и комплексности социальных мероприятий и других экономических программ.

Социальный компонент прямо или косвенно содержится практически по всем направлениям интеграционной деятельности. Ставка на экономический рост, инвестиции в человеческий потенциал, структурные преобразования в промышленности, развитие сельского хозяйства и т.д. прямо или косвенно дает положительный социальный эффект. Поэтому главным является не столько объем социальных расходов, сколько объем производства интегрированных экономик, равномерность развития стран и регионов, сбалансированность доходов. Если делать ставку только на социальные расходы, то в долгосрочном плане это ведет к эффекту “бездонной бочки”, сопровождается инфляцией, ведущей к сокращению реальных доходов и объемов производства, росту безработицы и других последствий растраты социальных благ. Разумеется, такой подход не является проявлением альтруизма по отношению к широким слоям населения со стороны доминирующих в политике финансово-промышленных групп. Этот подход как оптимальный основывается на инстинкте самосохранения и понимания необходимости поддержания приемлемого для основной массы населения уровня и качества жизни во избежание опасных социальных конфликтов, социальной дестабилизации. Именно поэтому идеологической основой современной европейской интеграции является строительство не только экономической, но и социальной интеграции.

Наднациональную социальную политику и деятельность, связанную с социальной защитой населения, осуществляют Европейский совет, парламент, Комиссия и суд, соответствующие комитеты – экономический и социальный, специализированные организации – Постоянный комитет по занятости, структурные фонды, Европейская служба занятости, Служба взаимной информации по политике занятости и др.

Наднациональные органы содействуют решению:

- специфически социальных проблем как отдельных категорий трудящихся (молодежи, женщин, пожилых людей, частично трудоспособного населения), так и трудящихся отдельных отраслей (транспорт, сельское хозяйство, рыболовство и т.д.);
- проблемы повышения качества жизни, улучшению охраны труда и здоровья населения;
- проблемы постепенного сближения социальных систем стран–членов ЕС.

Для решения этих вопросов активно используется детальное правовое регулирование как правовая основа социально-экономического процесса и правовой защиты социальных прав и законных интересов граждан.

Несмотря на растущую роль наднационального уровня в социальной сфере и социальной интеграции, основная часть социальных расходов приходится на бюджеты правительств стран–участниц ЕС.

Динамика расходов на социальные цели бюджета ЕС и бюджетов национальных правительств представлена в табл. 1.

Таблица
млрд. евро

Годы	Бюджет ЕС		Социальные расходы национальных правительств	Доля бюджета ЕС в общих социальных расходах, %
	всего	в том числе структурные фонды		
1970	5,58	5,35	185	3,02
1982	22,42	16,71	731,01	3,07
1992	48,35	35	1319,9	3,66
1998	86,41	67,94	2011,3	4,3
2006	105,23	82,52	2800	3,76

В абсолютном измерении доход на душу населения в среднем по ЕС в составе 25 участников в настоящее время достигает (по данным Евростата) примерно 21,3 тыс. долл. США.

В США аналогичный показатель превышает 34 тыс. долл. В России ВВП на душу населения по текущему курсу в 2002 г. составлял 2,5 тыс. долл., а в 2004 г. – 4 тыс. долл.²

В среднем по ЕС квинтильный коэффициент^{*}, практически не изменился и равен 4,5 как для прежнего, так и для нынешнего состава ЕС. Аналогичный разрыв доходов в России приближается к 15. В наиболее развитых странах ЕС минимальный разрыв в доходах примерно в 3 раза, максимальный – Португалии и Польше, около 6 раз.

Социальная защита страхует население от рисков, которым они подвергаются при потере работы или трудоспособности. В ЕС социальный пакет сохраняет гражданам эти возможности на достойном уровне.

Важным средством в достижении этой цели являются социальные трансферты. Об их объеме в ЕС можно судить по показателю уровня бедности до и после выплаты пособий.

Бедными в ЕС считаются люди с доходами, составляющим 60% от уровня среднего дохода (от 24120 евро на человека в год, то есть примерно от 2 тыс. евро в месяц).

По данным Евростата, число людей считающихся бедными после социальных выплат существенно сокращается, с 24 до 15%.

В целом по ЕС государственные расходы на обеспечение достойного уровня жизни составляют 116841,8 млн. евро в виде пособий и субсидий, а расходы на выплаты людям, вышедшим на пенсию преждевременно, – 8366,9 млн. евро.³

Оборотная сторона высокой социальной защищенности состоит в снижении стимулов к поиску работы и потере профессиональных навыков. Если в первое время, оставшись без работы, люди испытывают стресс или дискомфорт, то затем часть из них привыкает жить на доход, позволяющий удовлетворять жизненные потребности, не сопряженные со стремлением к более полной самореализации. Наиболее склонны к этому лица, переместившиеся из других стран с более низким уровнем жизни. Однако практика свидетельствует, что часть российских граждан, выехавших на работу и проживание в страны ЕС, в том числе в ФРГ, в настоящее время возвращаются, испытав психологический дискомфорт, несмотря на более высокий уровень материальной обеспеченности.

Проблема безработицы обостряется при снижении темпов экономического роста. Впервые за последние годы темпы развития ЕС отстали от Японии.

Так, рост ВВП в 2005 г. прогнозируется в ЕС на уровне 1,2%, в Японии на уровне 1,5%, а в США – на уровне 3,6%.

Следствием снижения темпов роста экономики является увеличение безработицы. При этом самая большая безработица в Германии и Франции.

В ФРГ уровень безработицы составляет 12,5%.

Безработных в Европе больше среди женщин, чем среди мужчин, безработных с высшим образованием – 6,3%, а с начальным и средним образованием – 9,8%⁴.

Поэтому политика ЕС направлена на оздоровление экономик отстающих стран.

Новым импульсом развития социального развития ЕС явился Всемирный саммит по устойчивому развитию в Йоханесбурге (2002 г.). При подготовке к нему на заседании в Барселоне Европейский совет поставил задачу сделать свою политику устойчивого развития примером для подражания во всем мире. Такой амбициозный подход ориентирует страны ЕС на перспективы и уровень развития, хотя и сопряжен с необходимостью более реальной самооценки в притязаниях на лидерство.

Основные направления политики устойчивого развития включают: сохранение и рациональное использование природных ресурсов; международную систему охраны окружающей среды; наращивание технологического потенциала Европы; активизацию деятельности по передаче технологий развивающимся странам.

Социальная направленность этого подхода состоит в перспективе снижения безработицы, повышения производительности труда и уровня национального дохода, роста налогооблагаемой базы как источника бюджетных поступлений на различных уровнях интеграции. Это будет способствовать решению проблем социального обеспечения растущей доли стареющего населения.

Своевременное осознание актуальных проблем и принятие адекватных мер позволяет правительствам ЕС осуществить глубокую модернизацию экономики, чтобы конкурировать с США и другими крупными участниками мирового рынка, выполнить поставленную Европейским советом задачу: создать за 10 лет “наиболее конкурентоспособную и динамичную, основанную на наукоемких технологиях экономику, способную обеспечивать устойчивый рост, создавая новые рабочие места, и развитую социальную интеграцию”². Такой подход в рамках качественно новой социальной интеграции позволяет утвердиться в постиндустриальной экономике и соответствовать вызовам процесса глобализации.

Представляется, что социальная политика Европейского союза и государств лидирующих в нем может быть адаптирована в специфических социально-экономических условиях современной России.

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации В.В.Путин констатирует: “Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром”⁴. Идеология В.В.Путина, выраженная в Послании, сводится к либерализму, приверженности демократии в европейском понимании, основанной на западных ценностях, которые не идут вразрез с отечественными, российскими.

Усилия Президента России по развитию государства, политической системы и гражданского общества были сопряжены с преодолением деградации государственных и общественных институтов, созданием основ для прогрессивного развития. “Политика стабилизации фактически была политикой реагирования на накопленные проблемы, эта политика в целом себя оправдала. Но к настоящему времени она себя уже исчерпала. И теперь для этого нам крайне необходимо эффективное государство”⁴.

В.В.Путин акцентирует внимание на важности социального аспекта деятельности государства в современных условиях. “Российское государство, если хочет быть справедливым, обязано помогать нетрудоспособным и малоимущим гражданам – инвалидам, пенсионерам и сиротам. С тем, чтобы жизнь таких людей была достойной, а основные блага были бы для них доступными”⁴.

Поскольку наше место в современном мире будет определяться тем, насколько сильными и успешными мы будем, представляется целесообразным использование опыта стран ЕС в решении экономических и социальных проблем современной России.

Курс Президента России на преодоление эгоизма финансово-экономических групп в

интересах законопослушного большинства населения, консолидации общества на патриотической основе социально-экономического развития страны обуславливает необходимость принятия Федеральным Собранием и Правительством Российской Федерации адекватных решений и действий.

Примечания

* Квинтальный коэффициент – число показывающее во сколько раз доходы 20% самых богатых превышают доходы 20% самых бедных слоев населения.

¹ Европейский союз на пороге XXI в. / Под ред. Борко Ю.А., Буториной О.В. УРСС. И. 2001. С.132.

² Европа. 2005. № 8.

³ Eurostat Yearbook 2004.

⁴ Российская газета. 2005. 26 апреля.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

КИТАЙ: ИНОСТРАННЫЕ КОМПАНИИ В СФЕРЕ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

**А.Мамаев,
З.Муромцева,**
кандидат экономических наук

Завершение десятого пятилетнего плана социального и экономического развития КНР (2001–2005 гг.) является важной вехой в модернизации промышленного производства страны. К 2005 г. Китай занял в мире 6-е место по производству валового внутреннего продукта (ВВП).

Однако процессу модернизации Китая все более бросает вызов обостряющееся противоречие между растущим населением, ресурсами и окружающей средой.

Занимая в мире по удельному весу ВВП 6–7 место, Китай при этом расходует на его производство 12% первичного сырья и энергии, 28% проката и 50% цемента от мирового уровня.

Перед страной стоит неотложная задача трансформации способа экономического роста, обеспечения развития рециркуляционной экономики, перехода на новый путь индустриального развития, экономно использующего ресурсы и защищающего окружающую среду. В становлении нового пути индустриализации важнейшую роль должны сыграть глобализационные процессы в области науки и техники. До 2020 г. экономическая стратегия Китая предусматривает обеспечение скачкообразного ускорения инновационного процесса на основе информатизации и внедрения передовых технологий.

Технологические нововведения, наметившиеся в конце XX в., создали предпосылки внедрения эффективных форм организации инновационного процесса в условиях ускорения интеграции науки, производства и сбыта произведенной продукции. Превращение информационных технологий в ведущую отрасль народного хозяйства, рост других отраслей новой экономики преследуют цель использования их для развития предприятий, имеющих самостоятельную интеллектуальную собственность, известные в мире марки продукции и обладающих международной конкурентоспособностью. Одновременно большие надежды в Китае возлагаются на диффузию информационных технологий в масштабе всей страны, стимулирование развития знаний, передовой науки и техники и модернизацию традиционных производств.

Беспрецедентный и ускоряющийся темп, с которым Китай перешагивает практически через несколько поколений в развитии технологий, хорошо прослеживается в способности наладить производство ключевой высокотехнологичной продукции, используя передовые технологии и оборудование, а главное опыт и знания, полученные не в результате собственных исследований, а с помощью использования уже имеющейся базы у ведущих мировых производителей подобной продукции. Достижения в области высокотехнологичного оборудования, включающего в себя производство компьютеров (HS84), полупроводников – главный элемент в электронном оборудовании (HS85) – могут служить примером, подтверждающим это положение.

Компьютеры и полупроводники являются ключевым объектом военных и гражданских целей китайской программы “863”, которая была утверждена в 1986 г. и определила основные направления развития НИОКР в области высоких технологий.

Экспортный контроль Министерства финансов США отметил в начале 2000 г., что передовая производственная инфраструктура Китая за последние 2–3 года сократила разрыв между возможностями США и КНР в производстве полупроводников до 7–10 лет. Согласно отчету Министерства финансов США, наиболее продвинутые технологии в Китае позволяют производить полупроводники более высокого уровня сложности, нежели используемые США в самых новейших образцах вооружения.

Например, F–22 в настоящий момент является наиболее современным тактическим самолетом ВВС США. Авионика этого самолета построена на базе микропроцессоров Intel i960MX, производство которых ведется по 0,8-микронной технологии. Подобные процессоры на 4

технологических поколения отстают от тех образцов интегральных цепей, которые доступны для производства в сегодняшнем Китае¹.

Совершенно очевидно, что серьезные результаты в области производства высокотехнологичной продукции такого уровня были достигнуты исключительно благодаря привлечению инвестиций ведущих мировых производителей на китайский рынок. Пять из восьми китайских производств, обладающих оборудованием, способным производить интегральные цепи последнего поколения, зарегистрированы как совместные предприятия, а оставшиеся три являются частными предприятиями с участием иностранного капитала.

Объемы производства полупроводников в стране постоянно растут, это вызвано увеличивающимся спросом на подобную продукцию. Две шанхайские компании – Semiconductor Manufacturing International и Grace Semiconductor – оснащены оборудованием из стран ЕС и Японии, позволяющим создавать электронные цепи с шагом равным 0,13 микрон. Подобные цепи используются в самых скоростных и наиболее мощных компьютерных чипах мира, производство которых предполагалось начать в Китае уже в 2004 г.². Более того, некоторые из новейших производств позволяют производить полупроводники по любым схемам, предоставленным заказчиком.

Таким образом, они обеспечивают китайской промышленности и военным ведомствам новый источник производства интегральных цепей, которые не подлежат экспортному контролю со стороны государств – собственников подобной продукции.

В начале 2002 г. был создан новый национальный исследовательский центр, работа которого должна быть сконцентрирована на разработке так называемых системных чиповых технологий – чипов, включающих в себя функции процессора, памяти, а также функции ввода и вывода. При разработке предполагалось использовать 0,10-микронную технологию производства интегральных схем³.

В 2001 г. были открыты новые линии производства полупроводников на производственном предприятии Leshan Proenix Co., которое является совместным предприятием, организованным компаниями ON Semiconductor и Leshan Radio Company, расположенном в г. Лешань провинции Сычуань. Американская компания ON Semiconductor заявила, что в дальнейшем планируется перенос основных мощностей для производства высококачественных полупроводников из Малайзии на завод, расположенный в Лешане. Таким образом, может быть создано крупнейшее производство микрополупроводников в мире.

Компания Motorola является в КНР одним из крупнейших инвесторов.

Объем инвестиций этой компании на 2001 г. в производства, расположенные в Китае, составлял 3,4 млрд. долл. По заявлению главы компании Кристофера Галвина, до конца 2006 г. в развитие существующего производства в Китае планируется вложить 10 млрд. долл.

Motorola – это лишь один пример из растущего числа крупных транснациональных компаний, включающих такие компании, как Boeing, Lucent и Kodak, которые сделали ставки на создание совместных предприятий в КНР.

Есть точка зрения, что инвестируя в китайские производства, иностранные компании становятся в значительной степени зависимыми от китайского руководства, а увеличение давления, оказываемого со стороны КНР на эти компании, может представлять угрозу интересам национальной безопасности стран–инвесторов.

Однако существует и другой ракурс взгляда на этот процесс. Открывая научно-исследовательский институт (Bell Lab Basic Science Research Institute) в Пекине (апрель 2000 г.), президент компании Bell Labs Сю Цзюнь (КНР), отметил фундаментальные изменения в стратегии развития глобальных компаний. Многонациональные компании ранее обладали научно-исследовательской базой, ограниченной границами собственных стран. Эта форма работы преобразуется. Локализация, понимаемая как приспособление к местным условиям, становится единственной эффективной стратегией развития современных транснациональных компаний.

Локальная научно-исследовательская работа позволяет быстрее реагировать на перемены, происходящие на рынке, уменьшать себестоимость производимой продукции, набирать и обучать квалифицированный, менее дорогой персонал, который наиболее отвечает интересам организации работы компании в регионе.

Компания Bell Labs вышла на китайский рынок в 1997 г., открыв свои лаборатории в Пекине и Шанхае. Наличие исследовательских центров в Китае позволяет компании расширить свои исследования, помогая тем самым основной работе, проводимой в США. Сейчас уже не вызывает сомнений, что наблюдаемый в Китае процесс передачи технологий – это цена за доступ

иностранных высокотехнологичных компаний к китайскому рынку, обладающему огромным потенциалом роста.

Министерство торговли США в своем исследовании природы процессов передачи американских технологий в Китай отмечало этот факт еще в конце 90-х годов. Обещания получить неограниченный доступ к китайскому рынку и растущая конкуренция между западными компаниями стимулировали инвестиционные процессы в Китае, направленные на скорейший вывод новейших образцов высокотехнологичной продукции на китайский рынок. При этом западным компаниям приходится учитывать интересы Китая в совместно проводимых исследованиях по разработке технологий нового поколения.

По исследованиям, проведенным в Академии общественных наук КНР (АОН), к 1997 г. лишь 13% иностранных компаний применяли свои новейшие разработки в КНР. К 2001 г. их число выросло до 41%, и ожидается, что эта тенденция сохранится и в дальнейшем.

Исследования АОН обнаружили, что автомобили, производимые иностранными компаниями на территории Китая, также могут быть отнесены к разряду высокотехнологичной продукции.

В 2001 г. 70% совместных предприятий по производству автомобилей в Китае производили действительно высококлассную продукцию. Конкуренция развивается очень быстро, и иностранные компании просто вынуждены выводить на рынок все новые и новые продукты и технологии для поддержания своей деятельности в стране, а также для обеспечения ее развития в будущем.

В начале 2000-х годов большинство иностранных компаний в Китае фокусировали свою деятельность на производстве несложной продукции в трудоемком производственном секторе. Однако очень сильная конкуренция приводит к тому, что деятельность этих компаний быстро становится нерентабельной. Единственный путь для успешной работы иностранных компаний на китайском рынке, по мнению АОН, это работа в высокотехнологичном секторе.

Согласно отчету Министерства внешней торговли и экономического сотрудничества КНР, опубликованному в сентябре 2000 г., иностранными компаниями в Китае было создано около 100 научно-исследовательских центров в сфере высоких технологий. Их число в 2001 г., по данным АОН, возросло до 124. Несмотря на запрет со стороны тайваньского правительства, высокотехнологичные компании Тайваня, такие как Acer, Delta Electronics и Hon Hai Precision Industrial Company, также организовали совместные научно-исследовательские центры в континентальном Китае.

Количество открываемых иностранными компаниями научно-исследовательских центров, постоянно увеличивается, однако, пока нет официальной статистики, позволяющей проследить динамику процесса создания иностранными компаниями исследовательских центров на территории Китая, а также провести всесторонний анализ их деятельности.

Уровень исследований в области высоких технологий, проводимых в Китае, по мнению исполнительного вице-президента компании Alcatel, растет очень быстро. В интервью газете Financial Times он отметил: «Китай в ближайшее время станет источником передовых технологий»⁴. Хотя объем инвестиций в развитие научно-исследовательских центров в Китае невелик, результат этих вложений может быть вполне оправдан. С учетом бурно развивающихся сетевых технологий, применяемых в бизнесе, научно-исследовательские центры в Китае быстро становятся частью «глобальной команды» их иностранных партнеров.

По данным агентства Синьхуа, объем венчурного капитала, вложенного в китайскую экономику, в 2004 г. составил 1,27 млрд. долл. Эта сумма на 28% превосходит аналогичный показатель 2003 г.

В 2004 г. инвестиции получили 253 новых проекта.

Лидером по объему привлекаемых инвестиций стали отрасли производства полупроводников и интегральных микросхем с общим объемом инвестированных средств в сумме 424 млн. долл., затем следовали традиционные производственные сектора, которые получили 178 млн. долл.⁵.

Создание исследовательских центров, с точки зрения западных партнеров, связан с рядом сложностей, так как в случае организации совместных компаний партнерами совместно организуемых научно-исследовательских центров являются китайские организации, полностью контролируемые правительственными кругами.

Так, например, американская компания GE планировала создать в Китае крупный научно-исследовательский центр. Объявление о планируемом центре сопровождалось усилением давления китайской стороны на компанию с целью совместить двигатели CF34, производимые компаний GE Aircraft Engines, с самолетами ARJ21, которые разрабатывали специалисты китайской

компании China Aviation Industry Corp. I (AVIC I).

20 февраля 2002 г. представители компании GE в Китае сообщили, что при разработке новой продукции они надеются работать совместно с китайскими авиационными компаниями. Спустя неделю GE объявила о создании нового научно-исследовательского центра.

GE обладает 30 подразделениями в КНР, среди них есть как совместно организованные с китайской стороной, так и находящиеся в полной собственности компании единицы, которые, по-видимому, будут напрямую связаны с работой нового центра и, таким образом, интегрированы в глобальную разработческую сеть корпорации.

Пример организации совместного центра развития высоких технологий компанией IBM совместно с двумя ведущими университетами Китая – Пекинским университетом и университетом Цинхуа – еще раз подтверждает тот факт, что большинство научно-исследовательских центров в Китае основываются на модели объединения.

Компания IBM обеспечивает работу центра необходимым программным и аппаратным обеспечением, специальным оборудованием.

Университеты предоставляют помещения для расположения центра, а также организуют сетевое соединение компьютеров центра с Интернетом.

При этом компания IBM и упомянутые университеты обладают равными интеллектуальными правами на все разработки, проводимые в рамках этого центра. Оба университета являются полностью государственными структурами, а, следовательно, целиком подконтрольны государству. В свою очередь, каждый из университетов полностью контролирует целый ряд технологических компаний.

Например, Пекинский университет контролирует работу компании Founder Computer, которая в настоящий момент занимает одно из ведущих мест на китайском рынке компьютерной техники.

Университет Цинхуа контролирует работу компании Tsinghua Tongfang Computers, являющуюся крупным производителем компьютеров, а также имеет совместные договоры с компанией Langchao Group – китайским производителем серверных станций.

В конце 90-х годов европейские компании начали создавать совместные научно-исследовательские центры в Китае. Такие известные компании, как Nokia, Ericsson, Siemens активно работают с несколькими китайскими партнерами над разработкой новых интернет-технологий, созданием технологий мобильной связи третьего поколения, а также участвуют в других проектах. Научно-исследовательскую работу совместно с китайскими партнерами ведут Airbus, Fiat, Unilever и Volkswagen.

Крупные японские компании также перемещают свою научно-исследовательскую работу в Китай.

Большинство из созданных научно-исследовательских центров организовано совместно с китайскими компаниями. Такие известные японские компании, как Matsushita Electric, Sony, Hitachi, NEC, Honda и Yamaha уже открыли свои центры в Китае.

Глава компании Fuji-Хегох Йотаро Кобаяши в интервью газете “The New York Times” сказал: “Китай быстро превращается в страну с высоким уровнем развития технологий. В скором времени японские высокотехнологичные компании начнут испытывать жесточайшую конкуренцию со стороны китайских производителей”⁶.

Инвесторы, приходящие на китайский рынок, отмечают сложности в решении юридических и административных вопросов при ведении бизнеса в Китае, высокий уровень коррупции в регулирующих административных органах и среди руководства ведущих государственных компаний КНР. По-прежнему, во многих отраслях китайской промышленности политический курс управляет развитием, что затрудняет ведение бизнеса для иностранных компаний на территории КНР. Однако, несмотря на все сложности на пути иностранных компаний, открывающих свои отделения в Китае, страна все же остается для них одним из самых привлекательных рынков, на котором не только огромное по своему масштабу число потенциальных потребителей готовой продукции, но и стабильно продолжающийся экономический рост, низкая стоимость рабочей силы и сырья для производства.

Недостаток инвестиций внутри страны приводит китайских производителей к поиску капитала на стороне. Теневые стороны этого процесса китайские аналитики усматривают в следующих моментах. В результате совместной деятельности китайские предприятия становятся отрядами иностранного капитала в сфере высоких технологий, что зачастую не является благом для китайской стороны. Высококвалифицированные специалисты, которые являются дефицитом в стране, покидают китайские предприятия, находя лучшие условия работы на совместных с

иностранным капиталом или полностью принадлежащих ему предприятиях. Анализ деятельности транснациональных корпораций, проведенный китайскими исследователями, показывает, что ТНК сдерживают передачу Китаю целого ряда технологий, особенно в ключевых областях.

Итак, стратегия индустриализации нового типа, насущно необходимая Китаю в условиях разрушения экологической среды и нехватки энергетических ресурсов, осуществима лишь при использовании интенсивных факторов роста, передовых и новейших технологий, учитывающих собственные технико-технологические возможности и научный потенциал, но непременно опирающиеся на достижения мирового инновационного процесса.

Примечания

¹ US Government Accounting Office, Export Controls: Rapid Advances in China's Semiconductor Industry Underscore Need for Fundamental U.S. Policy Review. P. 16 (<http://www.gao.gov/htext/d0397.html>).

² The New York Times. May 6. 2002.

³ China Business Times. January 22. 2002.

⁴ Financial Times. April 19. 2002.

⁵ Агентство Синьхуа. 16 февраля. 2005.

⁶ The New York Times. April 21. 2002.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

РЕАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОРЕЙСКОГО ЯДЕРНОГО КРИЗИСА

В.Денисов,

доктор исторических наук, профессор

Эскалация ядерного кризиса на Корейском полуострове после объявления КНДР в феврале 2005 г. о том, что она обладает ядерным оружием, судя по всему, пошла на убыль. Это, конечно, не означает, что ситуация на полуострове нормализуется. Однако предпосылки для этого появились.

Прежде всего это договоренности, достигнутые 19 сентября с.г. во время четвертого раунда трудных, многомесячных шестисторонних (РФ, КНР, США, Япония, КНДР, РК) переговоров в Пекине. Принятие совместного заявления – несомненный успех всех участников переговоров, а главное КНДР и США, позиции которых во время диалога были настолько полярны, что трудно было даже себе представить, что сторонам когда-либо удастся добиться компромисса. Тем не менее компромисс был найден.

О чем же конкретно договорились участники “шестисторонки”?

Прежде всего было констатировано, что процесс денуклеаризации Корейского полуострова будет осуществляться мирным путем, без применения силы. Это очень важно, учитывая то, что и во время первого ядерного кризиса 1993–1994 гг. на полуострове, и в ходе нынешнего со стороны США звучали призывы к осуществлению силовой акции в отношении КНДР. Здесь нужно прямо сказать, что военный вариант разрешения ядерной проблемы на Корейском полуострове абсолютно нелогичен, непригоден и не осуществим. Даже гипотетически представить его невозможно, ибо это – катастрофа.

Главным компромиссом четвертого раунда стало согласие Пхеньяна свернуть все существующие у него ядерные программы, возвратиться в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который он покинул в январе 2003 г., и нормализовать свои отношения с МАГАТЭ, что подразумевает заключение с международным агентством контрольного соглашения, предусматривающего проведение инспекций северокорейских ядерных объектов.

В ответ на взятые КНДР обязательства Соединенные Штаты подтвердили отсутствие американского ядерного оружия на Корейском полуострове и заявили о намерении “не нападать и не вторгаться в КНДР с использованием ядерных или обычных вооружений”.

Северная Корея длительное время добивалась от администрации Дж.Буша гарантий безопасности. Официальное согласие Вашингтона не вторгаться в Северную Корею, зафиксированное в совместном заявлении 6 государств, создает основу для установления доверия между КНДР и США, открывает возможности для дальнейшего движения вперед.

Стоит напомнить, что в Рамочном соглашении между КНДР и США 1994 г. также зафиксировано обязательство Вашингтона не посягать на безопасность Северной Кореи, давались гарантии неприменения силы или угрозы применения ядерного оружия. Более того, в специальном послании президента США Б.Клинтона на имя руководителя КНДР Ким Чен Ира подтверждались гарантии США соблюдать все пункты Рамочных договоренностей, включая неприменение силы в отношении Северной Кореи.

Заявление Вашингтона об отсутствии ядерного оружия на юге полуострова дополнено обязательством Республики Корея строго следовать межкорейской Декларации о денуклеаризации Корейского полуострова, подписанной в декабре 1991 г., не приобретать и не размещать на своей территории ядерное оружие.

Это весьма важное положение требует конкретных шагов со стороны обеих корейских сторон.

Север и Юг подписали этот документ уже более 10 лет назад, но практических мер по его реализации принято не было. Думается, сейчас самый подходящий момент для активизации межкорейского процесса урегулирования ядерного вопроса на полуострове. Тем более что в соответствии с Декларацией о денуклеаризации должен быть сформирован Комитет ядерного

контроля. До сих пор этот орган бездействует. Реанимация межкорейских взаимодействий по разрешению ядерного кризиса, безусловно, способствовала бы ускорению процесса мирного урегулирования не только ядерного вопроса, но и в целом корейской проблемы.

Существенный аспект шестисторонних договоренностей – официально закрепленное право КНДР на мирное использование атомной энергии. Этот вопрос вызвал особое напряжение в ходе диалога КНДР – США. Вашингтон выступал категорически против того, чтобы Пхеньян имел право развивать мирную ядерную программу.

Как известно, в Женевском соглашении 1994 г. зафиксировано обязательство США построить в КНДР две атомные станции на легководных реакторах (ЛВР) в обмен на отказ КНДР от военной ядерной программы и возвращение в ДНЯО.

Тогда Пхеньян выполнил свое обещание, возвратился в Договор о нераспространении, однако к 2003 г. первая АЭС так и не была построена. Под различными предлогами США затягивали сооружение объекта и в конечном итоге сорвали выполнение своих обязательств, хотя для этих целей был создан международный консорциум КЕДО и вложено немало средств (более 1,5 млрд. долл.) на сооружение площадки под АЭС.

Поэтому утверждать, что именно Пхеньян стал инициатором второго ядерного кризиса, начавшегося в конце 2002 г., вряд ли правомерно. Не выполнив свои обязательства по Рамочному соглашению, США тем самым подталкивали Пхеньян к шагам, которые привели к новому ядерному кризису. Сегодня важно извлечь уроки из прошлого, не допустить остановки переговорного процесса, а главное – завершить его практическими шагами, ведущими к окончательному урегулированию.

Достигнутые во время четвертого раунда договоренности касаются также экономического аспекта разрешения ядерной проблемы КНДР. Пять участников переговоров (РК, КНР, РФ, США и Япония) выразили готовность предоставить КНДР энергетическую помощь, причем Южная Корея подтвердила ранее сделанное предложение относительно поставки в КНДР электроэнергии в объеме 2 млн. кВт в случае отказа Пхеньяна от ядерной программы.

Известно, что КНДР уже длительное время испытывает большие трудности с электроэнергией. Отсутствие нефтяных и газовых месторождений, устаревшее оборудование на сооруженных при содействии СССР тепловых электростанциях привели к острому дефициту электроэнергии.

В 70–80-е годы СССР построил в КНДР Пхеньянскую ТЭЦ (мощность 500 мВт) и Пукчанскую ТЭЦ (мощность 1,6 мВт), ТЭЦ в Унги (мощность 100 мВт), первую очередь Восточно-Пхеньянской ТЭЦ (мощность 100 мВт).

Российская сторона в принципе готова к модернизации данных объектов за счет поставок энергетического оборудования, имея в виду, что финансирование проекта осуществит Южная Корея.

Стоимость переоснащения указанных энергетических объектов, по оценкам экспертов, составит 450–500 млн. долл.

Обсуждается также предложение об экспорте электроэнергии из Приморского края России в Северную и далее в Южную Корею.

Концепция данного проекта предусматривает сооружение линии электропередачи протяженностью 1250 км в два этапа. Первый этап – ЛЭП из России в КНДР (стоимость 200 млн. долл.). Второй этап – ЛЭП из КНДР в РК (стоимость 1,1 млрд. долл.). Проведенные трехсторонние консультации (РФ, РК, КНДР) подтвердили заинтересованность всех участников проекта в его реализации. Создана смешанная группа экспертов, которой поручено проработать все вопросы, включая финансирование.

Руководство Федерального агентства РФ по атомной энергии не раз выступало с идеей строительства на территории КНДР или вблизи границы с КНДР (например, в Приморском крае России) АЭС на легководных реакторах (при обязательном условии – возвращение Пхеньяна в ДНЯО).

В частности, в сентябре 2005 г. было заявлено о готовности российской стороны рассмотреть вопрос о строительстве в КНДР ядерного реактора ВВЭР-640 на легкой воде.

Такие типы реакторов Россия сейчас сооружает в Иране и КНР.

Это один из самых безопасных реакторов и, что самое главное, как утверждают специалисты, его невозможно использовать для создания ядерного оружия.

Серьезным тормозом на шестисторонних переговорах была такая чувствительная для Японии тема, как похищенные в свое время спецслужбами КНДР японские граждане. В результате двух

визитов Д. Коидзуми в Пхеньян (2002 г. и 2004 г.) ряд вопросов был снят, однако японское общественное мнение продолжает требовать полного расследования инцидентов с похищениями. После достаточно жестких публичных заявлений и демаршей северокорейской и японской делегациям все же удалось договориться “предпринять шаги, направленные на нормализацию отношений в соответствии с Пхеньянской декларацией 2002 г. (принята по итогам визита в КНДР Д. Коидзуми – Авт.) на основе урегулирования неприятных проблем прошлого и вызывающих беспокойство актуальных вопросов”. Думается, при наличии доброй воли и искреннего желания стороны способны окончательно снять вопросы, доставшиеся со времен японского колониального господства в Корее (1905–1945 гг.), а также урегулировать проблемы, связанные с похищением японских граждан. Во всяком случае достигнутые договоренности позволяют Пхеньяну и Токио двигаться вперед.

Самая трудная задача, которую предстоит решать на последующих этапах переговоров (следующий тур переговоров намечен на ноябрь с.г.), – это выработка последовательности осуществления действий как со стороны КНДР, так и остальных участников “шестисторонки”. Стороны зафиксировали принципиальный подход: претворять достигнутые договоренности в соответствии с принципом “обязательство в ответ на обязательство, действие в ответ на действие”. Иными словами, предстоит выработать своего рода “дорожную карту” – механизм реализации консенсусных решений.

Итоги четвертого раунда шестисторонних переговоров в международном сообществе восприняты в целом позитивно. Политические деятели, авторитетные эксперты, международные организации, в частности МАГАТЭ, отмечают серьезный прогресс на переговорах по северокорейской ядерной проблеме. Вместе с тем подчеркивается, что совместное заявление “шестерки” – это лишь первый шаг на пути к полному разрешению кризисной ситуации на Корейском полуострове.

Особую эйфорию пекинские договоренности вызвали в Южной Корее.

Президент РК Но Му Хён назвал их “эпохальными”, а министр по делам объединения Чон До Ен – “победой южнокорейской дипломатии”.

Давая оценку итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров заявил: “Это большой успех всей шестерки. Достигнутые договоренности решают главные вопросы, которые были камнем преткновения – обеспечение денуклеаризации Корейского полуострова и реализация законных нужд КНДР в сфере безопасности и гуманитарной сфере. Главное, подчеркнул министр, чтобы эти договоренности были реализованы”.

Президент США Дж. Буш акцентировал важность того, чтобы данное соглашение было “проверяемым”.

Практически все наблюдатели едины в том, что значительный вклад в успех переговоров внес Китай. По мнению зарубежных экспертов, энергичные усилия Пекина по выработке компромисса диктуются прежде всего тем, что “ядерный статус КНДР наносит значительный ущерб национальным интересам КНР”. Наличие ядерного оружия у Северной Кореи не отвечает национальным интересам не только Китая, но и всех других государств–соседей КНДР, не говоря уже о том, что это подрывает саму основу Договора о нераспространении ядерного оружия, региональной и общемировой стабильности.

Спустя сутки после подписания в Пекине шестистороннего заявления, то есть уже 20 сентября с.г., представитель МИД КНДР выступил с заявлением, в котором в весьма жесткой форме напомнил о праве Северной Кореи на мирный атом.

США, отмечается в северокорейском заявлении, должны признать право КНДР на обладание мирной ядерной программой и оказать ей содействие в сооружении ЛВР. Строительство легководного реактора, подчеркивается в документе, это – показатель уровня доверия между КНДР и США и лишь после того, как такое доверие будет установлено, у КНДР исчезнет необходимость в обладании ядерным оружием.

Северокорейский представитель отметил, что КНДР возвратится в ДНЯО и разрешит инспекции своих ядерных объектов со стороны МАГАТЭ только после получения легководного реактора.

“Сперва реактор – потом разоружение”, – таково требование Пхеньяна. Прямо скажем, весьма неожиданное и жесткое заявление. Реакция на этот северокорейский шаг со стороны других участников “шестерки” была достаточно твердой и однозначной.

Представитель государственного департамента США Шон Маккормак сказал, что “это явно не то, что записано в совместном заявлении”.

Министр иностранных дел Японии Нобутака Матимура заявил, что “подобное требование Северной Кореи неприемлемо”.

Вопрос о предоставлении КНДР легководных реакторов будет решен после ее полного отказа от программы разработки ядерного оружия и возвращения в рамки Договора о нераспространении, подчеркнул Матимура.

Весьма категоричен в оценке северокорейского шага был министр иностранных дел России Сергей Лавров.

Выступая с лекцией в Стэнфордском университете 21 сентября с.г., он заявил следующее: “Мы оба (вместе с К.Райс – Авт.) считаем, что последовательность шагов, которая была зафиксирована в пекинских договоренностях должна соблюдаться – сначала демонтаж ядерной программы, а уже потом решение вопроса о поставке реакторов”.

Категоричное требование Пхеньяна “сначала реактор – затем разоружение” отражает, с одной стороны, его недовольство “расплывчатостью” формулировки о праве КНДР на мирное использование атомной энергии, зафиксированной в совместном заявлении по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров, с другой – озабоченность возможным невыполнением данного пункта договоренностей, как это уже случилось с Женевским соглашением, согласно которому США обязались к 2003 г. построить первую, а к 2008 г. – вторую АЭС на легкой воде.

Некоторые наблюдатели усматривают в таком северокорейском шаге намек на то, что Пхеньян собирается “повысить свои ставки” в ходе новых раундов переговоров; другие – “выиграть время” для продолжения торга с американцами в надежде добиться от США новых уступок. Большинство же специалистов сходятся во мнении, что дальнейшие переговоры в свете требований КНДР “сперва реактор – потом разоружение” будут “чрезвычайно тяжелыми”.

Во всех перипетиях вокруг второго ядерного кризиса на Корейском полуострове позиция России выглядит конструктивно.

Российская сторона на всех этапах кризиса выступала за его политико-дипломатическое разрешение, поиск компромиссных развязок.

Если быть непредубежденным наблюдателем, то можно заметить, что за основу пекинских договоренностей четвертого раунда фактически взята российская формула урегулирования – “пакетная инициатива”, выдвинутая Москвой еще в 2003 г.

Ее смысл состоит в том, чтобы идти к урегулированию шаг за шагом за счёт осуществления взаимосвязанных мер, конечная цель которых – обеспечение денуклеаризации Корейского полуострова, создание международно-правовых гарантий мирного сосуществования и сотрудничества двух корейских государств, всемерное поощрение объединительного процесса на полуострове на основе свободного волеизъявления корейцев Севера и Юга.

Сегодня шестисторонний форум является наиболее реальной площадкой для продолжения и завершения мирного урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Более двух лет ведутся шестисторонние переговоры по урегулированию ядерного кризиса на Корейском полуострове. Несмотря на трудности переговоров, серьезные разногласия, существующие между его участниками, особенно между КНДР и США, все же удалось выйти на принятие совместного документа, который, будучи продуктом непростых компромиссных договоренностей, является по существу единственным многосторонним соглашением, не считая Соглашения о перемирии в Корее (1953 г.), которое открывает путь не только к решению ядерного вопроса на полуострове, но и к прекращению многолетней ожесточенной военно-политической конфронтации на нём.

В совместном заявлении шести государств зафиксировано очень важное с этой точки зрения положение о созыве специального форума с участием “непосредственно заинтересованных сторон” для “создания постоянного механизма по обеспечению мира на Корейском полуострове”. Надо признать, что создание нового мирного механизма в Корее давно назрело. Соглашение о перемирии 1953 г., несомненно, сыграло позитивную роль в том, чтобы не допустить нового военного конфликта в Корее, разрядить обстановку на полуострове в периоды ее обострения. А таких обострений, ставивших ситуацию на грань новой войны за более чем 50-летний период действия Соглашения о перемирии, было немало.

Сегодня обстановка как на Корейском полуострове, так и вокруг него кардинальным образом изменилась. Изменилась в целом и международная ситуация. Прекратилось биполярное противостояние. В такой ситуации вполне понятна и очевидна необходимость сделать стабильной и предсказуемой ситуацию вокруг Корейского полуострова, который все еще продолжает находиться в орбите “холодной” войны.

Формирование нового механизма, причем механизма многостороннего, по обеспечению безопасности на Корейском полуострове, во всей Северо-Восточной Азии (СВА) представляется весьма важным и своевременным шагом.

Заслуживает также внимания южнокорейская идея о расширении формата шестисторонних переговоров и создании системы регионального сотрудничества и безопасности в Северо-Восточной Азии.

Россия, будучи активным и последовательным сторонником укрепления стабильности и безопасности в СВА, ликвидации в этой зоне остающихся боевых точек, каковой является корейская проблема с ее “ядерным довеском”, развития всестороннего сотрудничества между государствами СВА, готова к поиску таких форм многостороннего взаимодействия, которые способствовали бы всемерному упрочению основ мира, стабильной безопасности и конструктивного взаимодействия в регионе.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ИНВОЛЮЦИЯ* ЦЕННОСТЕЙ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНОСТИ?

В.Идиатулин,

кандидат физико-математических наук
(Ижевск)

Швейцарский ученый Г.Э.Фирц не так давно отмечал, что научная пронизательность нашего времени пролила такой яркий свет на одни стороны человеческого опыта, что другие остались в еще большей темноте. В какой-то мере этим можно объяснить широкое распространение в обществе антинаучного синдрома, который заставляет людей предпочитать астрологию астрономии, колдовство врачеванию, паранормальное и аномальное нормальному и обычному.

Эзотеризм** как совершенная идея для посвященных стал знанием, претендующим на истину.

Он основан на массовой вере в магические и мистические средства решения проблем, перед которыми бессильна наука. Эзотерическое знание неподвластно разуму, это результат особого опыта, духовного движения внутрь себя. Его рассматривают как противовес научной ментальности, трактуемой в духе моноистины отражения¹.

Более века назад в книге немецкого философа Л.Бюхнера “На смертном одре столетия” можно было прочесть, что “тысячелетия над миром господствовали мифические, мистические и субъективные идеи. Близится время, когда господство перейдет к науке, объективной достоверности”.

Но уровень религиозности рос с 20% в 80-х годах до 40–45% в начале 90-х и 50–60% в конце XX в.

Только (2–3%) православных соблюдают каноны, россияне не столько религиозные, сколько суеверные; и христиане и атеисты разделяют частные и нетрадиционные верования в сочетании с элементами околонуучных теорий и восточными религиями.

Неразвитость религиозного сознания; отсутствие канонических традиций и общественного отторжения, а иногда и поддержка административных органов способствуют их бурному росту.

Среди верований есть и язычество: в финно-угорских республиках оно принимает массовый характер во главе с гуманитарной интеллигенцией. Как всегда, направлен против язычества ислам, но и он далек от единства. Плюрализм в миропонимании стал историческим фактом.

Смутное время вносит смуту и в способы реализации потребности человека в священном. В переломные моменты неуверенных в себе становится больше, и склонность к мистике делается подсознательным защитным механизмом. Она группируется вокруг четырех направлений: неохристианство, оккультизм, ориентализм и наукоподобные учения. Возникающие верования, культы и секты, как правило, авторитарны и большей частью тоталитарны, имеют харизматического основателя – пророка или бога, в большинстве своем деструктивные они вовлекли около 5 млн. чел., не вмешиваться в их деятельность опасно, препятствовать бесплодно, необходимо терпеливое обсуждение, эмпатия, соучастие в судьбе. Вопрос об истинности религий нельзя и поставить без ущерба другим, экуменизм и в христианстве пока мало перспективен, только автокефальных православных церквей более 15, лишь 4 из них живут по старому стилю. Апостольские центры не имеют объединяющего начала, результатом натурализации стало появление в XX в. западного православия. Религии не приветствуют инакомыслия, храмы строятся на разрушении чуждого, где одна несет “не мир, но меч”, другая призывает к борьбе с теми, кто в единого бога не верует.

Моральные нормы воспитываются религиями, но их источником является социальная природа человека. Библия обогащает духовный мир, но истоки духовности есть и в искусстве, и в науке, и в философской мысли, и в погружении в природу, и в отношениях между людьми. Социальные задачи приходится решать социальными же способами, за все ответственность несет все равно

люди, сфера человеческого находится в их руках. Религия имеет социально-онтологические основы, она возникает в ходе процесса становления человека и человечества, превращается в определенный аспект существования. Ее универсальность объясняется не ее достоверностью, а функциями в обществе. Они менялись, когда общественные связи и светское сознание переставало зависеть от религиозного.

Важнейшие функции религии – придание смысла человеческой жизни, спасение души, утешение перед лицом смерти. Этого нет в атеизме: потому-то даже в годы его наивысшего подъема в нашей стране на погостах были кресты и полумесяцы. Человек должен иметь в жизни ценности, ради которых стоит жить, преодолевать преграды и трудности, переносить несчастья и болезни, что-то должно вселять надежду, помогать преодолевать чувство безысходности, одиночества и заброшенности, защищать от стрессов, страданий и горя, переживать конечность бытия, побуждать к поиску близких по духу, свободных от борьбы, конкуренции, дающих радость общения. Функции религии раскрываются через систему верований и ритуалов, которыми группа людей объясняет то, что находит для себя священным.

К приверженцам мировых религий относят себя почти половина из 6-миллиардного населения Земли.

Христиан больше, чем представителей любой другой религии, но они составляют около 20% верующих.

В 1986 г. в России зарегистрировано 3040 религиозных объединений и 1386 существовали без регистрации, к 1995 г. их стало 11532, а в 2002 г. оказалось 20441.

Традиционные церкви во всем мире теряют своих членов, они были ориентированы на тотальное влияние, а появилось много областей существования: профессия, семья, образование, наука, политика, экономика, культура, которые смогли обходиться без религии. Но тайная потребность в священном, сакральном осталась, она и ведет в паранауку и парарелигию. Причина – в ограниченности познания, его относительности и неполноте на каждом этапе, где всегда его окружает пространство непознанного, покрытого тайной. Тонкая сфера знания доступна не каждому, знания конкретного человека весьма ограничены и имеют еще меньше общих областей и контактов со знаниями других. Персонифицированность понимания, наложение субъективного на объективное, воображаемого на действительное – все это ведет к неизбежным заблуждениям, отделению сущности от явления.

Обучение в школе и вузе преимущественно вербально и декларативно. Рост объемов изучаемого материала ведет к его свертыванию и имплицитности, неизбежной догматизации. Из образования исключается связь наук с реальным миром. Исследования духовного мира студенчества сейчас и 20 лет назад показывают, что и тогда убежденных атеистов было всего 10%, а половина была суеверна и склонна к обрядам. Религиозность молодежи зависит от воспитания, наследственности, личной судьбы, темперамента, она является во многом субъективным фактором, есть основания считать ее временной.

Естествознание и научное мышление не разрешают вечных вопросов, ответы на которые должны помочь существованию человека. Не является однозначным и мнение, что научные данные устанавливаются только с помощью логики и не оставляют места вере. Логическое рассуждение дает возможность переходить от одних умозаключений к другим, от исходных посылок к выводам, но в этой цепи всегда должно быть начало, отправной пункт, какие-то постулаты или аксиомы, которые не устанавливаются логически.

Так принимаются на веру аксиомы, лежащие в основаниях математики, механики, теоретической физики. Нет четких доказательств того, что математические структуры и отношения приложимы к реальному миру, непостижимая эффективность математики не объясняется никакой логикой, но бесспорность многих математических истин ставила их даже в чем-то выше священного писания, толкования которого содержали немало разногласий².

Аксиомы математики и принципы логики обобщают опыт, но нельзя считать математику и логику экспериментальными науками – тогда их результаты были бы столь же приближенными и преходящими.

Исходные данные естественных наук есть результат наблюдений и измерений. Их обработка и логическое осмысление позволяют открывать общие законы и принципы при допущении, принимаемом, на веру, что они существуют.

Всеобщность суждений о реальности всегда включает акт веры, так как относится к неограниченному числу случаев. Во всякой научной теории есть допущения, принимаемые в качестве само собой разумеющихся предпосылок, имеющих конкретно исторический характер.

Вера является необходимым дополнением к доводам разума не только в вопросах религии, момент веры присутствует в любой науке. Обоснованная вера опирается на имеющиеся подтверждения и не противоречит им. Она рациональна, открыта доводам разума, приходят к ней последовательными этапами, требующими размышлений, действий и многочисленных проверок. Как ни ограничены возможности рационального познания, его результаты все же наиболее проверяемы, гораздо менее противоречивы, чем опыт мистики.

Когда после лет полной секретности и изоляции (разведка добывала лишь фрагменты) в 1955 г. в Женеве состоялась первая Международная конференция по мирному использованию атомной энергии, то оказалось, что независимо проводимые измерения и выводимые формулы совпали с большой точностью – ученые читали одну и ту же книгу природы, создавали похожие установки³.

Научный метод позволяет добывать такие знания, которые можно проверить, сохранить и передать. Он применим к явлениям, которые можно наблюдать неоднократно в сходных условиях и устанавливать закономерности и законы. Объективное научное знание связано с опытом, но не должно зависеть от его частных условий. Нынешняя система знаний является результатом длительной эволюции, каждый шаг которой зависел от предыдущих. Наука создана человеком, система научных понятий соответствует природе человеческого сознания, а в религии есть недоступная пониманию тайна.

Всякий метод имеет границы применимости. Не все можно описать количественно, мир богаче и сложнее, чем его модельный образ, даваемый наукой. Научный метод есть только один из способов познания, но он не отвергает и других способов: многие научные истины постигаются интуитивно и эмоционально, лишь затем проверяются рационально. Другие стороны жизни разными способами осваивают религия, искусство, гуманитарные науки, пытается преодолеть разрыв теория единства человека и природы – хомонатурология.

Научное знание угасало в средние века, когда на все вопросы давала ответы религия без рассуждений и критики. Новая попытка понять рациональное устройство мира без ссылок на чудеса и откровение свыше обнаружила недостаточность органов чувств и необходимость в точных приборах. Степень достоверности их показаний обсуждается до сих пор. По М.Планку теория должна сформулировать для эксперимента вопрос к природе и интерпретировать ответ на него на основе имеющегося знания. Не всегда это возможно и зачастую приходится описывать, как устроена природа, не понимая, почему она устроена именно так, а не как-то иначе.

Человечеству свойственна идея прогресса, основанного на развитии науки, техники и производства, религия строго опирается на апологетику и догматику. Рациональное знание оказывается не самодостаточным даже для развития самой науки. Классическую физику взорвала квантовая, но ее нельзя было предвидеть и логически вывести, понадобился скачок в сознании, основанный на интуиции, озарении. А ведь и теологические проблемы иногда пытаются решить методами чистой логики и анализа.

Так возникали многие доказательства бытия Божия со времен Фомы Аквинского. Главной в томизме была идея гармонии человеческого разума и религиозной веры, утверждающая, что можно научно и логически обосновать многие догматы религии. Христианство сейчас принимает все факты, добытые наукой, но оставляет за собой право их этического истолкования⁴.

Протоиерей Г.Каледа ищет в Библии доказательства отсутствия противоречий между наукой и религией, рассматривая сотворение Неба и Земли как начало Вселенной 13,7 млрд. лет назад, множественное рождение фотонов при аннигиляции адронов как реализацию гласа “Да будет свет!”, а отделение света от тьмы как разделение излучения и вещества в дозвездный период⁵.

Попытки сближения науки и религии не чужды и современным ученым. К представлениям о высшей силе ведет проблема человека, его духовного мира, неоднозначность и неопределенность которого не позволяет дать ответ, основанный на логике. Огромное впечатление производит антропный принцип: оказывается, что мировые константы (скорость света, элементарный заряд, постоянная Планка, гравитационная, электрическая и магнитная постоянные) таковы, что изменение их на доли процента лишает мир звезд, планет, молекул, атомов, жизни и человека^{6,7}.

Высшая сила непременно присутствует в любых умозаключениях, а физические законы и уравнения принадлежат творцу и свидетельствуют о нем, – такой вывод делает физик-теоретик⁴. Он видит предпосылки этому в увеличении дистанции между опытом и теорией в тех областях науки, где для объяснения картины мира используются абстрактные понятия, имеющие все более отдаленную связь с реальностью, причем в ряде случаев теоретическая мысль даже не допускает прямого обращения к опыту.

Если Бертран Рассел считал, что теология по большей части была всего лишь организованным невежеством, которое придавало аромат святости заблуждениям, невозможным в просвещенный век, то открытия в физике и космологии, антропный принцип и катастрофические социальные события в мире привели не только к изменению, но и к сближению позиций богословов и ученых. Первые чаще подчеркивали необходимость науки для улучшения жизни людей или даже для реализации провиденциальных целей Бога в человеческой истории; вторые, сталкиваясь с парадоксальными ситуациями в микро- и мегамире, готовы гораздо вероятнее допустить существование Бога, чем осуществление невероятной цепи случайностей для возникновения жизни.

Надо признать, что наука и религия имеют столь различные предметные области, что они могут быть вполне автономны в отношении своих методов и своих результатов, вера и разум не должны соперничать и противостоять друг другу, они имеют свои пределы, свои законы и свои границы, которые не следует переходить без оснований⁸. Иначе опасности возможны с каждой из сторон.

Стоило Александру I после 1812 г потребовать, чтобы христианское благочестие было всегда основанием просвещения, для чего надо сочетать науку с религией, как начались преобразования в университетах. Были введены должности директора, “чтобы ни открыто, ни скрыто не ослаблять учения церкви в преподавании наук”, увольнялись профессора, чьи лекции не вдохновлялись священным писанием, студентов обязали посещать все церковные службы, из библиотек изъяли сочинения Вольтера, Руссо, Канта, открылись кафедры богословия, которые заняли архиереи.

В комплексе мусульманских высших учебных заведений аль-Азхаре в Капре только в 1878 г. разрешено преподавание естественных наук как не противоречащих религии. До сих пор действует основополагающий принцип Корана: если утверждения науки соответствуют положениям ислама, то они будут приняты верующими.

Конфликт религии и естествознания в XI в. привел к господству метода опоры на авторитеты прошлого, в науках надолго наступила эра эпигонства, подражания, компиляции.

Роль творца становилась менее значительной, по мере того как доминировали универсальные законы, описывающие движение небесных и земных тел, Лагранжу и Лапласу эта гипотеза уже стала не нужна.

Тем не менее, академик Н.Н.Моисеев в своей судьбе находил, за что ему было благодарить Бога, понимая, что никакая логика не может решить этого вопроса, он был не в состоянии отвергнуть идею Высшей Силы, то есть считать отсутствующим начало, недоступное его разуму. Процесс секуляризации и дехристианизации европейской культуры продолжается уже столетия, теология больше не возглавляет пирамиду наук. Можно добавить, что перестала возглавлять ее и философия. Из всего прежнего “скарба” философии, как предполагал Ф.Энгельс, самостоятельное существование сохранит лишь учение о мышлении и его законах⁹.

Большинство нобелевских лауреатов, открыватели генетического кода, кибернетики, квантовой теории – люди верующие, вера и разум уживаются в сознании человека и как-то благоприятствуют друг другу, хотя и относятся к разным видам человеческой деятельности. Не было секретом и раньше, что выдающиеся математики и физики, пролагавшие новые пути в науке, были идеалистами без всяких скидок на их естественноисторический материализм¹⁰.

И.Ньютон слыл ученым-теологом и в науке искал подтверждения божественного творения, и он и другие верили в то, что в природе заложена скрытая гармония, которая отражается сознанием в виде математических законов.

Бог Эйнштейна и многих других ученых скорее имеет отношение к неизменным природным законам и не носит личностного характера¹¹.

Мешает ли религиозная вера самих ученых их успехам?

По-видимому, следует признать, что нет. Мешает скорее воинствующая вера их окружения, включенная в несвязанные с ней механизмы государственной власти, социальной нетерпимости. Но это касается любой идеологической надстройки и примеры отторжения целых областей знания слишком хорошо известны. Убеждение в необходимости особого статуса религиозных структур – это рудимент жреческих монополий и средневековых устоев. Государственное отношение к религии нужно не массам верующих, а корпорациям служителей и адептов, а иногда и политикам для удержания власти. Но источник веры не в них, а в самом человеке, его сложном духовном мире, в его потребности ощущения высших ценностей. Наука вполне совместима с религиозным чувством и с религиозными убеждениями, считают академики Л.А.Грибов¹² и Н.Н.Моисеев⁷.

Разум и вера не должны вести никакой тяжбы между собой. Интеллект как высшая из чувственных способностей человека имеет свои пределы. Человек воспринимает мир, чтобы ориентироваться в нем и верует Богу ради своего спасения. Вера не сражается с разумом, она просто неравна ему. Наука и религия, наука и искусство могут быть вполне независимы в отношении своих методов и результатов.

Несколько неожиданна точка зрения писателя А.А.Ананьева¹³ на общность адептов науки и религии в их заданности как исполнителей заказа власть предержащих. По его мнению, сходна и внешняя сторона – каждая имеет своих апостолов, свои обряды, свои храмы, в одних читают лекции, а в других проповеди, одинаково непререкаемые. Едины они и в том, что веками упорно отстаивали те свои теологические и академические истины, которые такое же детище тронов, как и культура, литература, искусство и просвещение.

Сейчас доля атеистов в среде ученых ничуть не меньше, чем в любой другой.

Если в начале XX в. 40% ученых США исповедовали то или иное вероучение, то социологические исследования университета штата Джорджия, проведенные в его конце по той же самой методике, снова обнаружили, что 40% американских ученых придерживаются религиозных убеждений, а 60% в Бога не верят¹⁴.

Подобные данные приводит и журнал “Наука и жизнь”.

Высшее образование повышает процент людей, понимающих суть научного метода (53% против 38% со средним образованием и 17% – с низким), но большая часть людей не постигает процесс исследования, который опирается на прогнозирование событий, выдвижение гипотез и их экспериментальную проверку.

Сфера научного мала по сравнению с интуитивным и иррациональным, они должны взаимодополнять друг друга. Но такой подход не обязательно ведет к христианству, а скорее к той, по Л.Толстому, истинной религии, которая представляет собой такое согласное с разумом и знаниями человека отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками.

Тревожить должны тенденции к клерикализму. Столкновение миропониманий опасно для всех, еще памятны обезьяньи процессы в США, не забыты костры и суды инквизиции.

Только в 1992 г. католическая церковь реабилитировала Г.Галилея, которого осудили лишь за то, что он вводил в науку доказательство, опирающееся на опыт и разум, а не на авторитет церкви.

Церковные власти вторгаются в мирскую жизнь, вводят свою цензуру. Отрадно, что против политизации православия, ограничения его национальными рамками, против использования его в качестве государственной идеологии выступили участники 8 Преображенского собора¹⁶. Однако социальная доктрина РПЦ, принятая Архиерейским Собором (2000 г.), требует открытого вмешательства церкви в общественные и государственные дела, а также взаимодействия ее с наукой.

Уже имеются возможности для введения православного образования в систему светского, упоминать атеизм практически невозможно, совместная с патриархатом комиссия по образованию ставит целью освободить учебные программы, учебники и пособия от его проявлений.

Как далеко было общество от тотальной религиозности даже в годы ее всеохватности, говорят данные военного духовенства за 1917 г.: доля солдат, принимающих участие в исповедях и причастиях, в феврале сократилась в 10 раз, а в октябре уже в 100 – сознательно верующим оказался только один из сотни¹⁷. Сходные данные следовали из подсчетов Оливера Радкея: на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. христианские партии привлекли менее полпроцента электората, в то время как антирелигиозные партии эсеров и эсдеков получили 75% голосов¹⁸.

Противостояние церкви науке не должно иметь места.

Еще святой Августин писал: “Если случается, что авторитет Священного Писания поставлен в противоречие ясному и четкому рассуждению, то это должно означать, что лицо, которое интерпретирует Писание, неправильно его понимает. Это не смысл Писания противопоставляется истине, а истолкование, которое это лицо ему придает”⁴.

Засилье анти- и псевдонаучных статей и передач в СМИ вызвало серьезное беспокойство ученых страны, что отражено в специальном обращении Президиума РАН¹⁹. Но пока интеллектуалы заняты своим делом, находятся такие, которые требуют вернуть, по крайней мере, гуманитарной науке ее христианскую составляющую. Принцип надконфессиональности при этом отвергается как наследие атеистического подхода, а конкретный религиозный опыт становится главным предметом исследования.

Общество, которое начинает признавать равнозначность научных и религиозных ценностей²⁰, уже ставит под вопрос основные постулаты науки: предсказуемость, точность, редукционизм, дисциплинарное членение знания, делает его открытым теологии. Недостатки слабых научных программ приписывают всей науке, хотя ее методология, согласно И.Лакатосу, давно признала утопичность скороспелой рациональности²¹, идеи единения научного и религиозного знания не могут проходить мимо противоположности методов уже на уровнях восприятия и формирования понятий²². Тем не менее “религия, философия, поэзия, семья и общество несут отпечаток всеобщих причин”, и в духовных процессах обнаруживаются константные факторы, которые действуют постоянно одним и тем же образом. Следуя Э.Кассиреру, можно сказать, что объект природы требует все более сложных понятий, которые все больше приближают к нему. В объекте же культуры видятся определенные символы, и требуется разгадать заключенное в них содержание, “обнаружить жизнь, из которой она первоначально произошла”, то есть в конце концов, вызвать то состояние души, которое заложено в нем²².

Уже давно установлено, что научное объяснение мира не может быть получено ни путем эмпирического обобщения опыта, ни с помощью одного только логического мышления²³.

Помимо эмпирического и рационального путей познания в науках всегда присутствовала реализация трех средств познавательной деятельности, непременно включающих догадку, интуицию и озарение. Каждый факт включен в концепцию, структуру, парадигму, процедуру, в контексте которых он получен, расширяет, обогащает и подтверждает ее. Теория устанавливает отношения между данными опыта, но ее построения не следуют логически из предыдущих, даже часто являются их антитезой. Логическое мышление не служит источником новых идей.

Рационализм классического естествознания воспринимал природу как царство необходимых законов. Неклассическая наука XX в. поставила под сомнение абсолютизацию такого детерминизма. Возникшая Новая, неклассическая рациональность, исходной реальностью в которой оказалась проблемная ситуация, всегда имеющая субъективную составляющую. Постнеклассическая наука шагнула дальше, обнаружив в поведении сложных системно-организованных объектов как заведомо непредсказуемое, так и эволюционное, исторически обусловленное начало. Характер точной науки, столь же творчески неожиданный и непредвиденный, оказывается зачастую и не вполне рациональным, однако все же в большей степени, чем у других форм человеческой деятельности.

Научный дискурс основан на выявлении закономерностей, воспроизводимости, объективности, общезначимости, возможности опытной проверки. Религиозный – на свободе, откровении, субъективности, уникальности феноменов. Вера раскрывает духовные перспективы, которые дают новый взгляд на явления, изменяют восприятие, делают мышление более универсальным и концептуальным. Наука дисциплинирует и развивает ум, религия – душу и сердце.

Религия этимологически означает связь (с Богом), разные религии предлагают разные методы связи: заповеди, молитвы, воздержание и искупление грехов. Наука есть средство познания мира и человека особыми методами, дающими объективное и общезначимое знание.

Примечания

* Инволюция (involio – Лат.) – обратное развитие.

** Эзотерический – esotericus (греч.) – внутренний, тайный, предназначенный исключительно для посвященных.

¹ Скворцов Л.В. Возвращение эзотеризма // Октябрь. 1996. № 3.

² Клайн М. Математика. Поиск истины: Пер. с англ. М.: Мир, 1988.

³ Пономарев Л.И. Под знаком кванта. М.: Наука, 1989. Высшее образование в России. 2004. № 9.

⁴ Симонов Ю.А. Либерализм и христианство: Размышления ученого на пороге XXI века // Новый мир. 1999. № 2.

⁵ Каледя Г. Наука и библия о сотворении мира (Опыт естественнонаучного толкования Книги Бытия) //

⁶ Моисеев Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня: Свободные размышления. М.: Аспект-Пресс, 1994.

- ⁷ Моисеев Н.Н. О необходимых чертах цивилизации будущего. Философские заметки // Наука и жизнь. 1997. № 12.
- ⁸ Гинзбург В.Л. Разум и вера // Вестник РАН. 1999. №6. С. 546; Idem // Здравый смысл. 1999. №1(13). С. 51.
- ⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1969.
- ¹⁰ Иванов В.Г. Физика и мировоззрение. Л.: Наука, 1975.
- ¹¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1990.
- ¹² Грибов Л.А. Наука и религия: от конфронтации к дополнительности // Высшее образование в России. 1997. № 1.
- ¹³ Ананьев А.А. Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России // Октябрь. 1997. № 11.
- ¹⁴ Известия. 1997. 8 апреля.
- ¹⁵ Наука и жизнь. 2000. № 7.
- ¹⁶ Обращение к Патриарху // Континент. № 3.
- ¹⁷ Новый мир. 1999. № 5.
- ¹⁸ Radkey O.H. The Election to The Russian Constitutional Assembly of 1917. Cambridge, 1950. P. 16.
- ¹⁹ Обращение Президиума РАН. Не проходите мимо // Наука и жизнь. 1999. № 11. С. 16.
- ²⁰ Чешков М.А. “Новая наука”, постмодернизм и целостность современного мира // Вопросы философии. 1995. № 4.
- ²¹ Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4.
- ²² Кассирер Э. Естественнонаучные понятия и понятия культуры // Вопросы философии. 1995. № 8.
- ²³ Баженов Л.Б., Самородницкий П.К. О роли опыта и логического мышления в построении научного знания // Вопросы философии. 1976. № 6.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ НА МИРОВЫХ РЫНКАХ КАПИТАЛА

В.Котова,
кандидат экономических наук,
А.Джумов,
кандидат экономических наук

Теоретические воззрения, отражающие сущностный аспект рынка капитала и его понимание представителями экономической науки, различны.

В отечественной и зарубежной экономической литературе имеют место как отождествления данного понятия с рынком инвестиционных товаров, включающим в себя, главным образом, элементы основного капитала, так и более широкие трактовки, охватывающие рынок объектов инвестирования во всех его разновидностях.

В течение длительного времени в странах социалистической ориентации в данный диапазон не попадала категория “финансовые рынки” ввиду широкого распространения практики административно-командного регулирования всех видов деятельности, в том числе инвестиционной, и отсутствия практической необходимости в использовании механизмов рынка. Осуществление структурной и институциональной трансформации способствовало возрождению данной сферы и положило начало процессу исследований, охватывающих все проблемное поле, характеризующее финансовый сектор национальной экономики. Данное проблемное поле противоречно и обладает множеством “белых пятен”, в том числе связанных с разработкой инвестиционных моделей и их интерпретацией на рынках капитала. Эта тема обладает особой актуальностью для формирующихся рынков, так как ее разработка позволяет корректировать имеющиеся теоретические построения с учетом национальной специфики и создавать конкретный инструментарий их практического воплощения в штатных рыночных структурах.

Рынок капитала в трансформационной экономике

Поскольку рыночная экономика ориентирована на получение прибыли, постольку любую коммерческую деятельность можно рассматривать как сферу приумножения капитала. Свободные средства, не предназначенные для непосредственного потребления, предполагают наличие множества инвестиционных альтернатив, включающих в себя как производственную и торговую деятельность, так и приобретение недвижимости, антиквариата, драгоценных металлов и т.п., и во всех указанных вариантах осуществляемые инвестиции могут оказаться эффективными, принося прибыль обладателям приобретаемых активов. Однако операциям по вложениям капиталов должны предшествовать процессы их предварительного накопления. Сфера, где осуществляются данные процессы, может быть охарактеризована как финансовая сфера деятельности.

Особенности нашего экономического бытия и возможности нашего экономического процветания обусловлены наличием в каждый конкретный момент времени двух противоположных, с точки зрения финансового обеспечения, полюсов и постоянного взаимодействия по обмену финансовыми активами между ними. Первый полюс представлен экономическими агентами, в том числе домохозяйствами, фирмами и государственными структурами, обладающими избытком финансовых ресурсов, второй – субъектами, испытывающими их хронический недостаток.

Соответственно, для нормального развития экономики постоянно требуется мобилизация, распределение и перераспределение финансовых средств между ее сферами и секторами. В эффективно функционирующих экономиках данный процесс осуществляется на финансовом

рынке.

Анализ функционирования финансовых рынков предполагает определенную их сегментацию, выделение отдельных элементов.

Наиболее часто встречающимся в литературе является подразделение финансового рынка на две основных составляющих: рынок банковского кредитования и рынок ценных бумаг. Подобная сегментация страдает значительным упрощением.

Согласно рис. 1, в финансовый рынок интегрированы кредитный, валютный и страховой рынки, а также рынок золота и рынок инструментов собственности. В свою очередь, рынок инструментов собственности и та часть кредитного рынка, которая фигурирует в качестве инструментов займа, являются элементами рынка ценных бумаг.

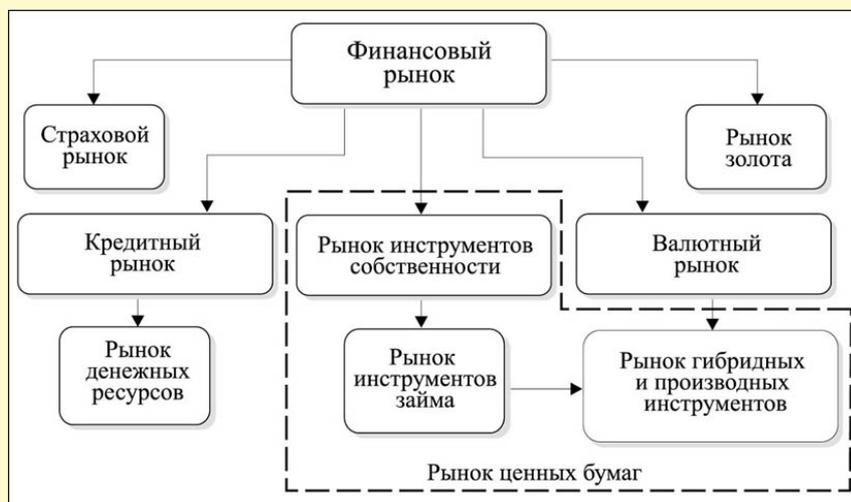

Рис. 1. Структура финансового рынка

Главными функциями кредитного рынка являются:

- во-первых, объединение мелких, разрозненных денежных сбережений домохозяйств, государственных структур, частного бизнеса, зарубежных инвесторов для формирования крупных денежных фондов;
- во-вторых, трансформация денежных средств в ссудный капитал, обеспечивающий внешние источники финансирования материального производства национальной экономики;
- в-третьих, предоставление на определенных условиях займов государственным органам и населению для решения таких важнейших задач, как покрытие бюджетного дефицита, финансирование части жилищного строительства и др.

Таким образом, кредитный рынок создает возможности осуществления накоплений, движения, распределения и перераспределения заемного капитала между сферами экономики.

В то же время кредитный рынок – это синтез рынков различных платежных средств. В странах с развитой рыночной экономикой кредитные сделки опосредуются, во-первых, кредитными институтами (коммерческими банками либо иными учреждениями, например, пенсионными или страховыми фондами), берущими взаймы и ссужающими деньги, и, во-вторых, инвестиционными или аналогичными организациями, обеспечивающими выпуск и движение разнообразных долговых обязательств, реализуемых на рынке ценных бумаг.

Таким образом, кредитный рынок включает в себя две основные составляющие: рынок денежных ресурсов (наличных денег) и рынок долговых обязательств (инструментов займа).

Рынок ценных бумаг вбирает в себя как часть кредитного рынка (долговые инструменты займа или долговые обязательства), так и инструменты собственности. Иными словами, данный рынок аккумулирует операции по выпуску и обращению инструментов займа, инструментов собственности, а также их гибридов и производных. В качестве инструментов займа выступают облигации, векселя, депозитные сертификаты; инструментов собственности – все виды акций; гибридных инструментов – ценные бумаги, обладающие смешанными характеристиками облигаций и акций; производных инструментов – варранты, опционы, фьючерсы и другие аналогичные ценные бумаги.

Следовательно, рынок инструментов займа как элемент кредитного рынка является сферой

обращения заемного капитала, в то время как рынок инструментов собственности оперирует собственным капиталом, то есть с долями (паями) индивидуальных акционеров в собственном капитале компании.

Рынок ценных бумаг является одной из альтернативных сфер приложения свободных капиталов, поэтому испытывает конкурентное давление за их привлечение со стороны иных сегментов финансового рынка. Его основная функция заключается в обеспечении наиболее полного и быстрого передвижения свободных денежных средств предприятий, банков, коммерческих организаций, сбережений населения для вовлечения в создание передовых технологий, расширение и техническое перевооружение уже действующих предприятий.

Приведенная схема характеризует агрегированную структуру финансового рынка. Анализ его функционирования в развитой рыночной системе и в транзитивной экономике позволяет выделить следующие характерные особенности:

- финансовый рынок обладает наивысшей степенью мобильности в развитой рыночной системе хозяйствования. Благодаря осуществляемому им переливу капиталов формируется адекватная уровню цивилизации структура экономики.

Однако в условиях трансформационной экономики роль наиболее важных сегментов финансового рынка, представленных, в первую очередь, рынком ценных бумаг и операциями банковского кредитования в значительной степени искажается и утрачивается.

Так, “возникающий рынок” характеризуется, во-первых, практически полным отсутствием инвестиционного кредита (при наличии традиционных кредитных операций). Отдаленность экономических интересов банков от интересов товаропроизводителей влечет за собой поддержание на высоком ценовом уровне стоимости займов, что в свою очередь порождает возникновение и укоренение в экономической системе небанковских средств платежа: бартера, квазиденег и т.д.

Национальные рынки ценных бумаг в России, Беларуси, других странах постсоветского пространства, обладающие потенциальными способностями наиболее быстрого перелива капиталов между экономическими агентами, несмотря на наличие внешних атрибутов, в настоящее время своей функциональной роли не выполняют, то есть не создают условия для активизации инвестиционной деятельности. В результате отсутствие зрелой рыночной среды препятствует превращению потенциального инвестиционного спроса в реальный, сводит к минимуму предложение финансовых активов.

- приведенная структура финансового рынка из-за обозначившихся в последнее время на рынках капитала новейших тенденций, представленных процессами дисинтермедиации^{*}, взаимопроникновения капиталов и стирания различий между инструментами рынка, не отражает всей сложности их функционирования и нуждается в значительной корректировке: усложнения, дополнения смешанными структурными составляющими и обозначения опосредующего их взаимопереплетения финансовых потоков (свою нишу должны занять такие уникальные инструменты как золотые и депозитные сертификаты, страхование банковских вкладов, валютные фьючерсы и т.д.).
- элементы финансового рынка представляют собой не разрозненную совокупность с изолированными сегментами, а целостную систему, пронизанную внутренними взаимосвязями и взаимозависимостями.

С этой точки зрения, кризисное состояние любой из составляющих финансового рынка отражается в той или иной мере как на общей динамике, так и конкретных качественных показателях. В то же время, развитие одного из сегментов может явиться серьезным стимулятором как для роста капитализации, так и качественного обновления рынка, что особо актуально для “возникающих” рынков капитала (например, и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь в роли подобного стимулятора может выступить рынок корпоративных облигаций);

- потоки капиталов, осуществляемые между различными субъектами и сегментами рынка, являются одновременно и конкурирующими и взаимодополняющими друг друга.

Их различные сочетания положены в основу существующих в настоящее время в мировой практике моделей финансового рынка:

- англо-саксонской,
- континентальной
- банковски-ориентированной.

Однако подобное деление является весьма условным и не может отразить всего многообразия трансформационных процессов на “возникающих рынках” капитала.

Наилучшим перспективным вариантом для национальных экономик является формирование смешанной полицентрической модели фондового рынка.

В настоящее время подобные процессы происходят в России, в то время как рынок ценных бумаг в Республике Беларусь базируется на европейской (континентальной) модели.

Особо необходимо отметить то обстоятельство, что в основе наиболее общего подразделения финансовых рынков на рынки денежных средств и рынки капитала лежит срок обращения конкретных финансовых инструментов.

Практика экономически развитых стран предполагает включение краткосрочных финансовых инструментов (обращающихся менее одного года) в ареал действия денежного рынка.

Рынок капитала в данном понимании характеризуется наличием долгосрочных (свыше 5 лет действия) финансовых инструментов, а также среднесрочных, с детерминированными сроками обращения от одного года до 5 лет.

По нашему мнению, граница между краткосрочными и долгосрочными финансовыми инструментами, отделяющая денежный рынок от “возникающего рынка” капитала не может быть столь четко определена.

Понятие долгосрочности не должно являться критерием выделения рынка капитала в трансформационной экономике и имеет совершенно иные временные координаты (до полугода, а иногда и до трех месяцев).

Более адекватным условиям трансформационной экономики считаем критерий, выделенный по принципу функциональной реализации: соответственно ей, инструменты денежного рынка способны обеспечить ликвидными средствами экономических субъектов, в свою очередь, инструменты рынка капитала являются опосредующими в процессах сбережения и инвестирования.

Функционирование рынка капитала детерминировано множеством факторов микро- и макроэкономического характера. Доминирующее воздействие в их среде оказывает динамизм инвестиционного спроса и инвестиционного предложения.

Подвижность и дискретность спроса и предложения являются сердцевинной инвестиционных моделей, предлагаемых различными теоретическими школами. При этом трактовки причинно-следственных связей в исследуемых экономических процессах обладают отличительными особенностями и неоднозначностью.

Если кейнсианская теория во главу угла ставит изменчивость инвестиционного спроса, то неоклассическая концепция, а также теория экономики предложения приоритетную роль отводят предложению.

Однако, несмотря на различия в подходах к выбору объекта исследования и соответствующему толкованию причинно-следственных взаимосвязей, тождественным является признание в качестве фундаментального условия функционирования инвестиционного рынка изменчивости спроса и предложения, адекватного рыночной ситуации, их динамизма.

Данное качество является важнейшей характеристикой инвестиционного рынка в условиях свободной конкуренции, выступая в качестве закономерности его развития.

В переходной экономике данная закономерность в значительной степени модифицирована вследствие несформированности рыночных структур, высокого уровня монополизации, ограничения конкурентных начал и может проявляться как тенденция.

Например, в условиях отсутствия эффективной взаимосвязи между реальным и финансовым секторами экономики, являющегося препятствием на пути свободного перелива капиталов, механизм равновесных цен проявляет себя лишь в тенденции, ограничиваясь рамками изолированных сегментов.

Одно из проявлений равновесной функции цены – сближение уровней доходности различных финансовых инструментов.

Деформация инвестиционного рынка в переходной экономике находит свое выражение в процессах разбалансированности спроса и предложения в сторону превышения спроса на капитал.

Выделим основные факторы, оказывающие непосредственное влияние на формирование

инвестиционного спроса.

Одним из важнейших является объем произведенного национального продукта.

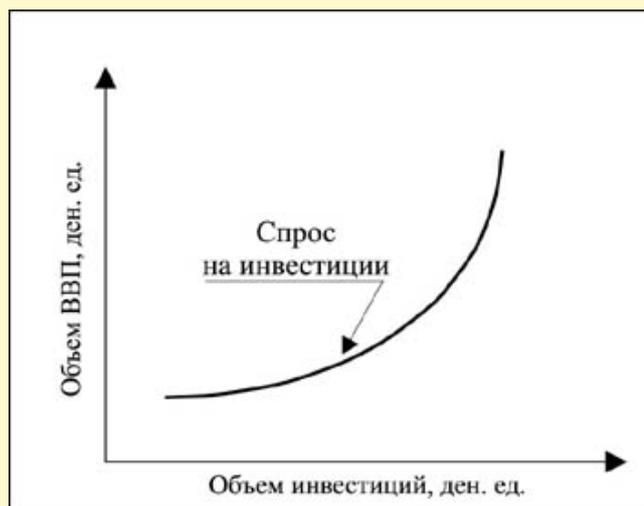

Рис. 2. Влияние объема ВВП на инвестиционный спрос

Данный макроэкономический показатель детерминирует параметры инвестиционного спроса, поскольку, чем больше размер созданного в обществе ВВП за год, тем потенциально больший объем капитала может быть инвестирован (направлен на приобретение финансовых активов).

Не менее важным являются пропорции между накоплением и потреблением в рамках используемого национального продукта, распределение полученного дохода на сбережение и потребление.

Сбережения – часть денежных доходов, исключаемая из расходования в настоящий момент в пользу будущего, иногда называемая “отложенным потреблением”, являющаяся в развитой рыночной системе важнейшим источником инвестиционных ресурсов.

Обобщение результатов исследований по проблемам сбережений населения позволяет констатировать, что:

- классическая школа, монетаризм, являющийся последователем неоклассической традиции, опираются на признание тождества сбережений и инвестиций, подразумевая при этом, что процентные ставки способствуют достижению экономического равновесия посредством автоматического приведения в соответствие сберегательных намерений домохозяйств и инвестиционных планов фирм;
- иная идея положена в основу кейнсианской концепции сбережений.

Согласно ей, уравнение сбережений и инвестиций основано, в первую очередь, на колебаниях уровня производства или дохода, а не динамике уровня процента.

Предложенная графическая интерпретация потребления, сбережений и инвестиций, демонстрирующая размеры потребления и сбережений, осуществляемые домохозяйствами, а также возможности инвестирования предпринимательским сектором в зависимости от различных возможных уровней дохода и производства, но при определенном уровне цен.

Фактически классическая концепция была скорректирована в отношении стран с высоким уровнем развития и значительными темпами экономического роста.

Данная корректировка явилась своеобразным результатом макроэкономического воспроизводственного подхода, основанного на противоречивом влиянии двух координирующих механизмов: рынка и государства, подводящего нас к проблемам экономической политики государства, направленного на регулирование совокупного спроса, фискальной, налоговой и инвестиционной.

С этой точки зрения весьма актуальной является установление соотношения сбережений и инвестиций в условиях транзитивной экономики.

Так, исследование ее инвестиционного потенциала свидетельствует о глубоком противоречии, проявляемом в отсутствии взаимосвязи между потребностями в привлечении капитала экономическими субъектами и не востребованностью солидных финансовых средств на руках у населения.

Необходимо теоретико-методологическое обоснование основ формирования рынка сберегательных ресурсов населения, эффективного механизма регулирования трансформации сбережений в инвестиции, процессов вовлечения финансовых накоплений населения в хозяйственный инвестиционный оборот (особенно в условиях потери доверия к государственным институтам).

В числе факторов значимого воздействия на инвестиционный спрос следует выделить ожидаемый темп инфляции.

Несомненным является тот факт, что инфляционная компонента способствует снижению требуемой доходности инвестиций.

Косвенное негативное влияние инфляции на процессы инвестирования находит отражение в следующих основных проявлениях:

- снижении емкости внутреннего рынка;
- сокращении реальных доходов и сбережений населения;
- переливе капитала из реального сектора в сферу обращения;
- обесценивании основного капитала;
- сокращении возможностей активизации инвестиционной деятельности.

Причем условия функционирования “возникающих рынков” капитала опровергают тезисы о том, что снижение темпов инфляции является необходимым и достаточным условием активизации инвестиционной деятельности, прежде всего в сфере материального производства.

Модель CAPM на “возникающих рынках” капитала

Модель CAPM (capital assets price model – модель стоимости капитальных активов) положена в основу осуществления фундаментального анализа на рынке ценных бумаг¹. Данный анализ – весьма сложный и трудоемкий процесс, состоящий из нескольких основных этапов:

- макроэкономического, осуществляемого сквозь призму таких показателей, как ВВП, занятость, инфляция и соответствующей оценки высокой или низкой конъюнктуры фондового рынка;
- отраслевого, подразумевающего исследование цикличности интересующей отрасли, степени монополизации или конкурентности, перспектив развития;
- непосредственного анализа финансово-экономического состояния эмитента с выведением основных коэффициентов и их соответствующей интерпретации.

Конечной целью фундаментального анализа является выведение критерия инвестиционной привлекательности, базирующейся на модели CAPM.

Итак, согласно логике данной модели, деятельность инвесторов подчинена влиянию двух основных факторов – ожидаемой доходности и риска.

Доходность, называемая иначе ставкой дохода (rate of return) может быть представлена следующим образом:

$$R = \frac{E_1 - E_0}{E_0},$$

где:

R – доходность;

E_1 – благосостояние на конец периода;

E_0 – благосостояние на начало периода.

Степень риска отражена в дисперсии или стандартном отклонении доходности относительно ожидаемого значения. Авторами модели был принят ряд допущений (рациональность поведения инвесторов, тождество мышления, наличие безрисковых ставок и т.д.).

При соблюдении указанных допущений инвесторами приняты оптимальные инвестиционные решения, а взаимосвязь между ожидаемой доходностью и риском может быть проиллюстрирована

линией рынка капитала (CML) (рис. 3).

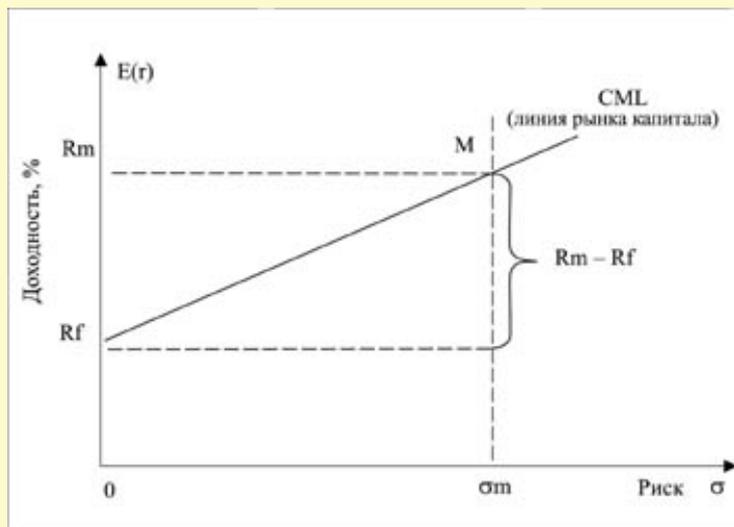

Рис. 3. Линия рынка капитала в модели CAPM²

где:

R_f – безрисковая ставка доходности;

R_m – доходность портфеля M (условно принимается равной доходности биржевого индекса);

σ – риск (стандартное отклонение) инвестиционного портфеля;

$E(r)$ – риск рыночного портфеля;

σ_m – требуемый уровень доходности эффективного портфеля, повторяющего пропорции рынка.

Характерным явлением для развитых рынков капитала является подразделение рисков на рыночные или систематические, отражающие общее поведение рынков в вариациях биржевых индексов, и специфические для конкретных ценных бумаг или гипотетических портфелей, именуемые как несистематические или диверсифицируемые.

Развитый рынок предоставляет инвестору все многообразие выбора, достаточно богатые возможности для вложения капитала, поскольку “инвестиционный стаканчик мороженого” с тысячей оттенков вкуса всегда полон и обладает широким спектром разнообразных финансовых активов.

Диверсификация, осуществляемая с их помощью, позволяет компенсировать разнонаправленную динамику цен и свести несистематический риск к минимуму, которым можно пренебречь. Соответственно, использование CAPM на развитых рынках капитала не представляет особой сложности.

Например, при известной безрисковой ставке доходности, равной как правило, доходности государственных ценных бумаг, и рыночной премии к доходности (по данным Э.Димсона, – около 8% годовых в развитых странах мира), а также публикуемых для котироваемых ценных бумаг коэффициентах систематического риска b ожидаемый результат равен суммированию первой и второй величины, скорректированной на коэффициент b .

На развивающихся рынках капитала (emerging markets) наблюдается иная картина:

Во-первых, возможности диверсификации иногда ничтожно малы ввиду ярко выраженного противоречия между спросом на требуемые финансовые активы и их наличным предложением.

Следовательно, рыночному риску сопутствует и риск несистематический, обусловленный специфическими особенностями динамики цен и доходностей инвестиционных инструментов.

Во-вторых, на развивающихся рынках капитала определение безрисковой ставки доходности сталкивается со значительными трудностями.

В условиях высокоразвитой экономической системы, например, в США или в Великобритании подобная ставка принимается аналогичной доходности государственных обязательств, в первую очередь, казначейских векселей (treasure bills). Однако, как свидетельствует практика осуществления российских внутренних займов, в условиях “возникающих рынков” ГКО не обладают столь безупречной репутацией и не несут на себе отпечатка надежности и стабильности.

Так, диапазон колебаний доходности российских государственных ценных бумаг был весьма

широк, достигая в некоторые периоды времени значений нескольких сотен процентов годовых, что свидетельствовало о их исключительно спекулятивном характере.

В РБ рынок государственного долга является одним из наиболее развитых сегментов рынка, погашение производится своевременно, однако, принятие в качестве базовой безрисковой ставки доходности к погашению государственных облигаций не является оптимальным вариантом.

В-третьих, проблемным представляется определение рыночной премии к доходности в модели CAPM на “возникающих рынках” капитала.

Достаточно сказать, что в Республике Беларусь в настоящее время не разработан ни один биржевой индекс, который был бы в состоянии отразить среднее изменение цен некоего реального или гипотетического портфеля ценных бумаг.

Характерная особенность российского фондового рынка проявляется, главным образом, в преобладании внебиржевой активности.

Рассчитываемые российскими аналитическими агентствами (АК&М, Деловой экспресс, Грант и др.) индексы основаны, в основном, на усредненных котировках спроса и предложения внебиржевых трейдеров (РТС) и не обладают достаточной степенью представительности, поскольку зачастую в них прослеживается искажение действительных тенденций, имеющих место на рынке.

Даже, если в процессе анализа опираться на один из наиболее котируемых фондовых индексов Moscow Times, пользующийся доверием в среде иностранных инвесторов, сложно избежать еще одной серьезнейшей проблемы – недостаточного объема и глубины информации, делающих невозможными осуществление ретроспективного анализа, охватывающего длительные временные интервалы.

“Возникающие рынки” обладают поистине “младенческим возрастом” по сравнению с развитыми рынками капитала и в силу естественных причин не могут похвастаться подобной глубиной предыстории.

Соответственно, определяющими характеристиками “возникающих рынков” являются отсутствие кредитной истории, высокая волатильность, нестабильность и неопределенность перспектив.

Серьезные трудности вызывает и расчет коэффициента систематического риска β в условиях формирующегося рынка.

В данной области в Республике Беларусь существует полный информационный вакуум, аналитическая информация отсутствует.

На российском рынке определение коэффициентов β детерминировано временными интервалами, используемыми при расчете доходности.

Так, например, российское агентство АК&М осуществляет расчеты, полагаясь на предысторию в 4 месяца, чередуя недельные интервалы, что противоречит международной практике, опирающейся на гораздо большую глубину предыстории от 2 до 5 лет и месячные временные интервалы.

Причины данной ситуации коренятся в том, что прошлая информация не в состоянии сохранять свою актуальность в течение относительно продолжительного временного интервала.

Таким образом, использование модели CAPM в условиях формирующихся рынков весьма проблематично ввиду неопределенности каждого из параметров данной модели.

Для устранения обозначенных препятствий необходимо осуществление соответствующих расчетов не на основе внутренней фактуры (иногда и отсутствующей) в рамках национальной экономики, а посредством корректировки информации, предоставляемой глобальным финансовым рынком, в зависимости от уровней риска, фиксируемыми на формирующихся рынках капитала.

Идеальная модель рынка капиталов. Гипотеза эффективного рынка

Согласно данной модели³, абсолютно конкурентный рынок капиталов базируется на следующих допущениях:

- не существует ограничений на доступ к рынку капиталов, и ни один участник не доминирует настолько, чтобы оказывать существенное влияние на цены;
- доступ к рынку капитала не требует затрат, и нет никаких препятствий для свободной торговли ценными бумагами;

- необходимая информация о цене и количестве каждого вида ценных бумаг беспрепятственно доступна широкому кругу пользователей, то есть имеет место высокая степень информационной эффективности рынка;
- нет никаких дезорганизирующих налогов.

Абсолютно конкурентный рынок капиталов – всего лишь приближение к реальности.

Даже если данные условия удовлетворяются не полностью, цены на рынке капиталов ведут себя так, как если бы эти условия выполнялись. Никто не ожидает, что допущение о конкурентном рынке будет соблюдено полностью. Однако в целом рынки капиталов в развитых экономических системах функционируют достаточно хорошо.

Согласно гипотезе эффективности рынка (Efficient Markets Hypothesis, ЕМН) Ю. Фама, существует три уровня информационной эффективности⁴.

Первый уровень представлен ситуацией, в которой рыночные цены находятся под влиянием исключительно прошлой информации. Данный уровень получил название слабой формы эффективности.

Второй уровень эффективности имеет место в том случае, когда в ценах зафиксировано отражающее воздействие не только прошлой, но и иной опубликованной информации. Таков средний уровень эффективности рынка.

Третий уровень. Сильная форма информационной эффективности характерна для рынка, конъюнктура которого зависима от всей полноты информации, базирующейся, в том числе, на кропотливом фундаментальном анализе экономики в целом, а также профессиональных прогнозах и оценках деятельности компаний. Подобный рынок не располагает благоприятными условиями для появления инсайдеров, то есть лиц, обладающих эксклюзивной информацией. На рынках экономически развитых стран преобладает средняя форма информационной эффективности, хотя имеет место и высокая.

В отличие от этого, страны с “возникающими рынками” капитала первоначально не в состоянии преодолеть крайне слабый уровень рыночной эффективности.

Данной ситуации способствуют следующие обстоятельства:

- отсутствие развитой информационной среды для осуществления инвестиционного выбора. Инвесторам предлагаются, главным образом, текущие котировки и нормативно-справочная информация. Классический фундаментальный анализ представлен в качестве зачаточных форм и носит фрагментарный характер;
- отсутствие солидного опыта работы в условиях рыночной экономики, что приводит к некорректности и быстрому старению аналитической информации, необходимости ее постоянного обновления, а также низкому уровню квалификации специалистов, обслуживающих формирующиеся рынки капитала;
- низкая информационная эффективность является одним из основных препятствий для перелива капитала на формирующихся рынках.

Сопутствующими факторами являются бюрократизация экономики, коррупция чиновничьего аппарата. В результате непреодолимые барьеры встают на пути множества потенциальных инвесторов, преграждая им доступ к рынкам капитала. Закон средней нормы прибыли не реализуется, уровни доходности отличаются значительной дифференциацией по отношению к различным участникам рынка: от аномально высоких до чрезвычайно низких.

Решение проблемы раскрытия информации на рынке ценных бумаг в любой стране является одним из центральных вопросов развития финансовой системы. Тем более этот вопрос актуален для “возникающих” рынков, где важным условием создания рыночных механизмов является наличие равных возможностей для всех субъектов хозяйствования по информированию заинтересованных лиц: потребителей, частных и коллективных инвесторов, профессиональных участников о результатах деятельности предприятий.

Построение нормального, прозрачного во всех отношениях фондового рынка важно как для решения вопроса защищенности инвестиций, так и для решения вопросов эффективного контроля за эмитентами со стороны государственных органов.

Примечания

Дисинтермедиация (disintermediation) – устранение посредников в инвестиционных процессах.

¹ Шарп У., Александер Г., Бейли Дж. Инвестиции. Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1998. XII. С. 264.

² Лимитовский М.А. Инвестиции на развивающихся рынках. М.: ООО Издательско-консалговое предприятие “ДеКА”, 2003. С. 121.

³ Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов. М.: ЗАО “Омелт-Бизнес”, 1997. С. 20.

⁴ Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент: Полный курс. В 2-х томах. Пер. с англ. под ред. В.В. Ковалева. СПб.: Экономическая школа, 1997. Т. 1. С. 11.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ЧЕЛОВЕК “БЛИЖНЕГО КРУГА”

Черты к политическому портрету А.Е.Бовина

А.Берков,

член Научно-консультативного совета
по международному праву
при Председателе Государственной Думы РФ

Кем же он был – этот яркий человек, многогранный талант?

“Разнорабочий умственного труда” – так определял он сам свое амплуа. Политик и журналист, математик и дипломат, социолог и спичрайтер, популярный радио- и телеведущий – с его уходом на “Радио России” образовалась ниша, закрыть которую невозможно.

Амплитуда его научных интересов и круг познаний были поистине безграничны. О нем много написано, немало готовится к печати.

Журнал “Обозреватель-Observer” тоже опубликовал в свое время очерк о нашем друге и многолетнем авторе, члене Научно-редакционного совета. Поэтому, избегая хорошо известных истин, хочется отметить менее известные в деталях черты. И, прежде всего, – никогда не изменявшее ему чувство юмора, которое помогало оставаться в строю, когда, казалось бы, не было перспективы: после изгнания из ЦК, а позже – когда столкнулся с фанаберией некоторых деятелей МИД, не желавших этого вольнодумца и сугубо творческую личность признать за своего.

К счастью времена меняются. Нынешнее поколение мгимовцев поет гимн института, написанный Сергеем Лавровым, ныне министром иностранных дел. Как радовался бы Бовин, если б со всем отделом ЦК КПСС смог спеть гимн, написанный Сусловым. Впрочем, отдадим дань его объективности. Именно от Бовина я впервые услышал, как Суслов появился в ЦК. Позвонил Сталин:

- Как дела с уборкой?
- Плохо, товарищ Сталин, очень плохо.
- А почему так?
- Техники не хватает.
- Товарищ Суслов, с техникой любой дурак справится.
- Вот Вы дурака и пришлите на мое место.

Отбой и тревожное ожидание привычного развития событий. Но случилось иначе. Сталин неожиданно сказал в своем окружении: “Интересный человек работает у нас в Ставропольском крае. Давайте присмотримся поближе”.

Бовин немало претерпел от Суслова. Но при всех идейных расхождениях ему, как истинному таланту, не было присуще “черно-белое видение”. Что же касается юмора, то здесь ему не было равных в аппарате ЦК. Ирония для него – не литературный стиль, а стиль жизни. “Ради красного словца не пощадит ни мать, ни отца”. А уж начальство тем более. Он самодовольно рассказывал, как при обсуждении его заготовки Брежнев спросил, есть ли у присутствующих замечания. Один из них посоветовал перенести один абзац на другое место, чтобы мысль была яснее.

А мнение автора? “Это все равно, что перенести ухо к ж..., чтобы было лучше слышно!” А ведь совет исходил от заведующего отделом – его непосредственного начальника.

Бовин внес огромный вклад в создание нового, еще не внедрившегося в нашей публицистике стиля, который хотелось бы назвать “юморная мемуаристика”.

До конца его дней я не научился распознавать, когда он острит, а когда абсолютно серьезен.

Последняя шутка – грустная – была, когда позвонил его ближайший друг Владимир Ершов сообщить, что мы срочно направляем специалиста. “Вы с ума сошли, спать мешаете (было 10 часов вечера). Позвоните завтра”. Между тем при инсульте решают часы и “завтра” для него не наступило. Лечврач сказал, что главное покой. Он умер очень спокойно. Во сне. Пусть земля ему будет пухом!

Александр опроверг пословицу “Один в поле не воин”. Он часто шел против течения, вносил коррективы в политический курс. И, разумеется, в собственный. Он эволюционировал на глазах. Сопоставление его последних работ с более ранними показывает, какого масштаба деятелем он был. Как бы подводя итог поискам и колебаниям, он так определял свою позицию: “Как философ, социолог, ученый я не могу себе представить, что рыночное хозяйство – финал, конечная фаза развития человечества. Не хочу и не могу допустить, что общество, где люди живут на конкурентной основе, где тебе хорошо, а другому из-за этого плохо, станет концом истории”.

Он болезненно переживал несправедливости и постоянно находился в поисках социальных решений. Естественно, он пристально следил за ходом судебной реформы.

Такой приоритетный интерес объясняется опытом работы (был самым молодым в СССР судьей в Краснодарском крае) и членом Комиссии по помилованию при Президенте РФ. Когда в свое время “Московская правда” решила помочь восстановлению в правах презумпции невиновности, единственный человек, не побоявшийся выступить против очень влиятельного декана юрфака МГИМО Радькова был Бовин. Жаль, что он мало был востребован в этой области. Но такова была воля Ельцина, особенно в части комиссии.

У нас принято было советоваться по творческим вопросам. Когда я сказал, что статью о намечившемся было перекосе назвал “издевательство над прокуратурой”, он откорректировал: “Назови – над правосудием”. Главным считал: сейчас, когда мы добились большей самостоятельности судов в вопросах имущественного и процессуального права, надо следить, чтобы развитие шло не в ущерб “Оку государству”.

В беседах с правоведами он подчеркивал, что это – деликатная сфера, и очень важно, что задействованы такие люди, как Галаганов с его доброй адвокатской ментальностью и пониманием того, что помимо уголовного кодекса есть еще кодекс совести. И Сухарев с его теоретическим и практическим опытом на посту Генерального прокурора СССР, министра юстиции России, директора НИИ при Генеральной Прокуратуре РФ.

Большие надежды он связывал с В.Д.Зорькиным. Радовался, что у журнала “Обозреватель-Observer” с ним устойчивые творческие связи. Это действительно светлый человек, человек слова. Несмотря на сложное положение в Конституционном суде, он ни разу не подвел редакцию, кроме одного печального случая, когда умерла его супруга.

Когда Бовин в своей обычной юморной манере говорил: “Я к тебе обращаюсь как юридическое лицо к юридическому лицу”, я знал, что это важно, что надо бросать все другие дела.

Бовин принадлежал к той категории талантов, с которой вынуждены были считаться. Тем важнее были его новые подходы к социальным вопросам, проявившиеся в последний период. Такие новеллы естественны для ученого. Виктор Израэлян, который много лет представлял нашу страну в Комитете ООН по разоружению, рассказывал о переговорах в Англии по поводу издания своих работ. Его просили не ссылаться на здравствующих ученых: они могут и вправе изменить точку зрения. Это нормально.

Сейчас время перевертышей и приспособленцев. Но это не тот случай. Бовин и его друзья ни раньше, в начале своих карьер, ни позже – никогда не пели хором: “Мы гордимся общественным строем”. Ему, как и Арбатову, Бурлацкому и Иноземцеву, Шишлину, Черняеву и Брутенцу, Шахназарову и Загладину, Богомолу и Лихачеву не пришлось перестраиваться на ходу. Они всегда и резко высказывались против славословия “реального социализма” и третирования прав человека, против завалов на пути конвергенции. Вопреки господствовавшей тенденции, они настаивали на расширении общественных связей в политике и науке, выступали за взаимодействие с пацифистскими кругами. Они были все разные – эти деятели, но едины в поисках выхода страны из застоя.

Мы познакомились в редакции журнала “Коммунист” полвека назад. Сейчас он называется “Свободная мысль”. Смее утверждать, что он и тогда был таковым, вопреки любителям элементарного мышления и примитивных оценок. Известный английский лейбористский деятель Кони Зилиакус дал такую картину положения дел в советской печати того периода; средства информации занимают неоднородную позицию: от газеты “Правда” на крайне правом фланге до журнала “Коммунист” на крайне левом. Нетрудно себе представить обстановку в редакции и роль

Бовина.

Показателен инцидент, связанный с переездом из 10-го подъезда ЦК в бывшее здание “Коминтерна” рядом с выставкой достижений народного хозяйства, которым руководил заместитель главного редактора А.И.Соболев.

Утверждали, что он и инициировал переезд, чтобы дистанцироваться от ЦК КПСС. Но техническая сторона принадлежит прежде всего Бурлацкому, который в то время был зам. зав. отделом искусства и литературы Мезенцева – человека абсолютно противоположных взглядов. В связи с трудностями взаимного общения дело дошло до “эпистолярного жанра”.

Мезенцев пересылал гранки Бурлацкому с пометкой на полях, вроде “Да ну?”.

И получал в ответ “Ну, да!” Или: “Это не так”.

И ответ: “Нет, так”.

За этой бравадой были устойчивые политические установки.

Нам всем были розданы бирки с номерами кабинетов на новом месте работы. Следовало связать свои книги и прикрепить бирки, чтобы ночью их перенесли. Мы сговорились надписать номер кабинета недавнего правдиста – непримиримого сталиниста на связке томов сочинений Сталина. Заговорщиками были консультанты Арбатов (впоследствии академик и директор ИСКАН), Старушенко (член-корреспондент и зам. директора Института Африки РАН), зав. отделом философии Смирнов (академик и директор ИМЛ), зав. отделом международной жизни Чепраков, консультант Лев Вознесенский, который еще в молодые годы отсидел 10 лет за родство с расстрелянным Председателем Госплана СССР Н.А.Вознесенским и другие, включая наших боевых подруг: референток Ершову и Тарасевич-Скрыльникову.

Знал ли об этой “шутке” сам Соболев?

Но главный редактор “Коммуниста” академик Румянцев точно знал и не боялся, что журнал называли “школой диссидентства” и антилысенковщины. Именно так к нему подходил и лауреат Нобелевской премии Н.Н.Семенов.

Можно себе представить физиономию нашего коллеги, когда он переступил порог своего кабинета на новом месте. Факт тот, что к этому моменту сочинений Сталина у Федора Бурлацкого уже не было. Об этом пришлось напомнить после выхода его воспоминаний “Вожди и советники”, где он подробно описывает свой переход в ЦК. Мы много лет сидели вдвоем в одном кабинете, были друзьями-единомышленниками, каковыми остаемся и по сей день. С тем большим удивлением прочел описание его прощания с “Коммунистом”. Узнав об этом, – пишет он, – сосед по кабинету сказал:

– С тебя бутылка!

– Нет ты получишь нечто большее – 13 томов сочинений Сталина.

Поскольку речь шла обо мне (других соседей не было), то я позвонил Федору:

– Ты что же изобразил меня пьяницей и сталинистом?

– Сашенька, ты что шуток не понимаешь?

– Вот что касается шуток, то одна из них была великолепна, причем с твоей подачи. Ты забыл, что в тот момент ты уже не мог подарить мне тома Сталина – у тебя их не было.

Не берусь судить о справедливости других пассажей его книги, могу лишь привести слова рецензента (кажется, это был Нуйкин), который писал: “Бурлацкий утверждает, что очень не любил Сталина, и этому веришь – при такой феноменальной самовлюбленности не остается места для любви к кому-либо еще”.

Но это – с одной стороны, а с другой – не случайно же Бовин пишет о нем с таким пиитетом. Федор действительно любит себя (и есть за что), но еще больше любит работу, друзей-единомышленников.

Если придерживаться образов Ветхого Завета, Федора следует рассматривать как праотца Авраама, который, как известно, родил Исаака. В этом случае Бовину достанется роль Иакова. Именно в такой последовательности формировалось руководство группой консультантов отдела ЦК КПСС: Бурлацкого сменил Арбатов, а его – Бовин. Но он и не претендовал на большее, с огромным уважением и нежностью относясь к ним обоим. Они шли по жизни, опираясь на плечо друг друга.

С Федора Бурлацкого же наметился и “исход”, когда Л.Н.Толкунов – многолетний редактор “Известий”, а в то время первый заместитель Андропова по Отделу “положил глаз” на него.

Я нередко в качестве новичка прибегал к его щедрой помощи. Еще чаще обращался к Бовину, когда требовался остроумный находчивый собеседник, особенно в работе международных следственных комиссий, где была собрана интеллектуальная элита, прежде всего юридическая.

Один из примеров – крупнейший немецкий юрист, заместитель председателя Комиссии по Чили, профессор Кауль. На одну из сессий он прибыл на огромном красном “Ягуаре”. “Красный попугай на красном “Ягуаре” – приветствовал его Бовин, следуя своему любимому и – уверен – им же придуманному анекдоту:

- Сколько стоит зеленый попугай?
- 50 марок, он знает два языка, считает до 100.
- А красный?
- 100 марок.
- Что, он знает три языка, считает до 200?
- Ничего он не знает и считать не умеет.
- Почему же он дороже зеленого?
- А он – его начальник.

Суть в том, что незадолго до встречи Кауль добился решения о выпуске запчастей к машинке “Эрика”, которая была снята с производства; пропала огромная партия, закупленная американцами, забывшими включить этот пункт в договор купли-продажи.

За это он и получил в подарок “Ягуара”.

Это был выпад ниже пояса, и Кауль нервно парировал:

- Это не моя машина.
- Почему?
- Во-первых, я не принимаю подарков от американского империализма. Во-вторых, не плачу налог. В-третьих, если испортится карбюратор, я могу позвонить: “У вашей машины испортился карбюратор, надо починить”.

Разумеется, дело закончилось дружеским обедом со множеством воспоминаний о веселых юридических казусах.

Другой случай связан с моим просчетом: я настолько расслабился, когда увидел, что после долгих колебаний на сессию прибыл Габриэль Гарсиа Маркес, что забыл особенности его характера и собственноручно водрузил для него кресло на подиуме. Честно отсидев ровно столько, сколько потребовалось журналистам для “увековечивания”, он выразил крайнее неудовольствие: не для того, мол, ехал, чтобы позировать перед фотокамерами. Он предпочитает общение с неординарно мыслящими, одаренными людьми.

Вот тут-то и возникла идея Бовина. Но, видно, была не судьба. Они беседовали очень недолго, можно сказать, на ходу: Маркес есть Маркес, и к нему уже существовала негласная очередь “неординарно мыслящих”, в частности, из членов комиссии. Пишущая братия практически не имела шансов.

Это можно было бы считать полезным знакомством, если бы его удалось продолжить, когда он приезжал в Москву и встречался в ЦК с заместителем Б.Н.Пономарева Шапошниковым. С ним было договорено, но Бовина разыскать в Москве не удалось. Это был второй просчет, сегодня можно сказать – фатальный.

Но еще раз скажу: Маркес есть Маркес, и мне хочется верить, что даже короткое знакомство и ориентировка на его произведения дали А.Бовину импульс, связанный с мемуарами. Не случайно же, упомянув о критиках, которые вскроют смещение акцентов и передозировку авторского вклада в историю XX в., он завершил книгу так: “Прячусь от них за спину Габриэля Гарсиа Маркеса: “Жизнь не то, что человек прожил, а то, как он ее помнит и описывает, если решил рассказать о ней”.

Жалею, что не мог предложить помощь с переводом, как это делал, когда требовался немецкий или английский язык. Испанский не относится к моим сильным сторонам (как, впрочем, и Бовина). Но волонтеры всегда находились, в том числе несовершеннолетние. Я нередко прибегал к помощи гимназистов: дети в этом возрасте, как говорил Чуковский, переживают период гениальности. Не владея финским языком, привлекал сына моего друга Мазена Хусейни. Рекламаций не было, в том числе со стороны Бовина, особенно после того, как он узнал историю семьи Мазена*.

Когда зам. главного редактора “Правды” Е.Е.Григорьев попросил меня давать ежедневную хронику сессии Комиссии по Чили в Мехико, я высказал два пожелания:

- Половину работы возьмет на себя Бовин и, кроме того, у нас не будет времени согласовывать текст, но одна просьба есть заранее: можно давать любые заголовки, но избегать приевшегося: “Хунта у позорного столба”. Разумеется, первое, что я увидел в газете по возвращении было: “Хунта у позорного столба”.

Перед составлением очередной корреспонденции А.Е.Бовин заходил ко мне не за идеями (у него их хватало), а за шампанским: у меня как генсека Комиссии был не только серви-бар с напитками, как у всех, но и ключ от него.

– Я сильно тебя выставил? – спросил он в конце сессии.

– Во-первых, не сильно, а во-вторых, не меня, а президента Эчеверриа, под патронажем которого проходила работа.

Бовин нежно любил шампанское, но и обрабатывал достойно.

Он всегда искрился юмором. Перефразируя Энгельса, можно сказать, что его полемический корабль всегда был под парусами. В любой ситуации. А если таковой не было, он сам ее создавал. Ему хватало собственной фантазии, но он мог и позаимствовать у коллег. Однажды в Домжуре, где обмывали его временную прописку, рассказал нам с заведующим отделом философии Момджяном и его замом Бутенко, как в одесском театре перед аудиторией биндюжников должен был выступить пианист. Шум не прекращался. И тогда старый, ко всему привыкший конферансье прокричал в зал:

– Кто быстрее всех назовет слово из трех букв – начинается на “х”?

Разнообразия вариантов не было.

– Вы все жутко заблуждаетесь, – был ответ. – Это слово “хам”. Так вот – сидеть тихо, без хамства, пока маэстро исполнит музыкальную штучку.

И хотя много позже я узнал об этом самом случае из воспоминаний Леонида Утесова, это нисколько не умаляет находчивости Александра. Тем более что на взаимной основе: сколько людей повторяли его хохмы как израильского, так и московского происхождения! И хотя он не утверждал, что это произошло в его присутствии, сработала журналистская привычка перепроверять факты: он никогда не рассказывал, что бывал в Одессе и я позвонил Лене Бовиной. Она тоже не была в этом уверена, но сказала, что в Израиле все выходцы из Одессы принимали его за своего.

Им виднее.

Еще один пример заимствования чужого опыта связан с Э.Хэмингуэем.

Вернувшись с Кубы, я рассказал Бовину об особенностях его метода. Известно, что самый трудный момент – начало работы над еще пустым листом бумаги. Поэтому Хэмингуэй оставлял текст недописанным, чтобы утром продолжить уже начатую мысль. Так проще.

– Я всегда так делаю, – сказал Бовин. – Посмотри сам.

На столе лежала стопка бумаги, сверху было написано “Дорогие товарищи!” Оставалось продолжить.

Он поддерживал теплые отношения со многими деятелями искусств, старался не пропускать выступлений своих любимцев.

Однажды – позвонил, чтобы узнать мнение о своем выступлении на вечере памяти Юрия Визбора. Ответил, что не понравилось: – Все говорили коротко и исполняли что-нибудь из его репертуара. А ты говорил долго и ничего не спел.

Он ответил, что для этого надо было предварительно крепко выпить. Бравада, конечно.

Многим из них он дал возможность утвердиться благодаря своему влиянию и близости к руководству, помог устранить препоны на пути сценических и кинопроизведений.

Он гордился, к примеру, как легко удалось дать зеленый свет фильму “Белорусский вокзал”, зарезанному цензурой: пригласил на просмотр Брежнева, который любил военную тематику, поскольку сам был, как все мы хорошо знаем, выдающимся полководцем. Брежнев прослезился, фильм был принят.

Тем больше оснований он имел обидеться на Валерия Золотухина, выговаривавшему ему, по словам Бовина, в очень резких тонах: – Легко вам, состоящим при начальстве, проводить прогрессивную линию. А каково нам?”

Бовин с ним порвал и, мне не известно, общался ли в дальнейшем.

Мало кто знает, что Бовин был широко известным в узких партийных кругах поэтом-сатириком и пародистом, особенно на документы Политбюро.

Ко дню рождения Анатолия Черняева – помощника Горбачева он представил настолько талантливую имитацию соответствующего юбилейного постановления, что она понравилась не только нашей “тусовке”, но и – что бывало редко – самому автору, включившему ее в воспоминания.

Аналогичная имитация была написана ко дню рождения Людмилы Тарасевич-Скрыльниковой. Она заканчивалась, как положено: в ознаменование... воздвигнуть на родине героя мраморный бюст в натуральную величину. У присутствовавших возник вопрос: где

же взять столько мрамора?

На юбилей коллеги по “Коммунисту” Вадима Собакина он, как обычно, привез веселые куплеты на всех участников “лесного братства”, как называли группу, готовившую “текст слов” для Пономарева. Разумеется, первым шел именинник:

А кто, свободою горя,
К нам шел под стягом Октября?
Собакин, бря, Собакин, бря, Собакин.

Далее следовали “бря” на Кудрявцева, Загладина, Черняева и, конечно же, его друга Лукьянова. Тоже поэта, выпустившего сборник под псевдонимом “Осень”. За добрые отношения с Собакиным А.Е. назвал его “собаколюб”, за предельную редакторскую придирчивость – “клопоеб”. Присутствующим осталось только констатировать, что Собакину повезло: ведь могло быть наоборот.

К 50-летию Е.М.Примакова была написана поэма во всех подробностях, включая интимные, отражающая “его деятельность”. Деликатный человек, Бовин не решился воспроизвести ее в основном тексте, а поместил в сноске.

Он никому не навязывал своих мнений, но и не терпел нравоучений.

Однажды сказал в шутку: – Завидую

Юре (Арбатову) – он убежден, что его мнение – единственно правильное.

Я, тоже в шутку, спросил Юру: – Ты действительно считаешь, что всегда прав?

С присущей ему скромностью академик ответил:

– А разве это не так?

Подумалось: видимо, не прав был Андропов, сказавший:

– Арбатов, конечно, хороший коммунист, но он не большевик.

Что не мешало Андропову из ЦКБ, со смертного одра присылать ему стихи о социализме.

Одна из запретных тем для Бовина: “Своя ноша не тянет”.

Этот добрый Гаргантюа, сам остряк, подчас весьма жесткий, болезненно реагировал на шутки такого рода.

К 10-летию “Независимой газеты” я опубликовал в ней короткое приветствие, которое закончил шуткой: “Слышал, что декан Я.Н.Засурский назвал В.Третьякова самым одаренным выпускником журфака. Во избежание культа личности упомянул бы в этом ряду Г.Боровика и А.Бовина, хотя он с другого факультета. Сегодня они, как мне представляется, крупнейшие журналисты-аналитики России. Но Бовин, конечно, весомее: как – никак 130 кг”.

Немедленно последовал звонок:

– Ты что на меня клеветешь? Где ты взял такую цифру?

– Из твоей же книги.

– Так это когда было? Я активно борюсь за элегантность.

Один из способов этой борьбы я наблюдал на Юге.

Он поднимался пешком в ресторан “Ахун”, что действительно требует напряженных усилий, которые вознаграждались двумя шашлыками. Когда по возвращении взвешивались в Адлере, признаков похудения не обнаруживали.

Зато, как мне кажется, его популярность использовали для рекламы ресторана.

Даже Бовину не хватало красноречья при описании смелых шуток Козырева. Он говорил:

– Для полного счастья всегда не хватает какой-нибудь мелочи.

Например, фотоаппарата.

В Израиле, когда кортеж машин возвращался от Арафата, велено было остановиться. Министр и сопровождавшие лица разделись догола под недоуменные взгляды сопровождающих лиц и, главное, могучей палестинской охраны с присущей ей обостренной мусульманской моралью. В трусах остался только начальник департамента Посувалюк.

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно.

Но фотоаппарата не было.

Шеф-редактор журнала “VIP-Premier” В.А.Александров предложил мне использовать этот сюжет для очерка.

Но потом нашли более адекватное решение.

Опубликовали соответствующую выдержку из книги Бовина с комментарием крупного специалиста по диппротоколу, написанному в сочувственных тонах (насколько это возможно). Автор, незадолго до того выпустивший книгу “Дипломатический протокол России”, Анатолий Борунков отмечает переутомление министра и перенасыщенность визита, но констатирует: “Сцена

у моря подходит больше для персонажей “Плейбоя”, чем для министра великой державы... Хозяевам не стоило бы большого труда обеспечить желающих купальными костюмами. Но только нужно заранее исходить из того, что речь идет о людях, умеющих отличать приличие от непристойности... Возможно, Андрей Козырев в манере поведения ориентировался на Бориса Ельцина, чей кураж стал притчей во языцех”.

Сейчас, когда А.Козырев уже и не министр, и не депутат, можно было надеяться, что в качестве вольного стрелка ему легче будет отдать должное коллеге и всем тем, кого “kozyревы” так долго унижали в “этой стране”. Впрочем, как однажды отмечал “Обозреватель-Observer”, шансов на это не больше, чем рассчитывать на явку с повинной со стороны Бен Ладена.

К сожалению, журнал оказался прав.

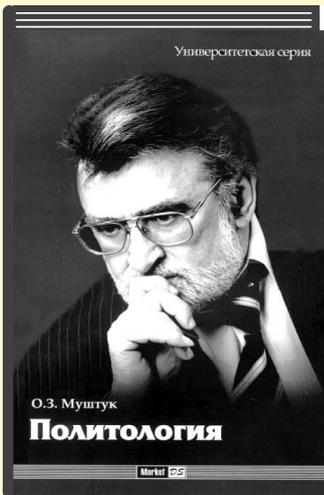
Примечание

* Представитель иорданского королевского рода, он был осужден за революционную деятельность. Но во время уехал в Прагу, где женился и работал в Международном союзе студентов. На вопрос, на каких языках говорит его талантливый отпрыск, Мазен отвечал: знает азы гимназического английского и французского, говорит на финском – он же учится в Хельсинки, на шведском – часто бывает в Стокгольме, на чешском – это язык его матери.

– А язык отца? Ты не упомянул арабского.

– Могу же я оставить хоть один язык для себя?

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА НА РОССИЙСКОМ ФОНЕ

Н.Косухин,

доктор исторических наук, профессор
(институт Африки РАН)

Одним из фундаментальных оснований демократии, вытекающих из самой этимологии этого понятия, является ответственное и осознанное участие граждан в делах государства, в выборе и контроле власти имущих.

Но для того чтобы влиять на государство и не воспринимать власть и политику как некое “таинство”, как predetermined кем-то свыше данность, изменить которую ты не в силах, – для этого нужны соответствующие политические и правовые знания, соответствующая политическая и правовая культура. Только на их основе человек становится полноценной личностью, приобретает необходимые качества человека-гражданина, который не позволяет управлять собой как “винтиком”, как неким обезличенным “трудовым ресурсом”. Только такой человек способен не поддаваться обману и самообману в политике, трезво оценивать политические реалии и процессы и вместе с другими гражданами влиять на них с тем, что бы “заземлять” власть, лишая ее “внеземной миссии”, заставляя служить не себе, а обществу.

Данная способность особенно важна в условиях России, чье постсоциалистическое развитие вызывает слишком много вопросов-недоумений, в том числе вопросы:

Почему общество, которое пришло на смену советскому, оказалось совсем не таким, каким ожидали реформаторы, и на которое надеялось население страны?

Почему в этом обществе искони присущие отечественной ментальности социальные и духовные начала оказались отодвинутыми на второй план, тогда как на первое место выступило “звериное-земное”, биологическое начало? И вместо того, чтобы “насладиться” свободой и демократией, мы погрузились в чиновничий и криминальный беспредел – в то, что дореволюционный русский философ и правовед Семен Франк назвал “бесчинством разнузданности”?

Почему многострадальный народ России, вместо того, что бы (потерпев два-три года “шоковой терапии”) зажить как в какой-нибудь Швеции или Норвегии (а именно это обещал народу “могилищик социализма” Борис Ельцин), подвергся массивной “экспроприации” и обнищанию, оказался отброшенным на грань физиологического выживания на фоне сверхбогатства немногих?

Совершенно очевидно, что, не разобравшись в политических причинах подобных аномалий, порожденных “радикально-либеральными” реформами, нельзя осмысленно самоопределиться в своем отношении к нынешнему государству и тем силам, которые его олицетворяют; нельзя выработать рациональную жизненную позицию в том, что касается личного участия в политико-властных процессах, осознать свою меру ответственности за все то, что произошло и происходит в стране.

Основная ценность рецензируемой монографии “Политология” как раз и заключается в том, что ее автор – профессор О.З.Муштук – не ограничивается традиционным изложением общетеоретических проблем демократической организации и функционирования

политико-властной сферы, а преломляет их через отечественные реалии, через призму того, насколько все то, что сделано в стране за годы рыночных реформ, соответствует (и соответствует ли вообще) реальной демократии и реально “свободному обществу”?

И насколько осуществленные (осуществляемые) федеральными властями преобразования приблизили нас (и приблизили ли вообще) к тому, что существует в западных странах?

Причем этот сравнительный анализ (как должно быть по отношению к тому, что есть на самом деле) пронизывает всю книгу и характерен для всех ее 6 разделов и 24 глав.

В первом разделе “Политико-властные отношения и их особая роль в жизнедеятельности общества” основное внимание уделяется философскому осмыслению власти и политики как сущностей, вне которых общественная жизнь с неизбежностью принимает форму социального хаоса.

То же, хотя и в меньших масштабах, имеет место, если действующая в обществе власть являет собой тип слабой власти, лишена (или испытывает большой дефицит) технократической легитимности, то есть профессионализма и компетентности в качестве верховного менеджера-управляющего общественными делами.

Именно такой функционально не состоятельной властью, не способной гарантировать своим гражданам даже их исходное неотчуждаемое право – право на жизнь (не говоря же о гарантиях безопасности имущественной, социальной, экологической и т.д.) предстает в оценках автора нынешняя власть в России.

Во втором разделе “Социологические детерминанты политики и политико-властных отношений” раскрывается роль и значение развития этой сферы социальных субъектов политики – первичных носителей интересов. В том числе особенно института индивидуального и группового политического лидерства.

Делается вывод о том, что для того, чтобы Россия совершила реальный прорыв на ниве рыночных реформ ей требуются десятки и сотни (если не тысячи) государственно мыслящих лидеров: как общенациональных, так и региональных профессиональных руководителей, способных брать на себя ответственность и воспринимающих власть не “по-кухарски” (то есть не как средство удовлетворения личных амбиций и баснословного обогащения), а исключительно как бремя, тяжесть которого оправдывается лишь историческим честолюбием.

Между тем “рынок” именно таких лидеров в нашей стране пока что весьма далек от “затоваривания”. Но не потому, что земля российская оскудела талантами, а только потому, что все еще не сформировался и не действует отлаженный общественный механизм отбора и селекции “вождей”.

Третий раздел “Структурно-функциональная организация политических систем и политических режимов” посвящен сравнительному анализу и типологии различных систем власти и политики.

В качестве основного критерия типологии выдвигается проблема демократии как нормативная точка отсчета в оценке, как самих политических систем, так и отражающих их функциональную сторону политических режимов, а в рамках этой проблематики – вопрос о реальном положении дел в области обеспечения и гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Именно этот вопрос лежит в основе доказательства правомерности (обоснованности) притязаний того или иного режима на то, чтобы называться демократическим.

Если же права и свободы человека, будучи формально, то есть юридически провозглашены в конституции, в реальной жизни не обеспечиваются, то они принимают характер “бумажных прав”, превращаются в фикцию.

Такой же фиктивный характер носят права и свободы человека в условиях, когда отсутствует экономически суверенная личность.

Учитывая данное обстоятельство, автор заключает, что в России эти права и свободы станут реальностью только тогда, когда будет снята проблема физической выживаемости массы и обеспечен некий исходный уровень “всеобщей сытости”.

В четвертом разделе “Государство как центральный институт политической системы” речь идет о демократических принципах и механизмах формирования государственных институтов и структур, распределения между ними сфер (и объемов) компетенции и ответственности и т.д.

При этом подчеркивается, что если мы в России желаем действительно демократической и социально ответственной власти, то мы должны приучить наших “правителей” (больших и малых) воспринимать себя не в качестве ниспосланных Богом “пастырей паствы”, то есть народа, а только и исключительно в роли его “вышколенных слуг”.

Профессионалов, которые нанимаются (и содержатся) народом для ведения общих дел, уполномочиваются им управлять страной по правовому (то есть справедливому) закону во имя не частного и не корпоративного, а всеобщего блага, и которые отстраняются (изгоняются) народом в случае, если не соблюдают (или непрофессионально выполняют) принятые на себя по социальному контракту обязательства.

Для этого есть только один путь – научиться максимально эффективно использовать гарантированные демократией инструменты общественного контроля и ротации власти, в том числе свободные выборы.

Нельзя не согласиться с автором в том, что только через это умение выбирать (умом, а не сердцем) достойных себя “вождей” и “управителей”, а, выбрав, справляться с ними, мы сможем прийти к подлинной демократии – демократии, в которой власть будет отправляться (и постоянно обновляться) свободно выражающим себя большинством.

Пятый раздел “Политические партии и организованные группы интересов – группы давления”.

В разделе внимание автора сконцентрировано на политическом плюрализме и многопартийности, которые рассматриваются не только как базовые принципы демократической организации общества, но и как её исходное (общеобязательное) условие. Без них демократия неизменно превращается в свою противоположность, то есть в диктатуру.

С этой точки зрения возрожденная в России многопартийность – явление знаковое.

Однако в силу того, что большинство возникших (и возникающих) в стране партий создаются не “низами”, а “верхами”, под конкретного лидера (или узкой группы лиц), и призваны стать инструментом достижения амбициозных притязаний этого лидера (или группы) на самую высокую власть в системе, – они пока не являются реальным фактором политики и не играют сколько-нибудь действенной роли в процессах формирования и отправления власти.

То же касается и лоббизма.

В отличие от стран Запада, в которых лоббизм является органически встроенным в систему социального представительства институтом, жестко регулируемым законом, в России он носит характер “дикого лоббизма”, “круто” замешанного на коррупции, которая, по существу, стала неинституциональным способом существования власти, а управление страной приобрело характер “протекционистского управления” (или “управления по благу”).

Шестой раздел “Культурологические и психологические детерминанты политики и политического поведения” строится на посылке: уровень политического развития любого народа определяется в решающей степени характером и уровнем развития его политической культуры, а также тем, что охватывается очень емким понятием “национальный менталитет” и определяется как уходящие в глубь веков и освященные опытом предыдущих поколений, корни общественного духа и бытия, пересадить которые на иную почву или кардинальным образом изменить нельзя.

Именно здесь (в самобытной, “неизмеримой общим аршином” отечественной ментальности) следует искать первопричины явно затянувшихся “родовых мук” рынка и рыночной политической демократии в России.

В “евразийской” стране, чья массовая политическая культура и традиционные практики поведения в политике (и по отношению к политике) как среди “низов”, так и среди “верхов” пока весьма далеки от тех, на базе которых возникла и успешно функционирует представительная плюралистическая демократия (евро-американского типа).

Здесь же следует искать ответы на вопрос о том, почему среди всех мировых идейно-политических течений в России в качестве преобладающих всегда были и остаются течения леворадикального толка, в то время как либерально-консервативные идеологии приживаются с трудом. Что особо зримо проявилось в политическом крахе таких их нынешних носителей, как СПС и “ЯБЛОКО”.

В заключении автор в предельно концентрированном виде излагает свое видение того, как должна двигаться Россия к свободе (и к рынку).

Подчеркивая в качестве отправной посылки, что демократия как форма организации общественной жизни, построенная на соблюдении и гарантиях неотчуждаемых прав и свобод личности, не поддается строительству по заранее сконструированной (или механически заимствованной) схеме, что в отличие от диктатуры, при которой, если “сила есть, ума не надо”, демократию в одночасье, даже методом “шоковой терапии”, ввести нельзя. Для этого требуется определенный, эволюционно достигнутый, уровень развития всего социума, некий исходный минимум его “формационной” зрелости, когда если не все, то большинство необходимых для

демократии средовых материальных и нематериальных (в том числе социо-культурных) предпосылок и условий имеются налицо или, по меньшей мере, находятся в процессе становления.

Именно поэтому России требуется не революция, а ориентированная и подталкиваемая государством в этом направлении эволюция.

Постепенные общественные преобразования, в ходе которых посредством творческого осмысления и использования западного опыта привычные практики и устои народной жизни наполнялись бы новым содержанием без разрушения их самобытных корней, без того, что бы в стремлении стать в западном мире “своим” среди “чужих” не “обезрусить страну, не лишить ее национальной самости.

Нельзя не отметить известную инновационность книги как учебного пособия по политологии и в том, что каждому разделу ниспосылается краткое содержательное резюме и ряд контрольных мероприятий в виде вопросов для повторения, форумов и тестовых заданий – далеко не простых, требующих вдумчивого изучения и “переваривания” учебного материала.

В целом работа профессора О.З.Муштука представляет собой серьезный труд, в котором органически сочетаются каноны академического учебного пособия и монографического исследования. В любом случае она вряд ли оставит кого-либо равнодушным, учитывая к тому же публицистический стиль изложения материала, “живой” русский язык и не тривиальные суждения и выводы автора.

О.З.Муштук. Политология. Учебное пособие.
М.: Маркет ДС, 2006. 556 с. (Университетская серия).

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ПОНЯТЬ АМЕРИКУ – ПОНЯТЬ РОССИЮ

А.Задохин,
доктор политических наук, профессор

Любое отражение окружающего нас мира преломляется через особенности национального сознания.

В этой связи особый интерес представляет очередная книга известного ученого Е.П.Бажанова “Америка вчера и сегодня”.

Монография любопытна уже тем, что выбранный автором метод освещения жизни и деятельности Америки сочетает личные воспоминания Бажанова как дипломата и анализ как ученого. Последнее убергает его от свойственного некоторым мемуарам больших дипломатов эгоцентризма – изложения их вклада в успехи внешней политики страны, проигравшей “холодную” войну. А с другой стороны – неизбежно абстрактный анализ политолога уравновешен зарисовками повседневности американского общества. Поэтому-то в книге речь идет непосредственно о Соединенных Штатах Америки и об американцах.

Именно под этим углом зрения предлагается прочитать весьма большую по объему страниц и многообразную по затронутым темам книгу.

Сам автор приехал в Штаты в качестве дипломата советского генерального консульства в Сан-Франциско в 70-е годы прошлого столетия.

Записанные им первичные восприятия американского общества и восприятия 90-х годов, когда ему пришлось посетить США уже как ученому, и легли в основу книги.

Несмотря на то, что современное восприятие США могло бы определяться официальными заявлениями Кремля о стратегическом партнерстве России и США, по-прежнему в России доминирует тот негативный образ Америки, который сформировался во времена холодной войны. Хотя вряд ли большинство советских людей и современных россиян могут ответить на простой вопрос: чем же так насолила им Америка. Ведь, до прихода к власти большевиков эта страна воспринималась Россией положительно. От себя добавим, что многие видели в ней “страну необъятных возможностей” и “желанный берег свободы”.

Краткий экскурс автора в историю российско-американских отношений на- поминает нам об этом. Но Россия становится Советским Союзом и меняется восприятие заокеанской страны.

Анализ внешней политики Соединенных Штатов на важнейших направлениях – от Китая до Европы дает нам понимание причин антиамериканских настроений нашими согражданами.

И здесь позволим не согласиться с автором, что Вашингтон склонен к геополитической гегемонии.

Здесь нечто иное из области психологии и культуры.

Общество США складывается из иммигрантов, основной причиной переселения за океан большинства которых явилась неудачно сложившаяся судьба на своей родине. С точки зрения социальной стратификации эти группы надо отнести к маргинальным, которым свойственны комплексы неполноценности и одновременно сильная внутренняя потребность к самоутверждению.

Успехи переселенцев в Новом Свете в борьбе за выживание и со своей судьбой дают им основания считать себя людьми, избранными богом, а свою новую родину – “Израилем нашего времени”*.

Самоутверждаясь, американцы начали искренне верить, что они самая свободная и демократичная нация, желающая свободы и демократии всем другим народам, и не заметили, как стали строить еще одну мировую империю – Четвертый Рим. И даже придумали новую религию Церковь Иисуса Христа Святых последнего дня. Известную больше, как Мормонская церковь, с представителями которой, как видно из отдельного очерка, автору книги удалось близко познакомиться и общаться.

Таким образом, процесс формирования внешней политика США можно лучше понять, если обратиться к анализу культуры и национального сознания американцев, что, собственно говоря, и делает автор.

Как раз на страницах книги мы найдем интересные описания различных сторон политической и повседневной жизни американского общества.

От международных отношений и внешней политики автор переходит к внутривнутриполитическим процессам в США. Начинает с различий между республиканцами и демократами, возвращается к истокам американского государства – к пуританам, Декларации Независимости, Конституции. Углубляется в нюансы избирательных процедур в современной Америке. Подмечает особенности в восприятии американцами своих лидеров, трактует принцип разделения властей в США.

Описание жизни американской глубинки является предметом отдельного очерка. В нем отображено разнообразие Америки, соперничество штатов, округов, городов, социальных групп.

В книге, в частности говорится о разнообразных религиях, практикуемых за океаном, от аскетичного протестантизма до экстравагантного “Народного храма”, члены которого поклонялись СССР.

Несколько глав в книге посвящены описанию жизни представителей различных этнических групп. Перед нами проходят картины из жизни евреев, китайцев, корейцев, японцев, негров и индейцев, а также бывших граждан СССР и России.

Как можно судить, политика “плавильного тигля” не дает желаемого результата. То ли топлива не хватает, то ли постоянно обновляется материал за счет постоянно прибывающих из других стран. Другими словами, каждая община живет своей жизнью.

Очевидно, что для США как полиэтничного государства вопрос межэтнического общения и проблема консолидации общества всегда являлся одним из главных в истории страны и современной политике.

В то же время внутренние проблемы Америки выходят далеко за рамки этой страны в том смысле, что опять же наблюдается преодоление комплексов нации и ее консолидация через агрессию внешней политики.

Не все американцы нашли свое счастье в Америке и самоутвердились. Автор раскрывает негативные стороны жизни американского общества. Это безработица, бедность, преступность, насилие в семье, наркомания, самоубийства, дискриминация женщин, проституция.

Следует сказать, что в настоящее время США доступны гражданам России для посещения.

Многие побывали в этой, когда-то закрытой для них стране, не однократно. Российское телевидение так же предоставляет нам возможность познакомиться с жизнью американцев. Но в 70-е годы было совсем по-другому. “Холодная война” оказывала свое влияние на то, как советские люди и американцы воспринимали друг друга.

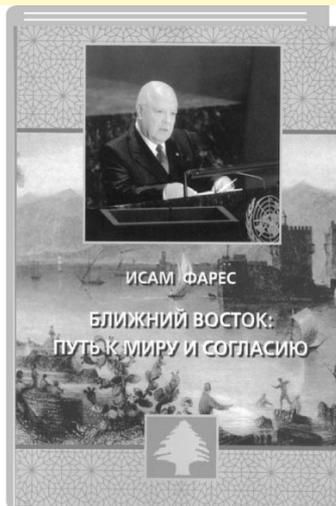
Автор вспоминает о “культурном шоке” советских граждан, испытанном при первом соприкосновении с заокеанской цивилизацией. Это ведь 70-е годы – времена разгара “холодной войны, когда советская пропаганда с шести утра до двенадцати ночи убеждала советских людей, что завтра они проснутся, если не при коммунизме, то, по крайней мере, к вечеру увидят крах мирового капитализма. Посещение русскими Соединенных Штатов вызывало у них сомнение в том, как описывали советское радио и черно-белое центральное телевидение “загнивание” американского капитализма. Знакомство с реальной действительностью у одних вызывало потаенную зависть, а у других усиливало ненависть.

В заключение надо сказать, что книга читается легко и свободна от каких-либо штампов.

Примечание

* Шлезингер-мл. А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 31.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)] [[СЛЕДУЮЩАЯ СТАТЬЯ](#)]

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ САМ СЕБЯ

О.Пересыпкин,
 профессор, президент Общества дружбы,
 делового и культурного сотрудничества
 России – Ливана

В предлагаемой читателю книге “Ближний Восток: путь к миру и согласию” собраны доклады, лекции, выступления и речи Исама Михаила Фареса, а также его представления приглашенных высокопоставленных лекторов слушателям Тафтского университета (Tufts University).

В книге “Ливанцы XX века”, изданной на рубеже двух тысячелетий, приводятся имена и краткие биографии самых знаменитых ливанцев прошлого столетия. Среди них немало выдающихся личностей, которыми богат талантливый ливанский народ. На территории Ливанской Республики на восточном берегу Средиземного моря сегодня проживает 3,5 млн. чел., остальные 11 млн. живут в Латинской Америке, США и Канаде, Европе, Австралии, Африке и странах Персидского залива.

Динамичные ливанцы, наследники знаменитых финикийцев-мореходов и торговцев Древнего мира, и сегодня удивляют мир способностью найти свое место в жизни, в нашем многоликом и сложном мире.

Во время своей работы в Ливане я познакомился с Исамом Михаилом Фаресом, занимающим достойное место в списке 100 самых знаменитых ливанцев.

Этот – человек, как говорят, “сделал сам себя” и сегодня по праву считается одним из ведущих политиков международного масштаба, бизнесменом и филантропом.

Он родился в 1938 г. на севере Ливана, в районе Аккар, в семье среднего достатка, окончил коммерческий колледж в г. Триполи, и, как многие ливанцы, поехал искать счастья в арабские страны Персидского залива. В этом нет ничего удивительного – ливанцы генетически ориентированы на работу за рубежом своей страны, в которой найти применение своим профессиональным знаниям довольно трудно. Вот почему ливанцев, например, в Бразилии живет в два раза больше, чем и в самом Ливане.

Счастье улыбнулось Исаму Фаресу и он получил подряд на строительство 20-километрового моста, соединившего побережье Саудовской Аравии и о. Бахрейн. На этом проекте он заработал первые миллионы, которые вложил в другие выгодные проекты.

В конце 70-х годов он сделал свое первое приобретение в качестве бизнесмена – это была Ballast Nedam Group N.V. – строительная компания со штаб-квартирой в Нидерландах.

В дальнейшем Фарес продолжал делать инвестиции стратегического значения по всему миру.

В настоящее время Фарес является председателем Совета директоров WEDGE Group Inc., расположенной в Хьюстоне международной холдинговой компании, владеющей WEDGE Trust Corporation, расположенной в Женеве (Швейцария); WEDGE Real Estate (Бейрут, Ливан); WEDGE Group B.V., Minefa Holdings и Farinvest – все три находятся в Амстердаме (Нидерланды).

Сегодня Исам Фарес является руководителем “WEDGE Group”, конгломерата промышленных, сельскохозяйственных, транспортных, нефтяных, гостиничных и других

предприятий в США и Европе, на которых работает около 70 тыс. чел. Он говорил мне: “Я никогда не ставил себе цель получить сверхприбыль. Я постоянно и очень много работаю, довольствуюсь в бизнесе нормальной прибылью, что, в конечном счете, приносит стабильный успех”.

В 1996 г. Исам Фарес стал депутатом ливанского парламента от района Аккар, а в октябре 2000 г. был назначен заместителем премьер-министра, оставаясь депутатом парламента. По существующей в Ливане практике каждый проект нового закона изучается специальной комиссией, которая готовит соответствующие предложения для Совета министров. Исам Фарес возглавлял 40 спецкомиссий. Причем эксперты под руководством Исама Фареса изучали как проекты экономических законов – от модернизации закона о налоге на добавленную стоимость и развитии порта Бейрут, районов Хермель и Баальбек до законов о молодежном движении и организации министерства окружающей среды.

В дополнение к своим обязанностям парламентария Фарес постоянно поддерживает контакты с главами государств и другими влиятельными людьми всего мира для установления справедливого, всеобъемлющего и прочного мира на Ближнем Востоке.

Исам Фарес создал благотворительный Фонд с очень емким и амбициозным девизом: “Наша цель – будущее”. К настоящему времени Фонд оказал медицинскую помощь более 50 тыс. чел., а 12 тыс. чел. на его средства получили профессиональное образование. Фонд построил несколько зданий для размещения муниципалитетов в районе Аккар, создал Национальный парк в его родной деревне Вейно, выделил средства на создание Центра международных исследований при Американском университете в Бейруте, осуществил ремонт и реконструкцию университетов, больниц, десятка школ, медицинских пунктов, сиротских приютов, домов престарелых и церквей.

Кроме того, Исам Фарес – православный араб и лидер православной общины США, находящейся под омофором Его Блаженства Игнатия IV, патриарха Великой Антиохии и всего Востока.

Исам Фарес напрямую или через Фонд оказывает помощь Американскому университету в Бейруте, который в 80-х годах получил грант в 1 млн. долл. для обновления медицинского факультета. В 1995 г. Фонд даровал еще миллион долларов университетской кампании по восстановлению разбомбленного Колледж Холла. В качестве признания его вклада новая галерея Колледж Холла названа Галереей Исама Фареса.

Православный университет Баламанд на севере Ливана также на средства его Фонда построил форум – место для общих собраний, библиотеку и другие объекты.

Однако наибольшую помощь получает Tufts University в Бостоне, основанный в 1852 г., где выдающиеся политики выступают по приглашению Исама Фареса с лекциями перед студенческой аудиторией.

Два здания и серия лекций в Tufts носят его имя: Исследовательский Центр по изучению проблем Восточного Средиземноморья и специальная кафедра по изучению Ливана и Ближнего Востока во Флетчерской школе; серия лекций для поддержки обучения гуманитарным и социологическим дисциплинам, истории искусств на Ближнем Востоке, а также Исследовательский Центр по разведению лошадей в Ветеринарной Школе. Исам Фарес имеет несколько десятков скаковых лошадей, которые работают на ипподромах Бейрута и других городов.

Столь активная международная благотворительная деятельность Исама Фареса высоко оценивается мировым сообществом. Он член Попечительского совета Тафтского университета и Университета Баламанд, кавалер многих орденов и премий, почетный доктор Тафтского университета и Дипломатической академии МИД РФ, в которой он выступал дважды, в 1997 г. и 2002 г., с лекциями по Ближнему Востоку. Он является членом Европейской ассамблеи православных депутатов и членом Лондонской группы по кризисным ситуациям.

В 1997 г. Исам Фарес впервые посетил Москву по приглашению Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В 2001 г. Исаму Фаресу была присуждена премия Международного фонда единства православных народов, работающего под руководством Его Святейшества Алексия II. В январе 2002 г. в Патриарших палатах Кремля Исам Фарес принял участие в церемонии вручения Владимиру Путину этой престижной премией и имел беседу с президентом России по проблемам ближневосточного урегулирования. Патриарх Алексий II вручил Исаму Фаресу орден Святого Благоверного Князя Даниила Московского, а его супруге – орден Святой равноапостольной Великой Княгини Ольги.

Для Исама Фареса характерна широта взглядов и активное стремление содействовать диалогу культур и цивилизаций. В г. Триполи на его средства реконструирована больница Исламского центра, а сегодня начинается работа по реставрации средневекового крытого восточного рынка

этого города.

Большинство предприятий Исама Фареса в США находятся в штате Техас, что естественно объясняет особые отношения, которые у него сложились с семьей Дж.Буша-ст., который дважды выступил с лекцией перед студентами и преподавателями Тафтского университета. В цикле таких лекций, организованных Исамом Фаресом, выступали также Коллин Пауэлл, Валери Жискард д'Эстэн, Маргарет Тэтчер, Джеймс Бейкер, Билл Клинтон, Хиллари Клинтон и др.

В сентябре 2004 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1559, в которой содержалось требование вывести находящиеся на территории Ливана сирийские войска, провести “свободные и справедливые, без давления извне” парламентские выборы и разоружить военные отряды организации исламского сопротивления “Хизбалла”. Исам Фарес перед принятием этой резолюции выехал в Нью-Йорк и выступил в штаб-квартире ООН от имени правительства Ливана с объяснением ситуации в стране. Однако резолюция была принята. Сирийские войска в апреле 2005 г. покинули территорию Ливана), в мае были проведены выборы в парламент, но “Хизбалла” отказалась разоружаться.

Исам Фарес не стал баллотироваться в новый парламент и ушел в отставку с поста заместителя премьер-министра. Однако, как он заявил, он не уходит из большой политики и будет продолжать работать в Ливане и за его пределами в интересах своей страны и достижения регионального мира и согласия. Большой политический опыт, широкие связи с лидерами многих государств дают нам уверенность в том, что Исам Фарес будет продолжать играть важную роль в политической жизни Ближнего Востока да и всего мира. Достаточно сказать, что сегодня Фонд его имени продолжает реализовывать начатые проекты, а лично он прилагает усилия по консолидации политических сил в Ливане и за его пределами, которые выступают за региональный мир и согласие.

Исам Фарес. Ближний Восток: путь к миру и согласию.
М.: изд. “Известия”, 2005. 232 с.

[[СОДЕРЖАНИЕ](#)]